

НЕНУМЕРОВАННЫЕ ПИСЬМА МАРКИЗА КЮСТИНА
(Отчет о путешествии к русским евреям на Ближний восток).

За любезно предоставленную информацию автор благодарен маркизу Астольфу де Кюстину, Авигдору Либерману, Нелли Гутиной, Маше Гессен, Авигдору Эскину, Сергею Мигдалу, Иосифу Раскину, а также многочисленным комментаторам и авторам Интернет-сайта Zman.com. Беспочвенны подозрения, будто мнения одного из героев отражают личные политические пристрастия автора, чьи убеждения в каждый данный момент времени представляются ему незыблемой скалой, но которому ветры перемен неизменно доказывают, что мировоззренческие принципы его – лишь сыпучая подвижная дюна.

Место действия:

Святая Земля – она же – Земля Израиля, она же – Палестина.

Действующие лица:

*Бог – либерал леворадикального толка, Создатель и Хозяин Вселенной.
Маркиз Кюстин – французский аристократ, русофоб, отец русофобии, гей.
Инженер – проводник маркиза, патриот Еврейского г-ва, сторонник г-на Либермана.
Е. Теодор – приятель Инженера, тоже инженер, русофил, публикуется в самиздате.
Ирэна – подруга Е. Теодора.*

Высказывающиеся лица:

Зманкомовцы – евреи-выходцы из России.

По прошествии едва ли не двухсот лет (ста семидесяти трех – к удовлетворению педантов) мне захотелось вновь посетить Россию, но тамошнее общество категорически отказалось выдать мне въездную визу, объявив меня неисправимым клеветником, а мой честный и непредвзятый отчет о предыдущем путешествии – Библией русофобов. «Собака Кюстин» – не самый громкий из титулов, пожалованных мне русской публикой того времени после выхода в свет моих путевых заметок «Россия, 1839».

Однако, уступая моей настойчивости, Отец небесный, высоко оценивший былую мою несгибаемую земную веру в него, нашел для удовлетворения моей прихоти подходящую по его мнению замену, позволив мне спуститься на Землю Обетованную, с которой небеса издревле поддерживают режим особых отношений, сходный с тем, что принят в Британском Содружестве наций, и в которой вот уже двадцать с лишним лет как обосновались выходцы из России в количестве более миллиона. «Столь пытливому уму как ваш, дорогой маркиз, – сказал он, – даже любопытней будет исследовать интересующий вас предмет, имея дело не с ним самим, а знакомясь лишь со слепком ладони, вдавленной в незастывший бетон. Вы почувствуете себя охотником, не видящим объекта охоты, но преследующим его по отпечаткам, оставляемым на нильском песке, занесенном морскими течениями в любезные мне края. Если повезет, найдете, может быть, длинный след зада его, соскользнувшего по зыбкому склону бархана».

Несколько слов о Небесах смертным жителям Земли. Как давнишнее посещение России и знакомство с деспотическим управлением ею, с тиранией, пропитавшей все поры ее общественного устройства, открыло для меня странное тождество: аристократ и роялист во Франции – равен русскому революционеру и республиканцу, – так вознесение на небеса

едва не обратило меня в агностика, уж больно отлично оказалось устройство горнего мира от земных представлений о нем. Не будучи в силах, да и не желая нарушить внешнеполитические принципы Повелителя Вселенной, я не стану вопреки воле его сообщать вам подробности о том, что каждому из вас предстоит узнать рано или поздно о мире, лежащем за пределами земной жизни. С величайшего дозволения упомяну только о поразившем меня до глубины души теплом и непринужденном рукопожатии, которым встретил меня Предвечный, о простоте в обращении, особенно в отношениях его с вновь прибывшими, ибо ему крайне неприятно все еще имеющее хождение на Земле представление о нем как о неограниченном деспоте, способном одарять людей незаслуженными благами и наказывать несправедливыми казнями. Однажды мне случилось напомнить ему ужасную речь его, обращенную к Йову. Нужно было видеть, как он смутился. «Другие были времена, – сказал он, – и я тогда был другим». Гораздо позже, перед Второй Мировой войной, он ответно уколол меня, сказав, что моя «Россия, 1839» по количеству необоснованных и предвзятых обобщений ближе к «Протоколам сионских мудрецов», чем к объективным запискам, каковые должны выходить из-под пера путешественника, твердо стоящего на почве реальных фактов и по живой почве передвигающегося. Свидетельствую: земной поединок двух предположений – о принципиальной неизменяемости совершенного Бога и о развитии, как одним из атрибутов божественного совершенства, – более неуместен. Истина заключается во втором утверждении.

В свете сказанного (тончайшей полоски света из чуть приоткрытой двери) пусть не удивляет вас мое простое и сердечное обращение к Всевышнему, оно не амикошонство хама, не наглость розничного торговца. Быть с Вседержителем на короткой ноге – ныне обычная привилегия всякого смертного, если в земной своей жизни он был достаточно честен и не слишком зол. «Мне выказывайте ровно столько почтения, сколько друг к другу имеете», – говорит Предвечный.

Мои амі, Вседержитель!

Мой спуск на Святую Землю был легок и быстр, он был похож более всего на скольжение по водяному желобу, хотя случались и неровности. Вижу твою лукавую усмешку из-за того, что я не назвал контактировавшие с моим седалищем неровности досадными. Но кому как не тебе обязан я всем, всем, всем... и этим тоже... В своих давнишних записках я многократно уверял читателя в своей честности, что по ироничному твоему замечанию – верное свидетельство: этому человеку есть, что скрывать от других. Я счастлив, что ныне на Земле гомофобия в приличном обществе не в чести, а ведь когда-то это было негативное чувство, по интенсивности превышавшее пренебрежение белого человека к чернокожему африканцу или благородное презрение христианина к еврею. Мой дорогой, мой любезный друг Господь, не милостью твоей движется ныне вперед человечество, но поощряемое излучаемым тобою теплом и бесконечной благожелательностью!

Знаю, используй я для письма привычные перо и чернила, рука моя помимо воли взмывала бы, чтобы повысить вознести верхнюю планку в словах «Ты» и «Тебе», будто стремясь приблизиться к горней выси, в которой обитаешь. Уж такую власть над нами имеют культурные наши привычки! Но эта кнопка-клавиша «SHIFT», забавно напоминающая скамеечку для ног моей старящейся матушки! Я несколько раз отщелкал: «Ты, Тебе, Ты, Тебя, Ты, Тобою» – нет, машинная эта почтительность пришлась мне не по вкусу. Как беззаконно вылезшие (еще с зеленой краской на голове) шляпки гвоздей, скрепляющие части садовой ножной скамеечки, торчали бы эти «Т», царапая внимание, смущая и отвлекая тебя от содержания писем. Из-за упражнений со славной игрушкой текущего земного времени, на которой печатаю (какое обязывающее слово!), я и задержался так основательно с первым своим посланием. Но теперь – обо всем по порядку.

В духе времени было бы не описывать словами предуготовленного мне твоей неизменной заботливостью провожатого, который, как было обещано тобою, уже поджидал меня в конце невидимой смертному глазу трубы, а поместить несколько его фотографий в Picasso. На этих фотоснимках он был бы запечатлен как в мгновения нечаянные и в позах

непринужденных, так и прямо позирующим для объектива цифрового фотоаппарата. Но так же, как в своих прижизненных записках я не рискнул воспользоваться новым языковым стилем Бальзака и Стендаля, так и сейчас не возьму в руки этот изумительный по совершенству предмет, дабы не выглядеть глупо и неестественно. Довольно с меня компьютера. Да, я все еще чуждаюсь русской страсти жадно хвататься за новейшие произведения цивилизации и употреблять их неподходящим образом при несоответствующих их духу и назначению обстоятельствах. Иными словами, я боюсь, впад в грех дурного вкуса, построить свой собственный Петербург, греко-римский призрак на финских болотах, город-фантом – искусственный бриллиант холодной империи, каким он увиделся мне в столь далеком ныне 1839-м году.

Итак, провожатый мой был, разумеется, еврей, об этом без труда можно было бы догадаться, помести я все же его фотографии в Picasso, но в соответствии с декларируемой мною задачей нынешнего путешествия, я буду встречаться исключительно с выходцами из России и условно стану называть их «русскими», в дальнейшем уже не прибегая даже к кавычкам.

Позже я попросил моего спутника рассказать о семейной истории его семейства. Не так уж интересовали меня предки его самого и его жены (если я правильно запомнил: Хая, Гитл, Блюма, Ривка – женщины и Аврум, Хаим, 2*иоселе – мужчины), сколько хотелось мне удостовериться в отсутствии в его родовом древе славянских корней, которые обложили бы данью неизбежной апологетики его личное отношение к русским. Из вышеприведенного перечисления я мог заключить, что я могу быть совершенно спокоен относительно независимости его суждений в отношении русских и французов, хотя последний аспект не представляет интереса с точки зрения целей и замысла моего путешествия.

Итак, увидев перед собою внезапно материализовавшегося маркиза, мой Вергилий рефлексивно почесал седой нимб своих волос сначала позади уха, потом еще и ниже лысины (которую я обнаружил позже, так как ее геометрический центр приходится на макушку), смутился произвольными этими жестами, но вместо того, чтобы обуздать суетливость, еще и чиркнул рукой по брюкам, устраняя возможную влажность ладони, и наконец приветливо протянул мне руку. Презрение к антисемитизму, русская версия которого (презрения, конечно, а не антисемитизма) столь убедительно представлена писателем Набоковым в воспоминаниях о своих родителях, было, понятно, не новостью и для образованного, получившего хорошее воспитание француза уже и в мои земные времена, поэтому я ответил сердечным пожатием. Помня давнее обидное высказывание моей французской современницы о том, что рука моя не столько пожимает, сколько липнет, я старался, чтобы сей первый знак расположения был искренен и энергичен.

После: «Parlez-vous français? Good morning, sir! Как поживаете, уважаемый маркиз?» – стало ясно, что единственным выходом для нас является использование языка Туманного Альбиона.

– Вам не пришло в голову выучить русский, воспользовавшись, например, переводом вашей собственной книги? – поинтересовался Вергилий. – У вас было достаточно времени...

Да, узнаю русского, – первым делом он атакует иностранца обидой на скупость восторгов, выражаемых им в отношении русской культуры и недостаток прилежания в ее изучении. Русская культурность, признаю, существует, но она бывает довольно утомительна, а порою и несколько назойлива.

– Мы не склонны изучать языки, носителей которых почитаем людьми, лишь недавно отошедшими от варварства. Многие ли из вас выучили арабский? – я и в прошлое свое путешествие к русским заметил, как быстро от тесного общения с ними я теряю европейскую учтивость и европейские приемы общения.

– Почти никто, только Ксения Светлова, – сознался он и пояснил, что г-жа Светлова – ведущий арабист здешней русскоязычной прессы.

Английский его был чуть лучше автоматического перевода Google, то есть, понять его можно было, усладиться его изысканностью – сложно. Он не сдавался.

– Русская литература – не беднее французской, – буркнул он.

– И так же первична, как архитектура Петербурга.

Об этом я мог бы догадаться заранее, это мне знакомо – первый же встреченный мной русский станет разглагольствовать по поводу великой

русской литературной традиции и выведет из равновесия даже столь сдержанного человека, как я.

– Даже Пушкин ваш с точки зрения стиля и тем неоригинален, – прибавил я в сердцах. Это было неопасное, но опрометчивое высказывание. Так однажды я попытался поймать падающий с верхней полки кухонный нож, прижав его животом к буфету. Почему не ловил рукою? Руки заняты были бокалами, прислуга отослана. Тогда обошлось, обошлось и сейчас.

– Вы не можете почувствовать волшебства языка Пушкина, – снисходительно повел плечами русский.

– Эту тему мы уже обсудили, – бокалы поставлены на стол, нож, не повредивший одежду и брюшную полость, водворен на исходное место, следовало в свое время попенять прислуге – ножи не должны храниться так высоко, а мне сейчас в беседах с русскими не стоит задевать ни Пушкина, ни Гоголя, ни Тургенева, ни Толстого, ни Чехова, ни многих других.

Кстати, когда имя Гоголя мой ныне вступивший в должность уполномоченного по связям с русской общиной проводник упомянул в беседе со мною, я заподозрил, что он уже в курсе относительно моей сексуальной ориентации. Мне показалось даже, что он при этом взглянул на меня испытующе, ожидая сочувственного моего отношения к судьбе писателя. Легким поклоном я подтвердил свое участливое и сострадательное отношение к личной трагедии Гоголя, которое в сочетании с почитанием моим спутником слога и юмора сего титана русского слова, по моим расчетам должно было послужить укреплению чисто человеческой симпатии между нами. Но я ошибся тогда в своей догадке.

– Каким образом вы здесь оказались? – поинтересовался я.

– Мне приснился Бог, он поджег простыню на моей постели с четырех сторон и прогремел с потолка: «Поди туда-то, встретить того-то. Будешь ему Вергилием, Данте читал? Не выполнишь – голубым сделаю!»

Вот это – новость для меня! Оказывается, являясь к земному стаду своему во снах, ты, о Великий Пастырь, не брезгуешь пользоваться их языком и стимулировать их будущие поступки близкими их пониманию посулами и остростками.

Новому своему знакомцу я сказал лишь:

– Голубой – главный цвет вашего флага, белый – всего лишь служит ему фоном.

Он неопределенно хмыкнул. Позднее я ознакомился с последними спорами русских в блогосфере по данному вопросу. Их, оказывается, очень занимают ныне так называемые «парады гордости». Диапазон мнений весьма широк: от по-детски непосредственного «облить бензином и сжечь» до весьма просвещенного подхода, мирящегося с самим явлением, но требующим сделать его невидимым, вернее, более удаленным от общественных мест, чем, скажем, процесс дефекации или конвенциональный половой акт.

Хотя по прошествии некоторого времени и по мере углубляющегося знакомства со здешним своим фельдъегерем (в духе времени – переименую его в офицера связи) меня стало тянуть порою провоцировать последнего на почве нетрадиционной сексуальной ориентации, я легко справляюсь с соблазном, ибо ты, Господи, подобрал мне не слишком благообразного спутника. К тому же свирепость русских законов советского времени в отношении гомосексуализма (а тогда именно возмужал мой провожатый и сформировались его жизненные установки), породила у обитателей российских пространств ощущение, что гомосексуалист в их среде – такая же редкость, как, скажем, убийца, и мой новый друг, видя перед собой ежедневно обыкновенного временно ожившего французского маркиза, не в состоянии был поверить всерьез, что я могу представлять собою экземпляр из сонма этих чудовищ. Захоти я его соблазнить, думаю, мне пришлось бы немало потрудиться, чтобы дать ему понять со всей определенностью, о чем идет речь. Может быть, мне пришлось бы прибегнуть и к откровенно пошлым или псевдолитературным приемам, или и то, и другое вместе. Например, когда он утром постучался бы в мою спальню, я крикнул бы ему из постели: «Входите!» – и не слишком полагаясь на русскую его догадливость, построил бы фразу следующим образом: «Мой Алексей уж поднялся ото сна, но сам я, как видите, еще в лежачем положении». Представляю, как на лице моего друга после небольшой заминки отразилась бы смесь двух чувств –

желания угодить новому приятелю, покровительствуемому самим Всевышним, и нескрываемого отвращения. Увы! Все, что оставалось бы моему Алексею, не видящему удаляющейся спины оскорбленного квартирохозяина, отправившегося завтракать в одиночестве, если уж придерживаться до конца русского образа ряда, – либо искупаться в ледяной проруби, либо докрасна растереться после жаркой бани.

Любопытно, откуда этот «Алексей» прыгнул мне на язык? От Вронского и Каренина, что ли? Ведь оба они – Алексеи, не так ли?

Но, Господи! Когда же цивилизация коснется хотя бы краешка русской души, подарив ей умение ретушировать эмоции и не допускать их столь явного отражения лицевыми мускулами, какое привиделось мне в этой гипотетической реакции моего русского знакомого? Между прочим, я заметил, что и женщины их таковы. Никогда не обнаружите вы разницы во взгляде француженки, которым посмотрит она на безобразного старца и прекрасного юношу. Лицо же женщины русской, скорее всего, для первого окаменеет холодной маской гордости, при виде второго – может вспыхнуть и даже порозоветь до мочек ушей. Правдивость и искренность всегда почитались мною как лучшие из человеческих качеств, но как глубоко способны они при данных обстоятельствах ранить душу европейца! Какой долгий процесс развития предстоит еще русским понятиям о светской учтивости!

Ты помнишь, наверно, ma chérie, первые наши по прибытии моем на небеса беседы на столь животрепещущую для меня тему нетрадиционной сексуальной ориентации. «Зачем? – спрашивал я тебя. – Почему? Ну, не для того же, чтобы потешаться над земными неудобствами и незадачами нашими с небесных высот? Что тут забавного?» Помнишь ли, Господи, мое недоумение, как если бы ты предложил мне побриться приспособлением для обрезки ногтей, когда ты развел руками и поднял очи горе? Ты улыбался, читая мои «крамольные» мысли. Тебе знакомы давным-давно дурацкая ухмылка и глупый вопрос атеиста: «Кто создал Бога?» И вот ты беспомощно поднимаешь глаза и не отвечаешь на вопрос, терпеливо и сочувственно наблюдая ужас мой и каменеющее мое лицо, на котором начертан немой вопрос: если всемогущий Господь не знает этого, то может быть, он действительно не осведомлен и относительно своей родословной? Иными словами: наш Бог и Отец – сын неизвестного родителя, «мамзер»?

Я смиренно удовлетворяюсь лишь тем, что дано мне знать, и радуюсь небесной, а теперь уже и земной реабилитации мне подобных. Это обстоятельство вдохновило меня на единственное, пожалуй, новшество в построении книги, которым позволю себе отметить произошедшую революцию нравов: отныне набранное курсивом резюме письма будет не предварять оное, но размещаться позади него.

Я спускаюсь на Святую Землю. Первая встреча с проводником. Вопросы языкознания. Мой Вергилий и его происхождение. Пушкин, Гоголь и русская культура. Гомосексуализм на земле и на Небесах.

Дорогой друг, Господь!

Ну, вот встретились мы с инженером (так я буду его впредь называть по роду его деятельности), поговорили, поспорили, но теперь нужно ведь было куда-то идти, что-то делать. Ни чемоданов, ни багажа, ни местных денег, ни кредитной карточки при мне не было. В отсутствие поклажи Инженер мог удостовериться собственными глазами, о счете в банке и вообще о моем материальном положении он осведомился, признаю, с максимальной деликатностью, в которой никогда нельзя было отказать русским, когда дело касается денег. Он даже не пробурчал, что о возмещении расходов на мое содержание во сне ничего не было сказано. Видимо, практический этот человек сообразил, что неживой французский маркиз все же отличается от прочих его друзей и родственников, и принимать его следует как-то иначе.

Подумав и решившись, он предложил мне жить у него. Когда мы прибыли на место, я понял, почему именно на нем, Отец Небесный, ты остановил свой выбор: Инженер разведен, дети его уже давно живут отдельно со своими супругами и потомством. Двухэтажный домик инженера невелик, но конечно, достаточно поместителен, чтобы я мог

разместиться в нем с минимальными удобствами, к коим можно причислить и маленький глухой садик, запущенный до такой степени, что в нем рано или поздно заведется семейство медведей с обвалянной шерстью и прилипшими к ней опавшими лепестками бугенвиллий, обвивающих лимонные кедры (для кукольной их природы довольно высокие, не ниже десяти метров).

В относительном порядке в доме содержится только кабинет Инженера, над рабочим столом которого висит большой фотопортрет политического лидера русскоязычных обитателей страны – Авигодора Либермана. В углу столика имеется небольшой фотомонтаж, – популярная имитация картины «Тайная вечеря» да Винчи: в центре восседает все тот же господин Либерман, вокруг него сгрудились еще четырнадцать его ближайших соратников, по числу членов Кнессета его партии. Я заметил Инженеру, что у Иисуса учеников было меньше по Леонардо. Гостеприимный хозяин не заметил моей иронии, он выглядел весьма удовлетворенным политической успешностью своего кумира и выразил надежду, что рано или поздно господин Либерман станет премьер-министром его страны.

Имелись в этом кабинете еще диван и коньячного цвета книжные стеллажи. На дверцах их, ближних к письменному столу, видны светлые пятна (Инженера, как я узнал позже, порой донимает аллергический насморк, бурные проявления которого он, видимо, не всегда успевает уловить и канализовать в бумажную салфетку или носовой платок). Насекомые в доме не водятся, хозяин, немного смутившись, признался, что в этом нет его заслуги – паразитов регулярно травит его сосед по дому и эффект от производимой им дезинсекции распространяется и на его обиталище.

По стенам гостиной, в спальне, вдоль лестницы развешаны картины, по большей части, изображающие животных. Среди них – две овечки знаменитого местного художника Кадишмана. Стоят они недорого, как признался Инженер, и художник производит их сотнями.

На кухне у него оказалась только одна маленькая кастрюлька с бугристыми желтоватыми наростами внутри до двух третей высоты ее стенок. Что других нет – я понял, когда он за одну минуту сварил нам обоим овсянку на одной воде с солью в глубокой с керамическим покрытием сковороде, которую тут же легко отмыл.

– А эта не отмывается, – кивнул он с отвращением в направлении замызганной кастрюльки, – я в ней только яйца варю, больше ничего. Мне диетолог прописала по утрам съедать одно яйцо и овощной салат с нежирным творогом, – добавил он.

Впрочем, откровенной свалки в доме не было, это скорее можно было назвать минималистским мужским порядком с легко ощутимой неприязнью к уборке пыли (бытовой серой, обыкновенной), до удаления которой хозяин дома либо не снисходил вообще, либо исполнял досадную эту домашнюю обязанность крайне редко и неохотно, в ожидании чьего-нибудь визита, посещения кого-нибудь из родственников или детей своих с малолетними внуками (с бывшей женой, как я понял, общение было оборвано раз и навсегда).

Он отвел мне пустующую комнату сына на втором этаже. В ней оставалась тяжелая мебель, то есть шкаф и диван, пара картин на стенах, стереоустановка. Ощущавшиеся логикой домашнего обустройства пустоты в углах и на белых стенах свидетельствовали, видимо, о том, что какие-то мелочи обстановки отправились вслед за прежним владельцем комнаты в его новую жизнь.

Каких-либо признаков религиозной принадлежности Инженера в доме не наблюдалось. Я спросил его об этом, он неопределенно пожал плечами в ответ, видимо полагая, что мы недостаточно еще с ним знакомы, чтобы углубляться в данную тему.

После того, как мы уладили бытовые вопросы (Инженер приобрел для меня в ближайшем магазине две зубные щетки по цене одной, все остальное имелось в избытке, достаточном для двоих), мы принялись обсуждать, каким образом я буду знакомиться с «русской» жизнью здесь (кавычки я в дальнейшем буду опускать не только в отношении персонажей, как уже оговорено мною, но и в отношении среды их обитания). Разъезжать по стране не было особого смысла. Кроме посещения русских Интернет-сайтов ничего не приходило в голову моему Инженеру, но тут он вспомнил, что приглашен на 85-летие своей родственницы, и без промедления договорился с виновницей торжества о моем участии в последнем.

Он предположил, что присутствие на юбилее французского маркиза польстит пожилой женщине, и не ошибся – на меня порой косились присутствующие так, будто я был прямым словно шест в стриптиз-баре самим генералом де Голлем в военном мундире с высоченной фуражкой. Собрание это оказалось милым и трогательным. По глуповато-размягченному взгляду, каким после нескольких рюмок водки стал наблюдать за происходящим в актовом зале пансиона для пожилых людей мой Инженер, я догадался, что пение вышедших на середину, выстроившихся в небольшую живую дугу нескольких младших товарок (окаменевшее от почтенного возраста и сознания значительности возложенной на него миссии), одобрительные возгласы едящих и пьющих, – все это будто вернуло его в уютную и родную атмосферу русских застолий.

Соседкой моей с другой стороны оказалась довольно прилично говорящая на английском весьма крупная, но хранящая правильные пропорции дама, вся в черном и очень начитанная. Уже обжегшись на Пушкине, я с учетом страны, в которой находимся, заговорил о Пастернаке, позволив себе критически отозваться даже не о поэзии его – только о жизненных воззрениях, как поэзия прихотливых, но лишенных строгого смысла, которого от поэзии никто и не требует. Надо было видеть, как вспыхнула она, какая лавина (вполне вежливого, впрочем) негодования покатила на меня откуда-то сверху, я даже не могу сказать откуда, так как наверняка свернул бы себе шею, если бы попытался разглядеть источник обрушившегося на меня гнева. Я даже слов не запомнил, так ошпарили они мой слух религиозной страстностью, начавшись с: «Вам не понять, как...» Нет, никак не могу вспомнить, какие именно непостижимые для меня, по ее мнению, свойства души поэта были упомянуты, ибо я уже только разглядывал ее голову и пытался представить наполняющий ее мозг, порождающий столь величественно выражаемые эмоции, в которых как муравей в плевке должен был утонуть интеллект моей действительно скромной особы.

– О! М-м-м... – только и смог произнести я в ответ, стараясь, чтобы в голосе моем не отразились сомнения, а только смирение, требуемое правилами хорошего тона.

– И у нас, – все же возразил я, имея в виду не Небеса, а Францию, – есть немало людей, способных влюбляться в холсты и тексты, но мы полагаем абсурдным поклонение личностям писателей и художников.

Про себя же я в очередной раз подивился готовности русских выстраивать свои мысли и чувства строго по вертикали и подумал, что случись завладеть идейной и духовной властью в России, например, харизматическому зубному технику, – и через какое-то время русские широко открывали бы рты при встрече, показывая друг другу золотые, стальные и керамические коронки, многословно и самозабвенно восхищаясь бы гениальностью мастеров бормашины, а соединись сия идейная и духовная власть с политической и государственной (что в России не новость), и они будут доводить себя до полубоморочного состояния медитациями на тему величия зубодерных щипцов и потрясающей остроты и колючести полукругом завернутой на конце стальной ковырялки.

График количества выпитых крепких напитков (колеблющегося вдоль оси вертикальной, когда по горизонтальной – выстроены в ряд имена и фамилии приглашенных) тем временем обретал достаточно высоко воспарившие пики. Послышались патриотические песни, воспевающие подвиги города-героя в России, из которого прибыла сюда именинница. Содержание песен и их мелодии, отличающиеся суровостью и величием, распрямили главного солиста, заставив его сначала вскочить со стула и размахивать руками, а затем вытаскивать по очереди из-за стола особенно хорошо сохранившихся старушек и кружить их в танцах, которым затрудняюсь найти точное место на древе хореографии.

Тот же солист чуть позднее ухватил моего Инженера за локоть и стал рассказывать ему, как он жалеет о том, что покинул тот славный город. Мой спутник, несомненный патриот вновь обретенного Отечества, кажется, не очень был рад излишням солиста и танцора и позднее пробурчал, склонившись к самому моему уху, что уже не первый год выслушивает эти речи, но не наблюдает практических попыток ностальгирующего гражданина вернуться в город-герой – то ли цена такого гражданского подвига оказывается слишком высока для солиста,

то ли порыв его угасает с понижением содержания алкогольного напитка с русским названием в еврейской крови.

В общем, этот вечер напомнил мне, какими славными и милыми людьми умеют быть русские, пока они едят и пьют, не касаясь вопросов политики и власти или пока не затронете вы чести и славы пестуемых ими светочей культуры.

Я устраиваюсь в доме Инженера и попадаю на именины его родственницы. Продолжаю наблюдение за нравами и жизненной философией русских.

Всемогущий Боже!

Ранним утром следующего дня я проснулся из-за шелеста – это был звук поливаемой травы в садике Инженера. Полюбовавшись зеленью и красно-розовыми гроздьями цветов бугенвилей, вдохнув фонтанной свежести полива, я оделся и перешел в кабинет хозяина дома, чтобы внимательнее разглядеть портрет г-на Либермана на стене. Легкий наклон головы при таком разглядывании (влево-вправо или наоборот) – странный человеческий инстинкт. Не прибавляя никакой информации, это качание позволяет все же каким-то образом размять мускулы и шеи, и ума, особенно, как в данном случае, – после беспокойного сна, какой бывает обычно после чревоугодия и возлияний. И вот, когда я уже приблизил голову к правому плечу, в кабинет вошел Инженер. Лишь быстро оглянувшись на него для короткого утреннего приветствия и продолжая изучать портрет, я сказал, что изображение любого политика в фас малоинформативно, поскольку на такой фотографии он во всеоружии и напоминает конную статую рыцаря с опущенным забралом на вздыбленном коне. Стоя перед таким монументом, видишь прежде всего угрожающе нацеленные на тебя медные копыта, а на фотографии политика глаз притягивает прежде всего его галстук.

– Официальный портрет политического деятеля в демократическом государстве должен представлять народу последнего прежде всего со спины, – сказал я Инженеру. – Спина человека с необычайной точностью отражает его характер, подделать выражение спины несравненно тяжелее, чем напялить на лицо маску, которая понравится избирателю.

Спохватившись, я обернулся к Инженеру, ожидая увидеть скабрезную улыбку, но таковой на лице его не обнаружил, так как, по-видимому, он еще не догадался ознакомиться с моей биографией в Интернете. Ведь судя по тому, с помощью какой угрозы ты, Господи, побудил его определиться ко мне в проводники, он вряд ли отличается от других русских, которые в большинстве своем сохраняют представление о гомосексуалистах как о существах зачумленных и если позволено так выразиться (оттолкнувшись от наименования индийской касты), – «прикасаемых», но лучше – посредством палки, желательно, увесистой и суковой. Поэтому гораздо лучше будет для меня, если окажется в распоряжении нашем довольно времени, чтобы Инженеру постепенно обвыкнуться в моем обществе, дабы обнаружившееся, в конце концов, мое «уродство» не перевесило накопленного им к тому времени человеческого расположения ко мне.

Огромной удачей путешественника, с которой началось мое знакомство с Россией в далеком 1839-м году, было общение с ее императором – Николаем Первым. В духе новых времен первоначальное ознакомление с местными русскими мне показалось уместным начать с чтения биографии г-на Либермана в Интернете. Меня смущало опасение, как бы Инженер следом, тут же при мне, не вознамерился отыскать сведения о моей жизни, но я решил, что в этом случае сумею отвлечь его и попросил Инженера набрать в строке поиска нужное имя.

Текст статьи в Википедии сообщал, что юный Либерман после окончания школы поступил на гидромелиоративный факультет Кишинёвского сельскохозяйственного института. Я спросил Инженера, говорит ли что-нибудь ему, выросшему в той же стране, этот факт. Подумав, прибавив к дате рождения г-на Либермана семнадцать лет, Инженер сказал, что речь идет, видимо о примерно 1975-м годе. Немного помявшись, прибавил он, что если молодой человек в этом возрасте в то время выбирал научную или техническую карьеру, он прежде всего должен был загореться желанием быть принятым в одно из московских элитных высших учебных заведений. Если амбиции его или

способности были скромнее, и он готов был удовлетвориться местным техническим заведением, то наиболее престижными по тому времени считались факультеты электроники и вычислительной техники. Изучать механику шли преимущественно ребята из деревни, представить себе городского еврейского юношу, желающего посвятить себя вопросам гидромелиорации, Инженер затруднился, но стараясь найти выгодное для своего кумира объяснение и, найдя и просияв, сказал, что раз семья собиралась в Израиль, то юный Авигдор, возможно, мечтал о карьере, повторяющей жизненный путь героев новейшей еврейской истории – Моше Даяна и Ицхака Рабина, например, закончивших сельскохозяйственные школы и ставших впоследствии прославленными полководцами.

Инженер продолжил чтение и перевод. В 1978-м году, говорилось в статье, Авигдор с родителями репатрировался в Израиль. Он прошел службу в армии, дослужившись до звания младшего сержанта, а затем поступил на отделение обществоведения и политических наук Иерусалимского университета. Инженер признал, что предположение его не подтвердилось, и был этим, похоже, немного расстроен, но меня очаровали и его искренний энтузиазм и его честность, которую он явно ставил выше своих политических пристрастий. Признаюсь, он показался мне очень мил в эту минуту и вообще – нравился все больше и больше.

В приложенной к статье ссылке на публикацию о студенческих годах Либермана сообщалось о его причастности к столкновениям еврейских и арабских студентов, при этом свидетели евреи утверждали, что видели Либермана в гуще потасовок, арабский очевидец утверждал, что сам Либерман от драк увиливал. В глазах Инженера я прочел, как мне показалось, двухходовую мыслительную комбинацию:

а) араб всегда врет;

б) значит, имеется два свидетельства о героизме и мужестве нашего лидера.

Начало общественной карьере г-на Либермана положила жалоба еврейских студенток на приставания их арабских сокурсников в молодежном клубе. Молодой Авигдор был принят в него охранником-селектором и вскоре стал управляющим этого заведения. Далее в течение нескольких лет начинающий обществовед и политик руководил отделением больницы кассы.

Я уловил волны неловкости, излучаемые душой Инженера, в глубине которой плескалось близкое к пренебрежительному отношение ко всякому, кто не есть представитель полезной профессии, то есть, к примеру, – не инженер, и не врач, и желание, несмотря ни на что, выстроить вокруг образа г-на Либермана некую словесную ограду апологетического характера. Я уловил его затруднения в поиске подступов к разрешению поставленной перед собой задачи, и не колеблясь, пришел на помощь своему новому другу, заявив, что не нахожу тут ничего странного и тем более предосудительного – всякий человек вправе вольно избирать свою стезю.

Далее следовало описание головокругительной политической карьеры г-на Либермана – от его ведущей роли в победе на выборах кандидата от Национальной партии и последовавшего занятия им должности генерального директора канцелярии главы правительства до нескольких значительных министерских постов и не оспариваемого никем единоличного лидерства в созданной им же партии. Инженер считал нужным сделать от себя добавление, смысл которого заключался в том, что в коллективном сознании народа навечно сохранится благодарная память о выдающемся достижении г-на Либермана на посту министра инфраструктуры, который он занимал в течение целого года, – о судьбоносном для жизни страны решении, имеющем, между прочим, заметил Инженер, отношение к вопросам мелиорации, в соответствии с которым была принята многолетняя программа строительства опреснительных установок. В голосе его слышались явственно интонации упрека и порицания, хотя заслуживал их по-настоящему – его инженерный снобизм, а вовсе не я.

Я понимаю, почему еще было важно для Инженера подчеркнуть это деяние г-на Либермана: карьера партийного функционера, комсомольского вожака, в глазах русского человека – занятие, относящееся скорее к числу подлых, нежели достойных. В этой связи и я Инженеру, и он мне, должно быть, не затруднились бы процитировать чеканно сформулированное Ерофеевым русское кредо: «Я остаюсь внизу, и снизу плюю на всю вашу общественную лестницу. Да. На каждую ступеньку лестницы – по плевку. Чтобы по ней подниматься, надо быть

жидовской мордой без страха и упрёка, пидором, выкованным из чистой стали с головы до пят. А я – не такой». Но слова эти хоть и поразному, но задевали и меня, и Инженера, и потому, должно быть, оба мы промолчали и не стали хвалиться друг перед другом знакомством с поздней русской литературной классикой. Совсем другое дело – организаторские способности и хозяйственная сметливость. И Иван Грозный, и Петр Первый, и Иосиф Сталин снискали в глазах многих и многих русских если не полное прощение своей жестокости, то уж во всяком случае заслужили того, чтобы отворачиваться с презрением от их поношения или оскорбления памяти о них иностранцем или хотя бы даже отечественным инородцем.

В статье отмечалось далее, что двухлетний перерыв в политике либерман использовал для занятия бизнесом, связанным с торговыми операциями в Восточной Европе. Его фирма, утверждали авторы статьи, некоторое время была одной из крупнейших в своей сфере.

Оказалось очень непростым делом отыскать в русскоязычном Интернете информацию о характере бизнеса господина Либермана. Попалось известие о проведенной им в начале своей короткой предпринимательской карьеры операции по спасению от банкротства некоего австрийского банка, за что он был якобы вознагражден тремя миллионами долларов. Сообщалось и о других напоминающих работу миксера процессах, в которых перемешиваются деньги и воздух, и в результате которых как в коктейле «Кровавая Мэри» в одном слое остаются деньги, а в другом воздух, так как эти два ингредиента не вступают в реакцию между собой. Наиболее внятные сведения удалось почерпнуть из журналистского расследования, проведенного сотрудниками газеты «Гаарец», из которых следовало, что г-н Либерман создал компанию, чье название по всеобщей моде таких предприятий было похоже на «Черный супрематический квадрат» Малевича – минимум информации в битах, максимум всеохватного значения: «Натив эль Мизрах Исраэль». Совместным с Инженером усилием мы перевели это название на русско-немецкий лад: «Дранг нах Остен Исраэль». Компания должна была работать в Восточной Европе и республиках бывшего СССР. По свидетельству работников компании, вначале Либерман и сам не знал, чем будет заниматься его компания. Была предпринята попытка экспорта хлопка из среднеазиатских республик, потом последовала проба приобретения крупной плантации в Кении, однако в итоге в 1999 году компания Либермана занялась поставкой древесины и стройматериалов из Румынии, Украины и России. Тогда же, по утверждению авторов, на Кипре была создана еще одна компания, «Натив эль Мизрах Кафрисин» («Дранг нах Остен Кипр»), позднее переименованная в «Терсимано». В последнем названии, наверно, тоже заключен совершенно определенный смысл, но нам, несведущим в делах международного бизнеса Инженеру и маркизу, оно виделось схлопыванием супрематического «Черного квадрата» в простую «черную дыру».

– Отлично, – сказал я Инженеру, – положим, интерес его к среднеазиатскому хлопку и кенийским плантациям объясняется юношеским увлечением гидромелиорацией, но где учат спасать от банкротства австрийские банки и, тем более, торговать древесиной? В больничной кассе?

Мне хотелось бы использовать здесь избитый литературный штамп: «Инженер хитро усмехнулся в густые усы», – но никаких усов (ни густых, ни редких) у Инженера не было. Он просто хитро улыбнулся.

Еще два вопроса задал я Инженеру: зачем было Либерману прерывать столь удачно начатую политическую карьеру и как удалось ему мобилизовать начальный капитал для столь широкой коммерческой деятельности. Во втором вопросе мы достаточно быстро пришли к удовлетворившему нас обоим заключению, согласившись, что политический капитал вполне способен заменить начальный, уход же г-на Либермана из партии, для реанимации которой он столько сделал, Инженер с выражением задетого достоинства на лице (русского коллективного в данном случае) объяснил вспыхнувшей завистью к «русскому выскочке» со стороны старой партийной бюрократии.

В следующем разделе статьи сообщалось об инциденте, когда г-н Либерман «заехал по физиономии» (формулировка Инженера) двенадцатилетнему мальчику, ударившему его сына. Оплеуха, надо полагать, была достаточно увесистой, если сбила с ног малолетнего хулигана. В голливудском фильме «Казино» разгульный образ жизни доводит героя Джо Пеши до того, что ему уже не удастся, как бывало

раньше, сбить с ног человека одним ударом. Но здесь у тяжеловесного министра национальной инфраструктуры в противостоянии с неполовозрелым щенком, разумеется, не должно было возникнуть никаких проблем. Инженер никак не комментировал этот эпизод, но не требовалось быть великим физиономистом, чтобы прочесть в его заскучавшем взгляде пассивное сопротивление либеральным западным догмам воспитания. И опять я промолчал. В тот же вечер нам случилось посмотреть по телевизору передачу о девочке, от которой в Москве сразу по рождении отказалась мать. Поскольку в своем заявлении последняя указала, что отец ребенка – еврей, десятилетняя девочка была вывезена волонтерской организацией в Еврейское государство, где продолжалось ее сиротское детство в местных приютах. В двадцать пять лет она решила разгрести палую листву своего прошлого, и при содействии телевидения попала в тот детский дом, где провела последние семь лет в русской столице. Встретили ее там доброжелательно и приветливо, но она в десять минут устроила дикий скандал, напомнив, как избивали ее здесь и обнимая и целуя единственную за все детство воспитательницу, подарившую ей ощущение бескорыстной любви. Она вспоминала, как та взяла ее однажды домой, чтобы показать, как лепят русские пельмени. Это был все тот же эффект столкновения культур, действие какового на собственном примере испытал я в России 170 лет назад. С горечью вспоминал я позже, как проводя в России совсем недолгое время и привыкнув к тамошним, как ныне говорят, культурным кодам, сам стал соучастником жестокого обращения с ребенком и животным. Что говорить об ошарашенных воспитателях и администраторах? Они честно и искренне были возмущены тем, что хлеб-соль их так грубо отвергнуты, что из всех семи лет она помнит лишь меры физического воздействия, с помощью которых оберегались беззащитные существа от собственной детской разнузданности, агрессии и эгоизма. И когда, вообще, пара синяков служила в России серьезным поводом для широкой общественной дискуссии? Я не стал обсуждать с Инженером новейшие подходы к вопросам детского воспитания.

Последними были разделы об уголовных расследованиях против г-на Либермана и обвинения его в антиарабском расизме. Уголовные расследования были так растянуты во времени, обвинения так мелки, что все это сильно смахивало на петушинные бои, в которых вместо металлических наконечников, надеваемых на шпоры настоящих боевых петухов, используются наконечники юридические, которыми только и можно ранить до крови носорожью кожу настоящего политика. Что же до расизма, то я надеюсь исследовать сей аспект мировоззрения г-на Либермана в дальнейшем. Мне он интересен еще и тем, что во времена давнего моего путешествия в Россию и собственный мой подход к проблеме был совсем иным и весьма отличался от ныне принятого. И тогдашнее мое утверждение, что русским позволено покорять остальные народы, но недопустимо завоевывать поляков, опередивших русских в продвижении на пути цивилизации, ныне решительно отвергается Господом и под незримым влиянием его – мировой общественностью.

Дорогой Господь!

Помнишь ли ты, mon ami, серию карикатур Домье, на которых лицо короля-гражданина Луи-Филиппа постепенно превращается в грушу? Мне удалось разыскать фотографии г-на Либермана со спины в Интернете в статье г-жи Маши Гессен на сайте Snob.ru. Я мысленно попытался проделать аналогичные и напрашивающиеся мысленные трансформации, превращающие господина на фотографии в медведя, но остановился на полпути. То ли сочувствие к свергнутому королю-груше удержало меня, то ли опасение: бурый русский медведь – не безобидный орлеанский фрукт.

Полагая, что человек максимально раскрывается в своих конфликтах с другими людьми, я спросил, с кем больше всего враждует г-н Либерман. Подумав, Инженер ответил: «Пожалуй, с Эхудом Бараком».

Так, знакомимся: Эхуд Барак, родился, рос в кибуце, в школе учился неохотно, позже, будучи офицером, окончил университет в Иерусалиме (физика, математика), затем в Стэнфорде (экономика, системный анализ). В армию пошел пехотинцем, затем перешел в элитное

подразделение, стал его главой, участвовал во всех войнах своего времени, возглавлял штурм захваченного самолета, был организатором диверсионных рейдов, в том числе, очень известных, возглавлял Управление планирования Генштаба, военную разведку, Центральный военный округ, закончил военную карьеру на вершине пирамиды – начальником Генштаба. Еще генералом участвовал в разработке условий мирного соглашения с соседней Иорданией, в рамках последовавшей политической карьеры был министром внутренних, затем – иностранных дел, и наконец – главой правительства. В последнем качестве, премьер-министра, за полгода вывел из Ливана войска по согласованию с международным сообществом после затяжной (девятнадцатилетней) вялотекущей войны. Незадолго до назначенного срока отхода цепная реакция развала воинских подразделений ливанских союзников поставила армию перед дилеммой – вводить дополнительные армейские подразделения на место южно-ливанцев или ускорить отход. Было принято второе решение, ставшее причиной последующих обвинений Барака со стороны его оппонентов в «позорном бегстве». Попытался заключить окончательное мирное соглашение с палестинцами, но ни предложенные Баракком уступки, ни личное обаяние главного посредника, президента Клинтона, не привели к успеху. Провал переговоров был началом заката настойчивой, напористой, поэтапной и до того всегда восходящей карьеры Эхуда Барака. Работавшие с ним люди сравнивали его с совершенной логической машиной, в значительной степени обделенной необходимейшим даром политика – человеческим обаянием. Сатирики с наибольшим удовольствием обряжали его в одеяния моего знаменитого соотечественника – Наполеона Бонапарта.

– В чем же состоит их конфликт? – спросил я Инженера.

Невесть отчего родившаяся в душе игривая веселость накатила вдруг на меня. Дурачась, я попросил Инженера для начала вскрыть файл («файл» и «открыл» – важно поправил меня Инженер) с переводом на русский язык книги Либермана «Моя правда». Инженер не почувствовал перемены в моем настроении, зато переводчик книги Либермана, надо полагать сразу обратил внимание на две мины, заложенные в этом названии. Потому, чтобы равноудалиться от ассоциаций как с газетой «Правда», так и с известным программным документом «Моя борьба», переименовал его в «Ничего, кроме правды», чем еще и придал названию книги оттенки искренности и проникновенной взволнованности. Но что за странная любовь у г-на Либермана к историческим брендам, проявившаяся и в выборе названий для основанных им коммерческих предприятий? Я размышляю об этом сейчас, когда печатаю эти строки. Тогда же, продолжая развлекаться, я сказал Инженеру, когда книга г-на Либермана была уже на экране:

– Жми на бинокль! В этой щели напиши по-русски: «Барак». Теперь дави вот эту клавишу-толстушку!

Упоминаний о Бараке, сделанных в критическом стиле, в книге Либермана (подавшись настроению, я перестал называть его господином) было много, его правительство был названо «самым бездарным и вредоносным в истории страны».

«На волне лихой, умело спланированной и щедро оплаченной пропагандистской атаки, к власти в стране пришел политический авантюрист новой формации Эуд Барак, за год своего правления (с июня 1999 года) приведший страну к краю пропасти».

«Надо отметить, что премьер-министр Израиля Эуд Барак вообще приложил немало усилий для того, чтобы убедить арабов в том, что к угрозам с нашей стороны прислушиваться не стоит».

«Я хотел бы обратить внимание некоторых депутатов-арабов на то, что народ у нас не так глуп, как им кажется. Если они судят о нашем народе по правительству Барака, то они ошибаются... В отличие от правительства, народ понимает, что вся ваша деятельность направлена на уничтожение Государства Израиль... Вы — это террористическое звено в Кнессете. Вам угодно считать себя палестинцами — так скатертью дорожку — отправляйтесь в Палестину. Я готов на свои деньги приобрести вам билеты в одну сторону». (Из выступления в Кнессете)

Но по-настоящему увлек меня отрывок одного из интервью, вместе с текстами публичных выступлений, по-видимому, присоединенных к книге

из-за небольшого размера последней (то же самое веком раньше пришлось сделать Муссолини со своей куцей «Доктриной», по изобилию логических повторов к тому же могущей поспорить с количеством клопов в подворьях николаевской России). Я расчленю теперь этот небольшой отрывок на отдельные фразы, так мне будет легче их анализировать и выдвигать догадки по поводу конфликтующих сторон.

Итак, Либерман сообщает интервьюеру:

«У меня как-то была мимолетная беседа с Баракком».

Эта сцена в духе тогдашнего ребячливого настроения немедленно представилась мне детской мультяшкой. Храбрый медвежонок из оппозиции высоким голосом травести останавливает огромного угрюмого, необщительного и бирюковатого суслика премьер-министра:

- Эй! Бар-бар-барак! Стой!
- Чего тебе, Топтыжкин?
- Хочу это... вопрос задать?
- Ну?

«Я сказал ему, давай, мол, отбросим на минуту наши политические расхождения. Возможно, прав ты, возможно, прав я.»

Ах, какая же это прелесть, что не только в мультфильмах медвежонок сержант запаса может одной фразой поставить себя на одну же доску с хомячком генерал-лейтенантом! Октябренок (пионер? комсомолец?) Эвик – с генсеком Эхудом! В жизни, я знаю, Либерман гораздо крупнее Барака, его прозрачные светлые глаза (видел по телевизору), похожи на те, от которых сжималось сердце при просмотре итальянского сериала «Спрут», когда появлялся на экране этот жуткий мафиози-альбинос, обидчик малолетней дочери комиссара Каттани. Но все же, все же...

«Вот, у тебя так много исследовательских организаций, тоскующих от бездеятельности: Военная разведка (АМАН), ШАБАК, МИД, Мосад. Я в этом кое-что смыслю и могу утверждать, что огромное большинство документов, разрабатываемых ими, идет прямым ходом в корзину».

Еще бы ему не смыслить! Отец-основатель «Дранг нах Остен Исраэль» – и не смыслил бы! Серьезность возвращается ко мне, то есть – даже ко мне, постороннему (и потустороннему) маркизу, когда деятельность спецслужб страны, одной из которых в прошлом руководил Барак, мимоходом понижается в значимости до уровня мусорной корзины в утверждении одного из двух ведущих беседу героев, того, что на глазах вырастает из пушистого мишки в бурого тяжеловеса русских лесов, когда другой – тот, что ниже ростом, несмотря на свою высокую должность и воинские регалии, – съезживается до размеров серьезного и важного, а все-таки суслика.

«Поручи им провести «штабную игру». Задача: ответить на вопрос, куда мы придем через 10, через 20 лет? ... Поручи этим четырем организациям выстроить вероятные модели развития».

Молодой растущий политический организм диктует задание на глазах зарастающему плесенью премьер-министру.

«И не говори мне, к каким выводам они придут. Я хочу только знать, что эти выводы к тебе поступили».

Г-н Либерман (он теперь – опять господин в моем изложении) проявляет похвальную скромность, не требуя отчета о выполненном задании.

«Знаете, как он реагировал? Помахал этак ручкой – наполовину пренебрежительно, наполовину неопределенно».

Вот! Вот оно – невыносимое высокомерие Эхуда Барака, 14-го премьер-министра Еврейского государства. Кстати, через шесть лет после выхода книги Г-на Либермана началась ни одной разведкой мира

не предсказанная «арабская весна» и затяжная гражданская война в мертвой хваткой, казалось бы, схваченной спецслужбами Сирии. В другом месте той же книги г-н Либерман сообщает, что с этой же идеей он обращался, и не раз, не только к Эхуду Бараку, но и к Шимону Пересу. Реакция их, по словам г-на Либермана была идентичной. Несравненно более компанейский и расположенный к беседам с молодежью Перес, терпеливый, хоть и склонный к наставительному тону в общении с нею:

«...отвечал мне в таком примерно духе: «Брось, они же ни разу не смогли толком предсказать, что будет — мир или война».

Итак, в привычных для француза категориях допустимо ли сформулировать, Господи, следующий итог: безмерно заносчивый и честолубивый император-выскачка против непрошибаемо-непротыкаемого народного витии, вожака санкюлотов?

Личные отношения Авиغدора Либермана и Эхуда Барака представляются мне любопытными еще и по той причине, что они своеобразно и забавно напоминают многолетний и нескончаемый конфликт России с Западом. Конечно, я знаю, Господи, – ничто не повторяется в сотворенном тобой бесконечной мудростью мире.

Ненадолго хватило меня в стремлении заканчивать письма краткими резюме. Видимо, постоянство и приверженность порядку не входят в число твердо усвоенных мною добродетелей. Не стану больше утомлять тебя стилистическим аппендиксом, изобретением которого, признаюсь, поначалу очень гордился.

Добрый вечер, Господи!

Утро началось с победного взгляда, которым встретил меня Инженер, читавший новости в интернете.

– Вот, пожалуйста! – воскликнул он. – Только Либерман и умеет решать проблемы.

Речь шла о том, что бывшему главе Мосада была сделана экстренная операция по пересадке печени в Минске. Она стала возможна благодаря прямому обращению министра иностранных дел Либермана к белорусским властям. «Батяка Лукашенко», как называют его в русской прессе, лично распорядился поставить главу иностранной разведки на первое место в очереди на трансплантацию, и уже через пару дней донорский орган был в распоряжении врачей.

– Ему отказали у нас и везде на Западе, – Инженер едва сдерживал чувство гордости, такое знакомое мне, такое русское, такое родственное всеобщему ликованию, которое охватывает любой несчастливый народ, когда его футбольная команда выигрывает в блестящей европейской столице.

– Но почему же ему отказали здесь и в Америке, и в Европе?

– Там и здесь не делают такие операции после шестидесяти пяти... ну, и очередь, наверно, – неуверенно добавил Инженер.

– То есть белорусский диктатор, возможно, обрек на смерть кого-то из своих граждан, ожидающих пересадки?

Инженер замер, словно замерз на секунду, он, видимо, сопротивляясь, все же примерил на себя тяжесть такого решения, и она явно оказалась для него непосильной. Ему не хотелось, чтобы кто-то умирал из-за него в Белоруссии, но и цинизма для презрительного отношения к «чистоплюйству» тоже не доставало. Он задержал воздух в легких, боясь, что выдохнув, обнаружит облегчение от того, что не ему, а г-ну Либерману пришлось проявлять инициативу в этой ситуации.

– А завтра, – продолжил я, – белорусский президент обратится к господину Либерману, с просьбой, например, чтобы ваш посол в Минске заявил, что ему ничего неизвестно о политических репрессиях в стране.

– Мы не вправе брать на себя роль наставников белорусов в вопросах коллективной морали и общественного устройства, – мой вопрос будто снял наконец с плеч Инженера груз собственной его ответственности.

– Это лично вами выношенная мысль? – признаю, не самым вежливым образом спросил я моего гостеприимного хозяина.

– Так говорит Либерман, – оправдал Инженер мое предположение.

Стоило ли мне на таком болезненном примере предлагать Инженеру сравнение принципов власти закона с «телефонным правом» и жизнью «по понятиям»? А как я поступил бы в такой ситуации? А ты что скажешь, Господи?

Но уже через минуту я снова стал сердиться, заподозрив, что неприятие в душе Инженера (в строгом соответствии с русской традицией) рождает не привычное русскому человеку неравенство высокого государственного чиновника и рядового гражданина, а отвратительная западная публичность, выставившая на всеобщее обозрение, словно непристойный гомосексуализм, неизбежную изнанку жизни. «Old habits die hard», думал я. Русские привезли сюда Россию, и скоро с традициями ее общественного устройства они не расстанутся. Вывернутое наизнанку печальное утверждение Дантона по-русски должно бы звучать так: куда ни двинемся, повсюду несем мы отечество на подошвах своих башмаков!

Меня так и подмывало спросить Инженера, уверен ли он, что будучи главой правительства, г-н Либерман не решит подобным же образом проблемы двух-трех нужных американских конгрессменов уже здесь и уже вполне по-русски, то есть без всякой огласки. Но опасение разрушить устанавливающееся между мною и Инженером доверие и даже начатки личной симпатии остановило меня. Я опасался, что он обидится, замкнется, станет подозрителен и осторожен со мной, и предпочел промолчать.

Я почувствовал, как развивающееся разочарование в Инженере невольно вырастает во мне в привычное недоверие к русским вообще, снова они стали казаться мне упрямыми доктринерами, топором вырубленными немцами. Сам Инженер представился мне в тот момент личностью без воображения, человеком ограниченным. В сад его, говорил я себе, залетают порой удивительно раскрашенные, прямо таки – райские птички, но он их как будто и не замечает. Исчезни из мира весь род птичий за исключением голубей и кур (мясо индейки, знаю, Инженер не любит) – думаю, вряд ли обратит он внимание на пропажу. А тут еще вышел из строя большой холодильник на кухне, и пока не приобретен новый, мы обходимся малым, стоящим в нише на втором этаже. Каждое утро теперь Инженер спускается по лестнице с неизменными двумя помидорами и огурцом в одной руке и банкой зернистого творога в другой. Если его окликнуть в этот момент, он наставляет на меня зеленый фаллос с двумя красными яйцами. Я бы принял это за издевку, если бы не был уверен в его младенческой невинности. Черт дернул меня не так давно, на Небесах еще, ознакомиться с иносказанием «Роман» писателя Сорокина, аллегорически описавшего переход России из XIX-го века в XX-й, и будучи натурой по-европейски впечатлительной, я стараюсь не смотреть, как кромсает Инженер овощи для салата и затем поливает их текучим творогом.

Я взял себя в руки – Дантон Дантоном, а я здесь, чтобы изучать Россию.

– Можем ли мы вместе взглянуть на ваши русские газеты? – попросил я Инженера.

– Я не покупаю газет.

– Отчего же?

– У меня и так массу времени отнимают телевидение и Интернет, на газеты уже духу не хватает, – оправдывался Инженер. – К тому же приятель мой, Е. Теодор, советует не читать до обеда русских газет, – добавил он, дождался моей реакции, а затем улыбнулся, будто процитировал сейчас Расина или Корнеля, а я этого не заметил, не угадал и не оценил.

– А ивритские газеты приятель ваш рекомендует читать хотя бы и после обеда?

– Их мне читать трудно, – сознался, совестясь, Инженер, – вот я никаких и не читаю! – воскликнул и рассмеялся неожиданно радостно.

Не думаю, чтобы Инженер экономил на газетах – вижу в этом веяние времени, печатный станок Гуттенберга обречен. Вчера на моих глазах Инженер за несколько минут скачал из Интернета двадцать два тома сочинений Льва Толстого в свою электронную книжку.

– А что вы смотрите по телевидению? – поинтересовался я.

– Новости, реалити, иногда – фильмы.

– Русские реалити? – оживился я.

– Нет, русское реалити здесь – это только Либерман. Я смотрю местные программы, там тоже всегда есть русские, но уже не нашего поколения, молодежь, а они уже – не совсем наши. Я, знаете ли, тоже принял однажды участие в реалити, нужен был сторонник Либермана моего возраста из русских. Меня взяли, но я вылетел первым.

– Из-за Либермана?

– Нет, видимо, из-за животных. Я разругался там с одним типом, который овечку (совсем как живая была!) брал с собой в постель из салона на ночь, наорал на продюсера за то, что они рыбке в аквариуме спать не дают, мучают ее ярким освещением. А за Либермана вступить так и не успел, хотя было перед кем: был там актеришка, который читал стихи про капиталистического Молоха, про нефть вместо крови и умильную физиономию строил, когда открывал Коран. Я не уверен, не держал ли он его при этом вверх ногами, это я уже из дома по телевизору наблюдал. Еще была там женщина одна, которая за права палестинцев борется, и была арабка, так вот арабку-то она и терроризировала больше всех за якобы конформизм последней. А-а! – обреченно махнул рукой Инженер.

– И что русская молодежь, дети ваши, например, они, действительно – другие уже?

– Ну, в общем – да.

– Но они голосуют за Либермана?

– Вряд ли, но это пока не так уж существенно, их на данный момент не более процентов двадцати от общего количества наших здесь. Так что вы не опоздали, если вас интересуют настоящие русские.

Это не я не опоздал, это мудрость Господня никогда не опаздывает, хотел возразить я, но удержался.

– Что представляет собой здешний русский интернет?

– Все, кого я знаю, начинают с портала Zahav.ru.

Инженер открыл список Favorites и щелкнул мышкой. Открылась страница в желтеньких тонах. Так, наверно, и полагается выглядеть солнцу русского Интернета. Справа под солнцем размещались небольшие, прямоугольной формы лоскутные участки пяти новостных сайтов, далее – за новости туризма и компаний был задвинут шестой – ностальгически, должно быть, действующий на русскую душу еврея призрак былого теперь уже диссидентства – Русская служба ВВС.

– Что они собой представляют? – спросил я. – Придерживаются ли каждый из них определенной политической ориентации?

По поводу первых трех (NEWSru, MIGnews и Курсор) мнение Инженера было, что они, пожалуй, нейтральны, там сообщаются новости, имеется обзор большой прессы, приводятся переводные статьи.

– Честная бедность! – вдруг воскликнул Инженер и радостно заулыбался.

Я смотрел на него во все глаза, пытаюсь понять, чем вызвано его внезапное веселье – удовольствием от собственного остроумия или снисхождением обладателя практической, прямо затребованной обществом и им вознаграждаемой профессии к вольной добродетели, чей неизменный удел – скромность и стесненность в средствах.

– Понимаю, – попытался я спровоцировать Инженера, – в бедности всегда есть что-то досадное, и она всегда немного скучна.

Но Инженер уже, кажется, устыдился своей бестактности, к тому же, проявленной им в присутствии иностранца. Однако! «Честная бедность!» А ведь и Инженеру, оказывается, не чужда афористичность в определениях. Это русское приобретение, сделанное ими во Франции два с лишним века назад, надо отметить, прижилось в их общественной жизни. Остроумие политических анекдотов сыграло, пожалуй, немалую роль в крушении русского коммунизма. И даже господин Либерман, как сообщил мне Инженер, несмотря на признанную скромность его лексикона во всех известных этому деятелю языках, удостоился в местной прессе титула «вербального пиromanьяка» (кажется, когда с парламентской трибуны послал в преисподнюю главу Египта лишь за то, что тот отказывается посетить с официальным визитом еврейское государство). Грубость – тоже своего рода афоризм, особенно, в устах русских.

Два сайта «с направлением» назывались Izrus (корни этого названия очевидны) и Zman (Время). Насколько я смог понять из замечаний на их счет, сделанных Инженером, направление обоих, по большей части, совпадает с направлением мысли и стилем господина Либермана, разница же между ними заключается в том, что Zman – более схож с купцом высокой гильдии, чьи приказчики взащей выталкивают из национальной

лавки «левотину» и «старые элиты», прилюдно порицают военных и судебных чинов (их символизируют здесь два Барака, один – уже неоднократно упомянутый Эхуд, другой – Аарон, бывший Верховный судья). У Zman имеются и собственные авторы, и редакторы, и модераторы. Izrus же, скорее, – негативно настроенный по отношению к дворянству разночинец, на выходные дни уходящий в глухую отключку (надеюсь, обходится без традиционного для этого сословия weekend-запоя). Главное амплуа его: «наших обижают», «мы – славные, но для них – кухаркины дети». И не дай вам бог нечаянно чихнуть на этот сайт, сдержанность там такого свойства, что ее сдувает вмиг как ветром голубиный помет с крыши. У меня даже со слов Инженера, а впоследствии от упоминаний о юридических победах сайта, возникло подозрение, что одним из главных источников финансирования его являются выигрыши от судебных исков за нанесенные ему и его авторам обиды. Классический русский литературный прецедент с Остапом Бендером и лошадью, то есть разбирательство, кто из них двоих в результате уличного столкновения отделался легким испугом, признаю, впрочем, – является легитимным способом решения финансовых проблем. Инженер, подозрительно посмотрев на меня, сказал: «Маркиз, вы, я вижу, что-то записываете, не ссылайтесь на меня, пожалуйста, если напишете что-нибудь про Izrus, я никогда не имел дела с Фемидой и ужасно боюсь черных мантий, к тому же я небогат и не хочу рисковать тем малым, что до сих пор нажил». Я пообещал ему, что в случае чего, все претензии – ко мне, заезжаем и не вполне живому маркизу Астольфу Луи Леонору де Кюстину. «Слово французского дворянина!» – воскликнул я прочувствованно. Ободренный Инженер улыбнулся какому-то своему воспоминанию, и я посмотрел на него вопросительно.

– Я работаю вместе с инженером из наших. Левак, книжки пишет, – последние слова он произнес тоном, вроде бы – уважительным, но с другой стороны – отстраняющимся. Тот самый Е. Теодор, который отрицает русские газеты. Он как-то услышал по радио, как внучка или правнучка основателя современного иврита сказала, что ее не смущает фраза: «Има, эйзе кусит ат айом!» Так вот, он сказал, что первые три сайта перевели бы ее в соответствии с духом: «Мама, какая ты сегодня красотка!», – и на это никто не обратил бы внимания, а Izrus, я думаю, перевел бы ее буквально: «Мама, какая ты сегодня пизденка!» – и этим вызвал бы бурю откликов возмущенных пенсионеров о глубоком бескультурье местного общества. А вот в Zman.com эта фраза, может быть, вообще не попала бы, так как не несет смысловой нагрузки в деле борьбы с левой идеологией и, значит, зачем она вообще нужна на сайте?

– Есть там, правда, на Zman.com серия статей об ивритских идиоматических выражениях, – вспомнил Инженер. – Но зачем читателям Zman.com иврит? Читай себе наш бело-голубой сайт на внятном русском языке – и весь мир у тебя как на ладони! – Инженер улыбнулся, и улыбка его означала, кажется, что сам он стоит выше зманкомовской однозначности, но если бы Zman.com не было, его следовало бы выдумать.

– А есть ли у этих сайтов авторы со стилем, с собственным неповторимым почерком?

Инженер подумал немного и ответил с гордостью:

– Конечно. Например, госпожа Нелли Гутина. Я, между прочим, первые пять лет здесь жил в том же городишке с не вполне приличным названием, где она проживает и ныне, но, вот, ни разу ее там не встретил, – огорченно добавил он.

Мне показалось, что Инженер уже упоминал ранее имя этой госпожи во время совместных наших прогулок по нешелестящим страницам Интернета.

– Глаза и плечо? – осенило меня.

– Ну, да, – ответил Инженер.

Я был горд своей наблюдательностью, это ее книга с портретом автора на задней обложке рекламировалась на полях одного из сайтов.

Меня не волнуют женщины, но вглядываясь в их фотопортреты, я пытаюсь отгадать свойства их душ и сделать предположения о характере исходящих от них опасностей. В данном случае: штрих-код – вуаль для коленей; взгляд, под которым чувствуешь себя зайцем на асфальте; гладкой волной окатывающий плечо текст рецензии, – все это, показалось мне, оправдывало уверенную похвалу Инженера и соответствовало проходному порогу, высоко поднятому в моем вопросе.

Я спросил у Инженера, имеется ли в его библиотеке эта книга. Оказалось, что нет. Не было ее и в электронных библиотеках в Интернете. Инженер заметил, что книга издавалась на английском языке, что ее наверняка можно приобрести, и тогда я смогу прочесть ее самостоятельно, не полагаясь на его перевод, который может страдать неточностями. Но денег своих у меня не было, и как только Инженер вспомнил об этом, в глазах его зажглась пиратская непреклонность русского анархиста, презирающего частную собственность и авторские права. Он порылся в Интернете и вскоре нашел обширные отрывки из книги, опубликованные в русскоязычном литературном журнале.

Мы начали читать, и меня, признаюсь, очень скоро увлекла эмоциональность и напористость книги г-жи Гутиной, повела за собой не грешащая банальностями стилистика и интеллектуальный задор, русским женщинам присущий в гораздо большей степени, нежели их мужчинам. (Мысль об особой роли *la femme* в России была впервые высказана мне в Ярославле летом 1839-го года пожилой французской гувернанткой жены главы местной администрации, умной и наблюдательной женщиной, прожившей почти всю жизнь в России и в молодости дружившей с моей бабушкой, г-жой де Сабран).

Некоторые фразы текста были так очаровательно насыщены, что напоминали мне взбитый белок. (О! Я хорошо помню из земной моей жизни, как выступает испарина на лбу женщины, поставившей целью добиться особой воздушности суфле и бисквитов, помню скребущий звук, производимый трением о дно стальной кастрюли энергично и быстро сжимаемой и расслабляемой большой конусообразной пружины; иногда нерасчетливо сильный нажим завершался глухим ударом деревянной ручки о метал сосуда!)

Другие фразы ассоциировались для меня с нимбом волос моей незабвенной матушки маркизы Дельфины де Кюстин, в сияющем ореоле которого изображена она в статье Википедии обо мне, и это последнее воспоминание усилило в моей душе чувство приязни к тексту. Чтобы не быть голословным, приведу для тебя, Господи, обширные отрывки из этой несомненно замечательной книги. Вот первый из них.

«Как ни удивительно, в этой мультикультурной стране иммигрантов каким-то образом сформировался израильский национальный характер, и одной из его характеристик является прямолинейность. Сабра (еврей-абориген – прим. Кюстина) не терпит двусмысленности, нетерпелив ко всяким экивокам... Его раздражает чрезмерная интеллектуальная рационализация, а политическая корректность, навязываемая ему его собственной элитой, воспринимается им как лицемерие... Ивритские журналисты, многие из которых являются рупором правящих элит, придерживаются другого мнения. Поскольку цитатами из моего архива, в которых упоминается Либерман, можно запросто заполнить несколько томов, приведу лишь несколько из расхожих мнений. Йозель Маркус, ведущий публицист газеты «Гаарец», называет Либермана главным героем фильма ужасов. Как этот человек будет представлять нас в Европе... спрашивает он... Министр иностранных дел не может разговаривать, как вышибала.

Ран Эделист, портал «Нана-10», называет Либермана хулиганом, Лили Галили из «Гаареца» – словесным пироманьяком, а Y-net – политическим олигархом, который думает якобы только о том, как бы умножить свои электоральные активы.

Известный историк и журналист Том Сегев, комментируя электоральный успех Либермана, сказал мне буквально следующее: с нас предостаточно русской политической культуры с ее культом сильной личности, эта культура несет сюда расизм и ксенофобию. Лексикон израильской политологии обогатился такими выражениями как либермания и либерманизм.

Однако реакцию простого израильтянина можно суммировать цитатой из песни Высоцкого – а мне такие больше нравятся!»

Мой слух неприятно оцарапала только фраза о «журналистах, являющихся рупором правящих элит».

– А госпожа Гутина является чьим-то рупором? – спросил я Инженера.

Он повел плечами в ответ, почитая, видимо, ниже своего достоинства опускаться до уровня характеристик такого рода. Нет. Конечно, нет – решил я сам для себя. Русская женщина, да еще журналистского племени, – не может быть ничьим рупором, она первична как ты, Господи. Только в отличие от тебя она осведомлена о своем

происхождении, особенно, духовном – от славной русской традиции, от Белинского и Добролюбова, от Чернышевского... и хватит пока. От их свободного от двусмысленностей и экивоков национального характера. От не лишнего прямолинейности призыва последнего из вышеперечисленных отцов: «К топору зовите Русь!»

Еще:

«... Узи Ландау... заговорил со мной, естественно, – о чем еще можно говорить с женщиной с русским акцентом? – о другом менталитете и другой политической культуре, которую привносят с собой русские. Мне не важно, кто из них евреи, а кто нет, сказал он, главное – у вас у всех нормальные реакции и здоровые инстинкты, а у израильтян они уже атрофированы.

Прошло примерно года полтора после нашего разговора – и Узи Ландау присоединился к русской партии.

Парадокс, но именно русский Либерман отражает типично сабрский характер, подвергавшийся ломке, перевоспитанию и, в сущности, насилию со стороны элит, которые хотя бы приняты в приличном обществе и посему перевели на иврит политкорректный новояз.

Народу же, напротив, осточертели собственные менторы. А еще больше, чем собственные менторы, израильтянам осточертели менторы иностранные. И гораздо больше, чем арабы, им осточертели их западные защитники – с их патернализмом, с их демонстрациями, с их NGO (неправительственными организациями), с их Си-эн-эн, с их интеллектуалами, с их дипломатами и с их профессорами. Немудрено, что они мечтают о том, что кто-то поднимется на международную трибуну и скажет им всем на чистом иврите: кибенимат».

Перечел сей гимн искренности, и думаю, что наверно, нужно все-таки подобно мне принадлежать к LGBT community, чтобы в полной мере ощутить пафос и внутреннюю энергию этого текста, в котором страсть влечет за собою в облаках пыли к хвосту ее привязанную мысль. Яростный всадник хлещет Пегаса политической прозы кнутом витых обобщений, не отягченных занудливой арийской доказательностью. Вот вам, сволочи европейские, портрет сабры, уроженца страны! Не верите? Думаете – это портрет Либермана, уроженца Молдавии, и журналистки Гутиней родом из Киева? Валите «кибенимат», заморские менторы!

Не по себе стало мне лишь от ясно выраженной неприязни к «элитам». О! Всем мы, «бывшие», «аристократы», «буржуи» вечно мешаем, вечно мы – кость в горле у вновь прибывших. Тени моего деда, гильотинированного при Робеспьере, взошедшего следом за ним на эшафот и обезглавленного моего отца, матери, полгода продержанной в застенке и чудом избежавшей казни, будто укоризненно кивали головой, ставя мне в упрек нынешнее мое воодушевление. Будто смотрели они из небесной ложи на меня, сидящего в партере земного театра жизни и внимающего наряженному балтийским матросом актеру, хрипло кричащему в зал: «Кто здесь временный? Слазь! Кончилось, кибенимат, твое время!»

О! Это вечное круговращение – возвышаются гонители, но над ними сами уже занесено лезвие гильотины новых популяций. Настал ли этому конец хотя бы в Европе, Господи? Ведаешь ли?

Инженер продолжал читать и переводить. Вместе мы следили за логическими построениями автора, но то ли дело было в надвигающемся хамсине, то ли одновременно повышались влажность и падало атмосферное давление, то ли перевод Инженера и в самом деле страдал неточностями, но кубики логических аргументов, которые должны были складываться в пирамиду иногда вдруг рассыпались в моей голове и даже, казалось порой, начинали кружиться. В конце концов, Инженер пожаловался на головную боль, отломил и съел треть небольшой булочки, усыпанной ядрами семечек подсолнуха, чтобы принять обезболивающую таблетку не на пустой желудок.

Задним числом я с улыбкой вспоминаю внезапное недомогание Инженера, и не ощущая абсолютной уверенности в предлагаемых мною трактовках, все же рискну объяснить его. Во-первых, в этом тексте мой добрейший инженер не нашел славного духа юбилея старушки, то есть в нем не выпивали умеренно и не закусывали с удовольствием, не было в нем ни примирения, ни благодушия. Непоколебимая, еще будто киевской Руси греко-византийского закала вера автора в свою правоту, не размытые границы которой остры как расколотое стекло, пугала его. Во-вторых, отделение от «старых элит», из которых автор осторожно,

но понятно для «своих», выделяла выходцев из Польши, Германии и Австро-Венгрии, смущало его. В отличие от русских журналистов, он был в эту «элиту» погружен на оборонном предприятии, где работал, и находил в ней немало приятных и близких его душе черт. Ведь Инженер принадлежал по происхождению, духу и воспитанию к образованным «разночинцам», к «западникам», чьи сердца требовали любовного слияния с Западом, кои были меньшинством в России и с надеждой (а чаще – с тоской) оглядывались на азиатское русское наследие! Да и о каких «старых элитах» можно говорить в стране, возраст которой не достиг пока даже человеческого пенсионного? И в-третьих (но это уж совсем – моя спекуляция): беглецу незадавшегося супружества, ему страшно вдруг стало вновь обнаружить себя посреди озера женской мысли, в котором бог знает сколько футов под килем его собственной лодки и берега – далеки от нее.

Еще напоследок цитата:

«Мы действительно, что и говорить, являемся носителями другой политической культуры, нежели менторы из Института демократии. Но, может быть, именно эта культура более органична для нашего региона, чем та, которая трансплантирована из Европы? Вопрос: что такое демократия – воля народа или воля небольшой части вестернизированной элиты, которая, по сути, является инородным телом не только в регионе, но и в своей собственной стране?»

Не находите – отличная фраза для произнесения ее с баррикады на площади Тахрир в Каире или при сожжении американского флага в Ливии? И чем автор – не Марианна «арабской весны» с открытым плечом, хоть и без фригийского колпака? Я попросил Инженера набрать в Google «русский и... братья навек». Как видишь, я уже на «ты» с новинками цивилизации (будто для того, кто на «ты» с Всевышним, это может составить хоть малейшее затруднение). Поисковая машина предложила список подсказок: «русский и китаец – братья навек», «русский и серб – братья навек», «русские и сербы – братья навек», «русские и чеченцы – братья навек». Братство с арабами не предлагалось. И зря, подумал, было, я, но когда набрал «Русский и араб – братья навек!» целиком, то и эта фраза обнаружилась в некотором количестве, чего вполне можно было ожидать. Разве не является любимым занятием русских, как и арабов, пробивать собственные туннели в твердых породах рядом с автострадой цивилизации?! И не зря же державная Россия и арабский мир друг к другу – всегда с почетом, как на удалении живущие братья. Но здесь два этих мира физически сблизилась и, как часто бывает с братьями, рассорились вдрызг. И в точности – как братья.

Вот и к высоко ценимому партией Либермана таланту ее лидера «говорить по-арабски» (о чем с немалой гордостью сообщил мне Инженер), стоит, несомненно, отнестись с доверием.

А ночью мне приснился сон, будто ты, Господи, превратив меня в лошадь, охаживаешь брюхо мое сапогами, приговаривая загадочную какую-то фразу по-русски. Так она запомнилась мне: «В Киеве – бузина, в огороде – тетка» (когда я рассказал об этом Инженеру, у него едва слезы не выступили от жалости к лошади). Но потом ты вернул мне мой обычный человеческий облик и избитого уложил в постель, встал над моим ложем и сказал с укором:

– Никакой из тебя сабра, маркиз. Просто – никакой!

– Зачем мне? – спрашиваю.

– Чтобы на вызовы отвечать прямо и смело, мол, хам – он, бляхмуха, и в Африке – хам, и на Ближнем Востоке. То есть, без всяких там маскарадных «кибениматов». Но ты опутан с головы до ног аристократическими предрассудками, ты ведь как изъясняться привык, сударь мой. А?

Тут ты, Господи, повернулся ко мне спиной, присел сначала в книксене перед зеркалом, для того будто, чтобы прорепетировать роль, а потом завилал прямо у меня перед носом священным своим седалищем и стал кривляться:

– «Но позвольте, мадам! Прогресс человечества, смею вам заметить, отмечен движением от грубости к учтивости, от неводержанности к самообладанию, от оскорблений и рукоприкладства к изысканному обращению. Движение в обратном направлении чревато регрессом в

человеческих отношениях и может быть даже – всеобщей деградацией». Что, небось, и к ручке приложился бы, и плечо поедал бы глазами? А?

И вот обернулся ты ко мне и наклонился над моей головой, а у тебя ни с того, ни с сего – широкое лицо, медвежья фигура, короткая борода и светлые глаза навывкате, и тут ты как рывкнешь мне прямо в лицо гнусавым голосом:

– Коз-зел ты, а не маркиз! Вот ты кто!!! И пидор к тому же!!!

Думал – плюнешь, но – нет.

Дорогой друг мой, Господь!

Утром к завтраку Инженер спустился в приподнятом настроении.

– Во-первых, Либерман не виноват! – воскликнул он.

– В чем? – не понял я.

– Ну... с этой операцией в Белоруссии, это все подпевали его из русской прессы раздули. Оказали, дураки, медвежью услугу!

Какие же еще услуги полагаются медведям, про себя заметил я, вслух же спросил:

– То есть?

– Все пытались помочь – и глава правительства в Америке, и Эхуд Барак, и друзья в Индии, но откликнулся только белорусский президент. Его, наверно, проинформировали, что за операцию нигде не берутся, а врачи в его стране – могут. Ему хотелось признания и славы для своих медиков. «Резонансная операция», – сказал. И ведь раз уже через неделю нашелся орган, значит, следующего задержали всего на неделю. Ну почему он должен был непременно умереть за одну неделю? – Инженер искательно заглянул мне в глаза.

– Из Франции приехал хирург, – продолжал Инженер, – марокканский еврей, специализирующийся именно на этих операциях. И для ассистировавших белорусских врачей это был, наверно, нелишний обмен опытом. Француз их очень хвалил за профессионализм. И я надеюсь, никто не пострадал.

Какой он все-таки милый, подумал я, ведь переживал! Но мне пришлось тут же подавить в себе умиление, потому что я заметил подозрительный взгляд Инженера, видимо уже начитавшегося обо мне всякой всячины в Интернете и неверно истолковавшего мой ласковый взгляд.

– А что во-вторых? – спросил я.

– Прямо как по вашему заказу, – произнес он тоном Санта Клауса, наплевавшего на календарь и явившегося ко мне с подарком тогда, когда он мне нужен, а не по графику, навязанному традицией, – сегодня состоится семинар, посвященный теориям заговоров и конспирации, я договорился о приглашениях для нас обоих.

– Но в мои планы вовсе не входит изучение конспиративных теорий, вы же знаете, для чего я здесь.

Прохлада моего ответа не привела к простудному заболеванию настроения Инженера.

– Вы не знаете, кто там будет, – сказал он, явно растягивая удовольствие и нагнетая загадочности.

– И кто же?

– Жена убийцы Рабина – Лариса Трёмбвлер. И Авигдор Эскин.

– А кого убил Эскин?

Глаза Инженера стали похожи на театральный зал в момент, когда освещение в нем меркнет, а сцена наоборот заливается ярким светом. Он Google-ил в собственной памяти, которую пытался осветить.

– Его имя как-то связано со свинными головами, но я не помню точно, как. Можем посмотреть в Интернете.

Посмотрели. Мне в позапрошлом веке уже пришлось выдерживать насмешки по поводу своего увлечения царем Николаем Первым, от этого никуда не денешься, но воспоминание это и сейчас не остановит меня и не помешает отметить, что и Авигдор Эскин, судя по фотографиям, – весьма интересный мужчина. Не думаю, что именно это обстоятельство помешало мне вникнуть глубоко в суть треугольника Эскин-Ислам-свинная голова, но треугольник этот справедливо или нет, а привел г-на Эскина к тому, что он отбыл по приговору суда не то год, не то два в заключении в еврейском государстве. Во всяком случае, никто не

обвинял его в собственноручном обезглавливании животных, которым так не повезло в иудейской и мусульманской религиозных традициях. Убийство свиньи, если бы имело место, повредило бы моей исходной симпатии к этому человеку. Да и Инженер, любитель животных и защитник фауны, думаю, был бы огорчен.

По дороге к месту проведения семинара мы любовались библейскими пейзажами Самарии. Особенный восторг Инженера вызвало стадо овец, пасшееся между двумя соседними холмами. Налет немецкой культуры, словно пыль на Инженеровой мебели, осев однажды, доныне и даже здесь покрывает душу всякого русского человека. В случае Инженера это проявилось отчетливо и в особенной чувствительности его к банальным, вообще-то, пейзажам, и в том гневе и возмущении, с которыми он чуть ранее выговаривал распорядительнице автоматической мойки автомобилей, когда выезд из нее оказался загороженным мокрой машиной, которую охаживали тряпками два чернокожих парня (нелегалы из Судана или Эритреи, по предположению Инженера), и по поводу того, что и наша «Мазда» не была как следует высушена потоками горячего воздуха.

– Никак не могу привыкнуть к здешней азиатской безалаберности, – пожаловался мне сей русско-еврейский немец.

Когда же на стоянке, по прибытии нашем к месту назначения, оказался загороженным один из проездов (к счастью не единственный как на мойке), мой добрейший Инженер, кажется, вовсе потеряв терпение, воскликнул в сердцах:

– Да что же это такое?! Парад Гордости, что ли, сегодня у всех дорожных тупиц?

По тому, как нахмурился он после этих своих слов, и по его смущению я удостоверился в том, что насчет меня он теперь уже действительно в курсе.

Из-за этих овечек, мойки и кружения по стоянке в поисках свободного места мы опоздали, уже прочитана была, видимо, большая часть лекции, все кресла были заняты, и мы устроились у стены вместе с небольшой группой людей, которым тоже не досталось сидячих мест. Но так было и лучше – шепот переводчика-Инженера меньше мешал присутствующим.

Речь сейчас шла о самой громкой здешней теории заговора, согласно которой премьер-министр Рабин был убит своим давним соперником по партии, тогдашним министром иностранных дел и нынешним президентом страны Шимоном Пересом. Я приготовился было к затяжному и упорному «Сталинграду» защитников этой версии событий, и ответному упорному наступлению. Политический фанатизм производит на меня столь же тягостное впечатление, как ближневосточное религиозное рвение. По большому счету, увлеченность политикой – само по себе извращение, как правило, дурно сказывающееся на характере человека и нередко очень озлобляющее его. Но ничего похожего на бурю или, тем более – ураган, не произошло. Наоборот, числящийся, по словам Инженера, в крайних экстремистах господин Эскин рассказал, что именно ему автор теории (запойный тип, по его утверждению) проиграл несколько дел о клевете по совершенно другим поводам, что и заставило последнего бежать в Канаду, скрываясь от долгов. Он выразил к убийце премьера того рода идеологическую симпатию, какая долгое время считалась уместной и даже естественной в отношении бомбометателей, совершавших покушения и убивавших в России царей, и призвал к помилованию современного ультра-радикала. Это было вполне в рамках русской революционно-демократической традиции. Инженер, предполагая, что разговор коснется данного вопроса и что не исключается массовое проявление симпатий к убийце со стороны участников собрания, счел нужным указать мне заранее (между восхищениями овечками на холмах и пальмовой рощей в низине) на укорененность подобного взгляда на вещи в русской культуре. Отодвинув в сторону одиозных Добролюбовых и Чернышевских, он привел мне приписываемое еще юному жизнелюбцу Пушкину стихотворение на эту тему.

*Мы добрых граждан позабавим
И у позорного столпа
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим.*

Мне совсем не жаль было разочаровать Инженера относительно оригинальности этих строк, но горько было вспомнить прототип – ходячее двустушище времен французской революции:

*Et des boyaux du dernier prêtre
Serrons le cou du dernier roi.*

(«И кишками последнего попа/Сдавим шею последнего короля»), восходящее к фразе из «Завещания» аббата мелье.

И содержание речи, и несколько напряженная манера говорить заинтересовавшего меня господина Эскина производили странное впечатление – притягивающее и тревожное одновременно, они напоминали движение канатоходца по тросу на изрядной высоте: речь его, логичная, но как будто готовая в любой момент сорваться в пропасть, напомнила мне проход моего соотечественника по канату между башнями-близнецами в Нью-Йорке (Филипп Пети благополучно завершил свой трюк, а через четверть века рухнули сами здания). Так г-н Эскин, например, наседавший на него и стоявшей в оппозицию к его речам даме, чей взгляд, показалось мне, был мутноват, но сосредоточен подобно свету фар локомотива, направленному вдоль железнодорожного полотна, все же сорвавшись, когда она несколько раз прервала его речь, сказал: «Когда я закончу говорить, выступите вы, и если захотите, сможете даже засунуть микрофон себе в рот», – так перевела мне эту откровенную дерзость стоявшая рядом со мной очень высокая и худая женщина, с которой Инженер поздоровался как с давней знакомой.

Была она не старше лет тридцати пяти, я заметил ее еще когда мы подходили с Инженером к зданию, где проводилась эта встреча. Она шла впереди нас, ее обнаженные острые лопатки, как всегда при взгляде на оголенную спину анорексического вида женщины, вызвали у меня воспоминание о сложенных крылышках ошипанной куриной тушки. Когда она проходила мимо магазина одежды, она оказалась выше выставленного на тротуар манекена, в целом же показалась весьма мила, и мы перешептывались с ней, воспользовавшись тем, что Инженер был увлечен происходящим и, кажется, рад передоверить на время свои обязанности сопровождающего постороннему человеку.

Она же обратила мое внимание на меловую бледность жены убийцы и, полагая, видимо, что французскому мужчине полагается лучше разбираться в вопросах женской бледности, нежели русской женщине, спросила меня о возможных причинах таковой. «Откуда мне знать?» – повел плечами я. Но когда она спросила, не считаю ли я, что и всякая религия является лишь разновидностью теории конспирации, то есть мышлением с минимальными фактическими исходными данными (ведь колдовство и несчастья, вызванные происками богов враждебного племени, известны даже первобытным народам, сказала она) я едва не обиделся. За тебя, мой добрый друг! Я возразил ей, что религию как и поэзию следует постигать не умом, чувством.

Современный здешний тип княгини Трубецкой, который, видимо, являет собой Лариса Трёмбвлер, все же закодирован для меня (точнее – от меня) особенностями местной политики, в которую я постановил себе не слишком вникать, рассматривая местную русскую общину лишь как отделенную часть самой России. Моя соседка легким шепотом в ответ на мои расспросы объяснила мне, что демонстративная сдержанность и столь же намеренно подавляемая эмоциональность, а также излучаемая наружу доброжелательность и как будто собственная облученность чувством долга перед Богом и его творениями человеческого рода являются (вместе с длинным платьем, париком и прикрывающими локти рукавами) неизменным знаком принадлежности к клану религиозных иудеек национально-патриотического направления. И только выражение неизбывной печали на лице явно связывало г-жу Трёмбвлер-Амир с русской традицией. С высоты своего необычного для мелкоатого здешнего народа роста, моя новая знакомая утверждала, что твердость в вере стирает печаль даже с лиц вдов, чьи мужья погибли в террористических атаках.

– Религия евреек, рожденных на этой земле, где ныне проложена автострада еврейской истории, – так поэтично начала эту фразу и в том же духе продолжила, – религия эта – металл, отлит же он в формах, глина для которых добыта из недр Иудеи и Самарии.

В голосе ее явственно звучала гордость, но преобладало, как мне показалось, – любопытство.

Г-жа Трембовлер в своей короткой и, надо отметить, – не очень выразительной речи (возможно из-за усталости и тревоги, причиной которой была объявленная болезнь одного из ее детей, из-за чего она покинула собрание, как только закончила выступление и ответила на вопросы) – отвергла оскорбительное предположение, будто ее муж мог быть игрушкой в руках своих политических противников и антиподов. Она заметила также, что конспирационный бестселлер об убийстве премьера она читала (или только начинала читать), но обнаружив более пяти ошибок и неточностей на одной странице относительно фактов, ей лично хорошо известных, перестала относиться к нему серьезно. Тем не менее, как верная и преданная жена она не могла не использовать все средства, которыми надеялась облегчить участь супруга, и заявила, что муж ее, несомненно, нажимал на курок револьвера, наставленного на премьер-министра, но нельзя наверняка утверждать, что именно произведенные им выстрелы привели к смерти последнего. Она пожаловалась на то, что никто в этой стране не желает заново открыть дело и рассмотреть все обстоятельства, которые поставили бы под сомнение прямую зависимость между выстрелами мужа и гибелью главы правительства. Проявив вполне русское благородство, она отметила, что в отличие от дела об убийстве Джона Кеннеди, никто из причастных к происшествию на площади царей Израилевых должностных лиц и свидетелей, насколько ей известно, не исчез и не погиб при таинственных обстоятельствах.

Такова современная русская декабристка! Еще раз повторюсь – я сознательно отказываюсь вникать в данном случае в суть происшедшего, относительно которого, как уверил меня Инженер, общество местное едино во мнении и видит в данном преступлении сверх обычного душегубства покушение на принцип демократического, а не насильственного разрешения политических противоречий. Мое сомнение относительно искреннего присоединения русских к столь вегетарианскому пониманию политической борьбы тут же нашло подтверждение, когда один из присутствующих в коротком, но прочувствованном выступлении выразил свое уважение мужу г-жи Трембовлер. Последняя выслушала его речь весьма благосклонно, и соседка моя откровенно рассмеялась, наблюдая эту сцену и вызвав этим укоризненный, как мне показалось, взгляд на себя Ларисы Трембовлер. Но может быть, мне это действительно только показалось, потому что выражение укоризны, кажется, вообще не сходило с ее лица.

Осторожным жестом я хотел призвать соседку мою к сдержанности, но, видимо, не слишком осторожным было это движение, потому что рука моя нечаянно ткнулась сразу в оба ее колена (юбка не закрывала их), она же, явно шутя и насмешливо взглянув на меня, ухватила и легонько сжала мою руку своими коленами и не отпускала какое-то время. Улыбка сообщила ее профилю шаловливое и совсем необременительное, несмотря на смелость ее внезапной выходки, свечение, а в мою ладонь медленно перетекало тепло ее ног.

Господи, но что мне делать с этим неожиданным и таким земным твоим подарком? Я не стал спрашивать Инженера об этой женщине и вскоре вовсе забыл о ней.

Mon ami!

Упомянутая книга г-жи Гутиной пропитана гордостью за «своих», и этим очень напоминает мне две гордости собственно русских: большевистскую – за Россию Советскую в сравнении с царской (до 1914-го года) и постперестроечную гордость патриотов-почвенников за Россию царскую (до 1914-го года) в сравнении с Советской. В частности привлекли мое внимание ее более чем сочувственные отзывы о русских «токбэкерах, иногда использующих неконвенциональное оружие в виде мата» в борьбе с оппонентами. Противопоставляя глубокую народность виртуальных партизан (Нелли Гутина и Денис Давыдов, сходство и различия – обдумать!) рафинированным московским еврейским интеллектуалам, которых она характеризует как «любящих демонстрировать свое интеллектуальное превосходство и делающих это весьма высокомерно», автор прибавляет:

«Нормальный изрус (аналог оригинального русского термина «правильный пацан» – прим. Кюстина), в отличие от обыкновенного русского еврея, не только не искушен в дебатах с антисемитами, но и убежден в их бесполезности... Он считает ниже своего достоинства выяснять отношения с антиисраэлистами, а тем более убеждать их в своей правоте. А вот просто подражаться – хоть и виртуально, – дать в морду – пусть даже в сети, – это пожалуйста».

Что ж – захватывающая характеристика! Настала пора мне познакомиться ближе с этими самыми «токбэкерами». Но как можно сравнить, хотелось спросить мне г-жу Гутину, анонимную перебранку в Интернет-сети с настоящей дракой?! В земном прошлом я был в прямом смысле, то есть физически, избит, раздет догола и ограблен друзьями французского солдата, с коим намеревался вступить в любовную связь. Это было весьма болезненно и чрезвычайно неблагоприятно отразилось на моей репутации. Затем я сегодня амурную беседу с тем же, положим, солдатом по Skype, да под вымышленным именем, например, MarquisC, разве пришлось бы мне страдать от этого ныне, как пострадал я тогда?

В становившейся мне все привычнее и милее компании Инженера мы просмотрели вместе немало интересующей меня электроннопечатной всякой всячины на разнообразных русских сайтах. Обычно, приступая к чтению публицистических статей мало или вовсе неизвестных мне авторов, я пытаюсь поначалу под кожей непосредственного содержания их текстов прощупать и оценить развитость мышц логики, прослушать полноту тока крови деталей, прикинуть, здоров ли, крепок ли позвоночник собственного мировоззрения журналиста, и каково оно, это мировоззрение, целы ли кости сообщаемых автором фактов. Здесь же сразу, еще до тонкого анализа, возникало подозрение, что авторы не близки к властей предержащим, не живут, как полагается прожженным газетчикам, солитерами в кишечниках политических олимпийцев. Самые честные из них добросовестно перебрасывают добытую шахтерами местных средств массовой информации руду в русскоязычное пространство, но некоторые, и таких – немало, кажется, более увлечены лепкой собственных, нередко, по-русски грандиозных умопомощений, результатом которых становятся мыслительные изваяния, подозрительно похожие на своих создателей подобно тому, как гипотетическим богам быков Ксенофана предписан был последним бычий облик.

Без особой связи со сказанным, скорее чтобы доставить себе удовольствие, вписываю в свое послание тебе, Господи, этот восхитительный и древнейший образец человеческого вольнодумия, столь поощряемого ныне тобою на Земле. И вместе с тобой лукаво подмигиваю живущим, мол: «А? Дорого бы вы дали, чтобы узнать заранее, как на Небесах все устроено на самом деле?» Не скажу им, не скажу. Помню, помню – не уполномочен, не имею права.

*Если бы руки имели быки, или львы, или кони,
Если б писать, точно люди, умели они что угодно, -
Коня коням бы богов уподобили, образ бычачий
Дали б бессмертным быки; их наружностью каждый сравнил бы
С тою породой, к какой он и сам на земле сопричислен.
Черными мыслят богов и курносые все эфиопы,
Голубоокиими их же и русыми мыслят фракийцы.*

В итоге мы выбрали статью с народными отзывами на нее из самого упитанного Интернет-органа русских – сайта Zman.com. Следует здесь же отметить, что на сайте принята полная предварительная модерация, то есть, по старинке говоря, – цензура. Столкнуться с «неконвенциональным» по Гутиной оружием, то есть ненормативной лексикой, «лаей матерной», нам не придется. Итак, представьте себе некий зал собраний, где на сцену или просто на стул взбирается выступающий (журналист), он сообщает некое известие, на которое реагируют присутствующие в зале и не смеющие материться русские. Через открытые окна известие проникает наружу, но кто его там услышал и как отзывался – нам остается неизвестным.

Данная статья отобрана мною среди прочих таким образом, чтобы действующими лицами ее были конфликтующие персонажи, с которыми я успел хотя бы и бегло, хотя бы и в общих чертах, но все же познакомиться достаточно, чтобы столкновение их принудило меня

принять чью-то сторону в споре и сопереживать ей. И так – Эхуд Барак с одной стороны, и русское воинство сторонников г-на Либермана – с другой.

Последнее, с чем мне хотелось бы разбираться в этих письмах – это израильско-палестинское противостояние, но трудно исследовать современные качества русских, не посвятив хотя бы несколько слов предмету, в спорах о котором особенно ярко проявляется русское политическое и государственное мышление, стиснутое между монгольской Чингисхановой настойчивостью и мрачной подозрительностью литвина Достоевского. Поэтому сложившееся у меня поверхностное мнение по данному вопросу я изложу по возможности кратко, чтобы обозначить точку отсчета, от коей отталкиваюсь, или наблюдательную вышку, с которой обозреваю открытый взору политический пейзаж.

Рациональный способ разрешения конфликта путем создания двух независимых государств с разделением их по этно-религиозному принципу был предложен Британией чуть меньше ста лет назад и по сей день остается неизменным принципом европейской в частности и общезападной в целом позиции по данному вопросу. Главным препятствием к окончанию спора в этом ключе является иррациональность политического мышления вовлеченных в конфликт сторон, основанная на радикальной трактовке религиозных догматов и этнических нарративов. Далее следует разделять настроение общества и политику властей. И если со стороны властей иногда возникали короткие периоды совпадения рациональных начал (дважды заканчивавшихся заключением мирных договоров – с Египтом и Иорданским королевством), то динамика изменений общественного мнения оставляет гораздо меньше оснований для проявлений даже сдержанного оптимизма. С арабской стороны иррационализм масс оставался неизменным практически на протяжении всего означенного периода, на еврейской же стороне зависел от демографической ситуации. Впервые рациональное большинство было утрачено при электоральном усилении евреев выходцев с Востока, а ныне – еще и вследствие альянса последних с выходцами из России. Политика, как известно, – искусство использования благоприятных ситуаций, и именно этим, и ничем более, невозможно и не следует объяснять гораздо большее раздражение Запада именно еврейской стороной, которую ему хотелось бы держать в постоянной готовности к использованию благоприятных моментов. Ведь таковы же и ожидания Запада в отношении России, присоединение которой к Европе подобно миру, то приближающемуся, то отдаляющемуся вновь и вновь. И здесь, на Ближнем Востоке, состояние умов русских – один из ключевых факторов, могущих способствовать перелому патовой ситуации.

В связи с этим я задаюсь вопросом: а можно ли вообще воспитать из русского европейца? Гипотеза, которую я берусь отстаивать, утверждает – можно, но для этого, как только позволительно становится с медицинской точки зрения оторвать юного русского от материнской груди, тем более, когда возможно уже посадить дитя на горшок, его следует изымать из русской среды и передавать в европейский воспитательный дом, где только и можно сегодня приохотить русского и в политике к оптимизму и благодушию, отучив от скачки в Чингиз-хановой орде и запиранию в крепости страхов и подозрений Достоевского. Политический облик местности, где я сейчас нахожусь, хоть и не может никоим образом уподоблен быть европейскому, все же благодаря присутствию в лабиринтах власти людей вроде двух здешних Барakov и тесным их контактам с заокеанскими властителями вроде Барака третьего, американского, позволяет поставить уникальный эксперимент европейского окультуривания русского политического и государственного национального духа. Результаты мы сможем увидеть уже лет этак через 30-40, когда сменятся еще пару поколений выходцев русской Евразии.

Уже во второй раз упомянул я имя Аарона Барака в качестве одного из символов либерализма на ближневосточной арене, и это обязывает меня представить его более зримо и объемно. В пятилетнем возрасте, сообщает Википедия, он оказался в оккупированном нацистами Каунасе. Избежав гибели в литовском погроме, уцелев после «детской акции», в ходе которой были уничтожены все еврейские дети, спрятанный литовским крестьянином до прихода Красной Армии, в одиннадцатилетнем возрасте он прибыл в подмандатную Палестину, где после окончания школы поступил на юридический факультет университета в Иерусалиме. Вершиной его юридической карьеры стала должность Председателя

Верховного суда, на которой ему удалось значительно расширить возможности судебного контроля над законодательной и исполнительной властями, особенно в сферах борьбы с коррупцией в высших эшелонах власти и соблюдения прав человека, в том числе на оккупированных территориях.

Будучи верным столь почитаемому тобою, Господи, принципу плюрализма мнений, считаю себя обязанным ознакомиться и с отзывом о нем в русских национально-патриотических кругах. Кому же и поручить это как не рекомендованному Инженером маяку русской прессы и уже знакомой нам г-же Гутиной. В ответ на запрос с сочетанием двух фамилий (Гутиной и Барака) Google предложил две статьи: «Н.Гутина. Спасибо Третьему рейху за нашу либеральную элиту» и «Н.Гутина. Вся боль квартирного вопроса, или Революция периферии».

В первой статье обосновывался тезис, согласно которому напасть левого либерализма на Ближнем Востоке имеет своим главным источником бежавшую от Гитлера немецкую жидовню (этого слова, разумеется, нет в статье, оно вырвалось у меня под впечатлением от ее прочтения и под влиянием презрительного отношения самой г-жи Гутиной к политкорректным эвфемизмам).

«Прежний председатель Верховного суда Аарон Барак (также имеющий корни в немецкой культуре)...», –

так с уже знакомым тебе, Господи, бесстрашием извлекает г-жа Гутина немецкие культурные корни судьи из его каунасского детства при Третьем рейхе –

«...объявил, что предметом судебного разбирательства может стать буквально все – в том числе и действия армии и отдельных военных. Создалась ситуация, при которой офицер должен думать, не обзавестись ли ему адвокатом, прежде чем отдать приказ. Даже если речь идет о защите собственной жизни и жизни солдат».

Со слов Инженера я понял, что в большой местной прессе, действительно, нередко вспыхивающие на эту тему дискуссии вскрывают тяжелое противоречие между возможностями взвешенного многомесячного рассмотрения ситуации опытными юристами и решением, которое в доли секунды должен принять молодой командир или солдат и от которого зависят жизни людей по обе стороны конфликта. Но и пожилой, консервативный, всегда выступающий на телевидении в защиту военных журналист по имени Рони Даниэль, по словам Инженера, заявил однажды, что даже истеричные правозащитницы и пацифистки на блокпостах способны порой уберечь в конфликтных ситуациях юных солдат от необдуманных импульсивных действий, о которых им тяжело и стыдно будет вспоминать в течение будущей жизни, как хотелось бы ему, молодому командиру времен Шестидневной войны, забыть иные ее эпизоды. Но Господи, как мучительно труден, наверное, должен быть такой каша-размазня, а не подход для требующей полной ясности и определенности русской души сторонников либермана, которую лучше любого юриста ярко и аутентично представляет г-жа Гутина!

Вторая статья посвящена социальным протестам по поводу резкого подорожания жилья, имевшего место в стране в последнее время. Здесь Аарон Барак, уже давно покинувший высокую должность, оказался рикошетом, будучи выставлен под стекло вместе со всем своим недвижимым имуществом в качестве, видимо, случайного первым попавшегося под руку автора наглядного примера. Цитирую:

«Семья бывшего Верховного судьи Аарона Барака владеет 18 квартирами. У четы Барак четверо детей. Это значит, что члены семьи используют для жизни пять квартир из 18. Остальные сдаются. Квартиры расположены в престижных районах Тель-Авива и Иерусалима (никакой периферии!), и аренда там дорогая. Вопрос, откуда деньги на приобретение столь ценной недвижимости, не должен нас интересовать: никто не сомневается в честности бывшего Верховного судьи. Вопрос в другом: заинтересована ли семья, в распоряжении которой 18 квартир, в снижении цен на эти квартиры и на их аренду?»

– Вот кому бы поручить покопаться в имуществе и частной предпринимательской деятельности господина Либермана, – воскликнул я, – а не судейским крючкотворам!

– Ага! – ответил Инженер весело.

Я попытался вновь поймать его на улыбке в сбритые усы, но Инженер именно в этот момент собрал лицо в нелепую гримасу и громко, с эхом чихнул.

– Что может цвести в такое время? – спросил он, но без настоящего интереса.

Второй, тоже, скорее всего, случайно попавшийся под руку г-жи Гутиной пример из области ценообразования на рынке недвижимости, гласил:

«Возьмем, к примеру, группу Романа Бронфмана, бывшего члена Кнессета от партии МЕРЕЦ, которая специализируется на покупке и продаже элитной недвижимости в районе Тель-Авива. Группа Бронфмана вложила десятки миллионов шекелей в недвижимость в Тель-Авиве, и если этот рынок упадет, они и другие бизнесмены этого уровня могут разориться».

– А кто таков этот Бронфман? – спросил я.

– Там же сказано – бывший член Кнессета от партии МЕРЕЦ.

– И что это значит? Это что – второй, помимо вашего Е. Теодора, русский «левак»?

– Ну, что вы? – обиделся Инженер. – Е. Теодор – «левак» в центре. А МЕРЕЦ – это... – и недоговорив, Инженер неопределенно махнул куда-то далеко в сторону.

Но я отвлекся на Верховного Судью, и пора мне от него и от футурологического прогноза о возможных трансформациях русского общественного самосознания перейти к действительности. Итак, статья в Zman.com:

24.09.2012 13:16

**ЭХУД БАРАК ПРИЗЫВАЕТ КО ВТОРОМУ РАЗМЕЖЕВАНИЮ,
НА ЭТОТ РАЗ В ИУДЕЕ И САМАРИИ.**

Министр обороны Эхуд Барак призвал к обсуждению собственной программы одностороннего размежевания в Иудее и Самарии. В рамках программы Барака десятки небольших поселений будут эвакуированы, а те, кто не захочет уйти из своих домов, останутся под властью арабского государства. Согласно Барaku... 90% населения территорий, останутся под израильским контролем. Также Израиль будет контролировать, такие стратегические места, как, к примеру, высоты в Самарии с которых можно обстреливать аэропорт... На оставшихся территориях будет существовать палестинское государство. Люди уйдут из поселений по принципу: эвакуация – выплата компенсации. Эвакуация целых поселений может пройти по принципу: из бывшего дома в дом нынешний, который расположен уже за зеленой чертой. Тот, кто не захочет уйти, может остаться под арабской властью на испытательный срок 5 лет. А дальше будет решать свою судьбу сам. «Если этот план не будет принят, то стоит немедленно начать действия по разделению двух государств... Этот шаг поможет нам во внешней политике не только с палестинцами, но и со странами региона, с европейцами, американцами. Это положительно скажется и на нашей жизни», подчеркнул министр обороны. «Мы уже не дети, нашей стране 64 года, пришло время принятия решений с позиций прагматизма и рациональности, а не на основе той или иной идеологии. Я не говорю это в преддверии приближающихся выборов. Я повторяю пункты своей программы последние 12 лет. Необходимо укрепить позиции Абу-Мазена, потому что он, бесспорно, наш партнер. Я не знаю, удастся ли осуществить мой план, у меня нет иллюзий. Основная ответственность лежит все-таки на палестинской стороне».

Министр информации и диаспоры Юлий Эдельштейн заявил: "Министр обороны Барак продолжает совершать типичные ошибки новобранца. После того, как Барак поддержал соглашения Осло, приведшие Израиль к катастрофе, организовал бегство израильской армии из Южного Ливана, способствовал одностороннему размежеванию в Газе, которое заставило миллион израильтян прятаться в бомбоубежища, он готов подвергнуть опасности еще несколько миллионов наших сограждан только для того, чтобы преодолеть проходной барьер на выборах. Барак обязан понять, что государство Израиль и его жители, в том числе и жители Иудеи и Самарии, не являются марионетками в его театре абсурда».

Я отрезал конец статьи с высказыванием лидера поселенцев, поскольку он в отличие от цитируемого министра – не русский, и его мнение не представляет интереса с точки зрения задачи моей нынешней командировки на Землю, но оригинал статьи при желании всегда легко

смогу отыскать для тебя, Господи, в Интернете по ее заголовку. Отзывы же русских комментаторов считаю своей обязанностью привести без изъятий, несмотря на громадное их количество, но вовсе не обязательно тебе (особенно тебе!) все их читать. А может быть, и наоборот – только эти отзывы и стоит прочесть, а мои письма лишь просмотреть бегло и небрежно. Обращаю твое внимание на единство стиля рядовых русских граждан и русского министра Эдельштейна. Кстати, на другом сайте, NEWSru.co.il, приведена была еще одна фраза последнего, и звучит она так:

«Я надеюсь, что в полной версии его интервью... будет пометка о том, что весь текст является плодом воспаленного воображения интервьюируемого и его публикация не ставила собой цель навредить читателям».

Господин Эдельштейн хоть и не состоит в партии господина либермана, но тем ценнее факт, что дело не в прямом подчинении, а в культурной общности. Также интересен и временной аспект – массированная атака русских виртуальных партизан на Zmap.com-овском поле битвы последовала уже через 17 минут после опубликования статьи (не забудем о времени, необходимом для прохождения через контрольно-пропускной пункт цензора-модератора)!

вячеслав, израиль 24.09.2012 13:33

ШИЗОФРЕНИЯ, ИЛИ ТОТ КАК БАРАК ГОТОВИТ ОЧЕРЕДНОЙ БАРДАК! ОТДАЕТ ИЛИ ПРОДАЕТ СТРАНУ??? ----- РЕФЕРЕНДУМ, НЕ ИНАЧЕ!!! УМУ НЕ ПОСТИЖИМО!!!

Сергей 24.09.2012 13:33

Да он шпион!

Маразмен 24.09.2012 13:34

отправить еного упыря на "территории" с испытательным сроком на 50 лет. к своему партнёру абу-хамасену. Это, без сомнения, положительно скажется на нашей жизни.

Виктор, Германия 24.09.2012 13:36

Он что вообще идиот или только прикидывается?

elena, izrailovka 24.09.2012 13:37

i etot tip zanimaet takoi visokij post v pravitelstve...net slov

аля, тель-авив 24.09.2012 13:40

он - робот. запрограммированный осломистами.

аноним 23.03.1999 24.09.2012 13:42

Очевидные последствия этого шага - непрерывный обстрел всей прибрежной полосы. И увеличится количество терактов.

иудей, израиль 24.09.2012 13:50

КТО ТО ДОЛЖЕН ЕГО СРОЧНО УБРАТЬ С ПОСТА МИНИСТРА ОБОРОНЫ!!! ЭТО ПРЕДАТЕЛЬ, НАТУРАЛЬНЫЙ, КАК МЫ ЕГО ТЕРПИМ???! ОТ ЭТОГО БАРАКА, КОТОРЫЙ И ФЕЙСКОНТРОЛЯ НЕ ПРОЙДЕТ,... ОДИН ВРЕД ГОСВУ И НАРОДУ, КЛОУН!!!

Оля-ля 24.09.2012 13:54

После этого "размежевания" Ариэль и большие поселения превратятся в Сдерот, а жители пропишутся в бомбоубежищах! Что за мания - драпать отовсюду?! Разве непонятно, что, как только Израиль утратит контроль над этой территорией, она сразу превратится в Газу? (А может быть и похуже!) Считает Абу Мазена партнером, пусть уходит с ним на пенсию и переговаривается сколько хочет!

Лора 24.09.2012 13:55

тварь

врач 24.09.2012 13:58

Мне кажется у Барака крыша поехала. Может у него кантузия или начало старческого маразма?

!!! 24.09.2012 14:00

Не зря Барак встречался с Эмануэлем. План Обамы по имени Барак озвучил Барак по имени М...к.

Alone 24.09.2012 14:01

Господи, какой баран, уж пусть простят меня эти кроткие и безобидные животные за сравнение с этим Баракком.

Аналитик. 24.09.2012 14:03

Абу-Мазен - отрицатель Холокоста. И он же - партнёр Барака ???

Соня, Хайфа24.09.2012 14:05

Давайте еще и Мёртвое море отдадим и Голаны и Иерусалим, че уж там мелочится? А может лучшие барака им отдать, пусть за чертой разделяет и влаетствует? Предатель!

Т 24.09.2012 14:09

Он хочет укрепить позиции Абу-Мазена?! А этот Абу признает Израиль?! Его не уважает собственный народ, потому, что он вор и обманщик: врет и нам, и своим. Как можно, наступать на одни и те же грабли столько раз?! Кстати, о каком положительном эффекте на нашу жизнь он говорит?! Выгнали людей из их домов, мы под постоянным обстрелом.

Мент 24.09.2012 14:12

А что вы хотите от человека, который впервые в истории Израйля будучи премьер-министром (т. е. главнокомандующим) отдал прямой приказ бросить солдата на поле боя истекать кровью.

Еврейка 24.09.2012 14:17

Кровать Шарона в реанимации ждет Барака.

Т 24.09.2012 14:18

Арабов надо учить: напали на нашу землю?! Будьте добры, платите землей. Ни больше, ни меньше. Только так их можно остановить. Нападающее животное стегают кнутом, для умирения, а иначе, загрызет! Барак - военный человек, и должен, обязан понимать такие истинны, а не выставляться кисейной барышней.

Сара, Израиль24.09.2012 14:23

помню, как приехав в страну более 20 лет назад и пожив в арабском секторе на севере страны быстро поняла, что сначала уйдут из Газы, потом из Иудеи и Самарии, потом отдадут Голаны, потом арабские анклавы на севере страны. очень больно и горько и обидно за Израиль, что все это сбывается.

Алла, Неgev24.09.2012 14:24

Сторонники левых радуйтесь - у вас свой план : Как потерять Израиль. Убереги господи во - второй раз от такого главы правительства.

ТОР, Израиль24.09.2012 14:24

Предатель и гад !!!!!!!!!!!!!!!

Сэр 24.09.2012 14:33

Вотум недоверия ему и всему правительству.

Т 24.09.2012 14:34

Наши министры слишком увлеклись политикой, и забывают о безопасности собственного народа, желая угодить тому или иному зарубежному "деятелю". Подставляют солдат, жителей, малых да старых. Есть хоть один положительный результат?!

Рони 24.09.2012 14:36

Барак всегда предлагал сдаться

Мама Люда, Израиль24.09.2012 14:38

Да, ребята, куда мы попали...этот колос на глиняных ногах скоро рухнет, благодаря таким вот :патриотам нашей станы и окажемся мы все под его обломками. Неужели не понятно, нет земли-нет государства, уму не постижимо, как один человек может решать судьбу целого народа*

СЛИВА, НАЦРАТ24.09.2012 14:43

К МОШЕ КАЦАВУ ЕГО....В КАМЕРУ!!

Вадим 24.09.2012 14:45

Необходимо укрепить позиции Абу-Мазена, потому что он, бесспорно, наш партнер = Скажи, кто твой партнёр, и я скажу, кто ты. А идея насчёт размежевания верная, только - размежевания с такими как он сам, и побыстрее.

Руби 24.09.2012 14:46

План размежевания он предлагает! Лучшие бы об армии подумал. В армии бардак, люди гибнут, нелегалы гуляют как у себя дома. Террористы со всех сторон лезут. А этому все ни по чем. То он острова покупает, то палесам работу ищет, то земли раздает. Вообще, что за анархия? У нас есть правительство или нет?

Jew, Judea24.09.2012 14:47

! Всё гораздо хуже - если Биби его не уволит (а он его, конечно не уволит), то Барак работает пробным камнем самого Биби... Так во время Рабина об Осло первым заговорил "какой-то" пудель Бейлин.

Вадим 24.09.2012 14:48

врач = Крыша поехала к тех, кто до сих пор не дал этому чму смачного пинка под его толстый зад.

Jew, Judea24.09.2012 14:49

2 Во время трансфера евреев в 2005 (надеюсь единственного) первым о необходимости размежевания заговорил некто Ольмерт, который был тогда никто (приближенный Шарона в 30-х местах на праймериз Ликуда). Ещё немного и Биби озвучит то же... Надежда только на "менч трахт унд Гот лахт" (человек думает (планирует), а Бог смеется).

Михаил, Израиль24.09.2012 14:50

Просто фантастика!!! Неужели одного размежевания ему было было, удивительно как народ просто и спокойно читает и слушает весь этот бред Эхуда Барака!!! Совершенно очевидно, что он озвучивает бред еще одного Барака Обаму. Похоже и его некому остановить в США, а жаль.

Арон, Ариэль24.09.2012 14:50

Речь Барака прозвучала именно сейчас неслучайно. Параллельно проходит процесс легитимации Ольмерта. Вместе с Бараком и Лапидом он может представить "левую" альтернативу нынешней коалиции. Это реальная опасность. Что-то я не слышал осуждения со стороны лидера НДИ.

Коля 24.09.2012 14:53

Ну емаеи! очередные наполеоновские планы! Вот куда уходят наши денежки. На очередную бредовую идею левака. А потом новый виток роста цен и кризис. А на план Барака минимум миллиард потратим. Сколько еще это терпеть? В отставку авантюриста!

еврейская чукча, однако 24.09.2012 14:53

"evreyka24.09.2012 14:17 Кровать Шарона в реанимации ждет Барака" - Вот! Вот отчего не счастливо Израиль живет! Все упирается в мелочь! - ПРОСТО ПОСТАВИТЬ ЕЩЕ ОДНУ КРОВАТЬ! И даже дюжину не мешало б.. - только не давать командовать полководцам, которые крышечку с бинокля снимать не умеют, а вот месторождение газа подарить врагу - это пожалуйста!

Арик 24.09.2012 14:55

Спасибо Эхуд барак, нам уже помогли Ослинные соглашения и передача арабам Газы. Сколько можно подпевать Обаме? Обама хочет разрушить США, а мы что же, хотим погибнуть под обломками? Сколько у нас еще дураков!

Марк 24.09.2012 14:57

отрабатывает денежки своих арабских спонсоров, сцуко

Лиморн 24.09.2012 14:58

А давайте лучше отдадим Эхуда Барака. Думаю народ Палестины оценит этот шаг и наши отношения с палестиной улучшаться. А турки вообще в восторге будут - Барак же виноват в том, что произошло на Мармарисе. Турки с нами снова дружить будут. Двух зайцев убьем

Леон, Кармиэль24.09.2012 15:00

Барак не побоялся озвучить то, что хотят "Кадима" и все левые партии, а главный Ослиный голубь довольно поддакивает.

Вася 24.09.2012 15:00

Пока Израилем правят Бараки и биби, Израилю грозит большая опасность. Евреи не смогут жить спокойно в государстве, которое обеспокоено только интересами США и палестины. мы всегда будем у таких Барак-ов разменной монетой в их кровавой игре

Leon, Ierusalim24.09.2012 15:02

evreyka24.09.2012 14:17Кровать Шарона в реанимации ждет Барака. MOLODETZ soglasen navse 100%

Фанна 24.09.2012 15:03

В отставку старого политика и карьериста, жулика и проходимца Эхуда Барака! В другой стране он бы уже сидел в тюрьме за его вредительские деяния против Израиля и только благодаря своему дружку Биби - он еще во власти.

48 24.09.2012 15:11

Барак, конечно ещё то чмо, но странно, что мы забываем того, кто продолжает держать его на этом посту. Проблема, увы, далеко не в Бараке.

игаль, израиль24.09.2012 15:18

А ведь он когда-то заявил: "Был бы арабом -был бы террористом!" "Налицо полное единение душ и целей. А у Биби от него не тошнит, значит заодно. Не пора ли Ликуду ликвидировать эту шайку, что совсем государственных умов не осталось? Или это тоже помутнение от Ирана?

Критикус 24.09.2012 15:28

Женские роли больше всего удаются Бараку

Серж 24.09.2012 15:31

давно пора размежевать барака в газу, к его друзьям

Яков Сегал 24.09.2012 15:36

Это не Барак. Это жалкая марионетка Биби. Он сделал Барака фактическим премьером. Когда пойдете голосовать за Ликуд - знайте, вы голосуете за погромщиков.

Инна, Хайфа 24.09.2012 15:44

Многие мои друзья - интеллигентные, с 2 высшими образованиями, решили покинуть Израиль именно после размежевания в Гуш катифе. Такое впечатление, что правительство испытывает нас всех на прочность или просто хочет выгнать всех евреев из их страны?!!!!

ТТ, ИзРос 24.09.2012 15:54

Это только начало, скоро об этом будут говорить другие. Израиль уже не в силах содержать убыточные в экономическом плане поселения, к тому же расходы на их содержания постоянно увеличиваются в связи с высокой рождаемостью хaredим а доходов от них нет.

Григорий, Израиль 24.09.2012 16:07

Как человек с такими планами занимает пост министра обороны Израиля. Он ведь не верит в территориальную целостность государства Израиль и готов отступить еще до боя?

Лучший! 24.09.2012 16:20

Это лишь в общих чертах даёт полную картину описания диагноза. Также стоит рассмотреть возможности лечения (наблюдения) больного.

Инна, Хайфа 24.09.2012 16:24

В поселениях живут в основном умные и трудолюбивые люди, их дети служат в боевых частях армии и когда правительство решает выгнать этих людей из своих домов, чтобы совершить, так сказать, акт размежевания для меня лично это означает только одно - что после этого придут выгонять меня из моего дома в Хайфе, в Тель авиве или в Иерусалиме!!!!

Аналитик. 24.09.2012 16:38

ТТ, организуйте для хaredим стройки народного хозяйства. Например, они могут начать трудиться в киббуцах. В чём проблема?

Илья 24.09.2012 16:40

ТТ, ИзРос --- По твоему Гуш Катиф был убыточным поселением?

Саша Шехтман, Тель-Авив 24.09.2012 16:41

Продать Израиль, 18 квартир и открыть "Барак Пиццу" на диком острове Манхэттен - вот это чистый прагматизм!

Семен 24.09.2012 16:43

Барак прав, удерживать территории путем аннексии это приобрести 3 миллиона граждан-арабов, пора наконец сделать четкую границу государства. Предложите чего получше, даже Либерман к этому готов - ознакомьтесь с его предложениями, то же что и у Барака.

Илья 24.09.2012 16:54

Отдавать арабам землю это антидуховный поступок.

Вика 24.09.2012 16:59

Уже в который раз здесь пишу, виноват не Барак, а Биби. Он должен был вышвырнуть после этого выступления Барака из правительства, а он молчит... Так кто же у нас руководит государством? То, что Барак готов продать нас всех с потрохами за чечевичную похлебку, мы знаем, но ведь Биби позиционировал себя как сторонник неделимого Израиля! Поэтому и был избран!

ашк-ка 24.09.2012 17:00

Запахло Израильской осенью,, А Вы все против НДИ?! Только за них! Вы ждете какого-то слова от Либермана? Он УЖЕ ВСЕ И КОНКРЕТНО сказал: ему только и перевес в голосах нужен. Самарию

Аба 24.09.2012 17:04

Barak is right. All that he said wiil happen soon enough.

Миша 24.09.2012 17:13

"Семен 24.09.2012 16:43 даже Либерман к этому готов - ознакомьтесь с его предложениями, то же что и у Барака" - Есть разница, Либерман меняется территориями с арабами на территории с евреями.

Миша 24.09.2012 17:20

"ашк-ка 24.09.2012 17:00 слова от Либермана"- Либерман генетически подчинён Нетаниягу, а Нетаниягу - Барак. Как Барак захочет, так и будет.

Миша 24.09.2012 17:25

Барак получил сверху "Хатима това" для второго размежевания.

Пётр 24.09.2012 17:30

Эдельштейн, в отличие от Барака, и новобранцем не был, и даже пороха не нюхал. Сидел бы и помалкивал, пропагандист хренов. Проблема не в том, чтобы уйти(ушли отовсюду) прогматично и правильно, а в том, чтобы выполнять обязательство давать по мозгам в случае чего, а не выжидать себе на голову.

Григорий 24.09.2012 17:37

ТТ из Рос, Где ты видел убыточные поселения? В этих поселениях такое сельское хозяйство, что тебе и не снилось! А ты хоть видел пром. зоны этих поселений? Там, кроме израильтян, работают и арабы из близлежащих сел. И в каком поселении ты видел харедим? Ах, да! Ты ведь "из Рос", значит ты ничего не видел! А зачем пишешь ерунду?!

ТТ, ИзРос 24.09.2012 17:41

Илья2ТТ, ИзРос По твоему Гуш Катиф был убыточным поселением? Даже Гуш Катиф был убыточным, об этом говорили при его ликвидации. Поселенцы почти не работали, за них работали арабы, затраты на их охрану армией, даже ездили они под охраной армии.

Пётр 24.09.2012 17:45

Гнусное отношение к Бараку-чисто "русское" явление. Среди коренных израильтян этого нет. Те, кто в армии, а не чешет яйца на сайте, оплёвывая всех и вся, - тот к Бараку относится с уважением, потому что знает реальное положение дел. Да и среди не армейцев отношение нормальное. Даже поселенцев почти нет на сайте, только великие "патриоты", живущие в мире, который они сами нарисовали.

.. 24.09.2012 17:50

Пора бы Израилю "отмежеваться" от Барака. Пользы будет немеренно.

Н 24.09.2012 17:52

Сколько можно терпеть эту особь в правительстве! Бежал из Южного Ливана, теперь предлагает бежать из Иудеи и Самарии. Пора его уже отправить к его друзьям в Газу на ПМЖ. Мало этой особи террористов в Газе. Или он вместе со своим патроном Нетаниягу решили оставить Израиль в границах "государства Тель Авив"?

ИЗРАИЛЬТЯНИН Б-Ш 24.09.2012 18:01

КАК БЫЛ БИБИ ПОД КОМАНДОВАНИЕМ барака, так и остался в его подчинении. Пора уже Биби отмежеваться от этого бараХа (сбежавшего). А на выборах и голосовать - то и не за кого

Adam 24.09.2012 18:15

Продаст он весь ИЗРАЙЛЬ С потрохами !!!!!А ВЫ СИДИТЕ И МОЛЧИТЕ !Только знаете что здесь писать....

Jack Ketch 24.09.2012 18:17

Интересно, найдется хоть кто-нибудь, кто пришьёт этого кровавого карлика? Сам ведь он не уйдёт.

Вот ведь, тель-авив 24.09.2012 18:23

Что-то Барак скромничает. Давно пора предложить отдать всю землю израиля арабам и иже с ними, а гражданам Израиля переехать жить в канаду, штаты, или европу. Кстати несколько лет назад такое предложение от канадцев поступало. И будет всем счастье!

Артур, Хайфа 24.09.2012 18:28

Для Пётр\.. Вы ошибаетесь. Я своими ушами слышал во время "Хомат маген", когда 13 наших солдат погибли в Дженине, как коренные израильтяне крыли Барака последними черными словами - уши вяли... А уж за все его чудеса с того времени популярности у него явно не прибавилось - посмотрите на число мандетов в Кнессете...

Ягодка 24.09.2012 18:32

Предлагаю как можно быстрее размежеваться с Бараком! Пока он всю территорию Израиля не отдал арабам...

михаэль, бат ям 24.09.2012 18:35

"Виктор, Германия Он что вообще идиот или только прикидывается?" Он не идиот, а враг Израиля. Более того - он руководит государством, врагом которого является. Руководит руками Нетаниягу, который почему то является его марионеткой и выполняет все его указания.

ЛМЛ 24.09.2012 18:35

Случай запущенный, психиатрия не поможет. Лечить пожизненно. Гнать из правительства.

михаэль, бат ям 24.09.2012 18:42

Настал момент истины. Нетаниягу поддержит, скорее всего, эту инициативу Барака. Кто сможет остановить распродажу Израиля - не ясно. Все депутаты Кнессета - доверия не заслуживают, потому, что, вероятнее всего, большинство их можно купить, причем на наши же деньги от налогов. Только теперь стала понятна цель повышения НДС и остальных цен. ПОТРЕБУЕТСЯ МНОГО ДЕНЕГ ДЛЯ ПОДКУПА ДЕПУТАТОВ!!!

михаэль, бат ям24.09.2012 18:43

НАДО ПОТРЕБОВАТЬ ОТ ПРАВИТЕЛЬСТВА, ЧТО БЫ ЛЮБЫЕ РЕШЕНИЯ О ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ УСТУПКАХ ПРИНИМАЛИСЬ ТОЛЬКО ПОСЛЕ ВСЕНАРОДНОГО РЕФЕРЕНДУМА. У НАРОДА ИНСТИНКТ САМОСОХРАНЕНИЯ ЕЩЕ ЖИВ И ОНИ НЕ ДОПУСТЯТ САМОУБИЙСТВА!

ёсл, бней брак 24.09.2012 18:44

"Кац предлагает сдать"ся"...Генерал - НАЗАД !У меня нет противогаза и не могу даже слышать об .. этом явлении... А если они с Ольмертом пересплять ? При нашем теплом климатсе ?

mishka, haifa24.09.2012 18:47

может быть я ошибаюсь, но отдав поселения, обострится ситуация и будет реальная легитимизация на окончательное смеживание уже со всей палестиной, то есть "массква" французу отдана не даром, или можно поступить иначе - раздать зеуты египтянам, а когда "палестинцы" на наших новых согражданн нападут, ввести танковые войска, гламурненька?

михаэль, бат ям24.09.2012 18:48

"Эхуд Барак призывает ко второму размежеванию, на этот раз в Иудее и Самарии" Так и хочется радостно поздороваться: Здравствуйте, грабли! Это - опять мы!

Артур, Хайфа24.09.2012 18:51

Это не "типичные ошибки новобранца". Это очередные потуги государственного лузера в очередной раз неудачно войти в историю. Только после одной демонстрации позорных кадров "танца" с Арафатом на пороге Кемп Давида порядочный человек должен был бежать от политики как можно дальше. К сожалению, "порядочный" - не про нашего министра обороны...

михаэль, бат ям24.09.2012 18:58

"иудей,КТО ТО ДОЛЖЕН ЕГО СРОЧНО УБРАТЬ С ПОСТА МИНИСТРА ОБОРОНЫ!ЭТО ПРЕДАТЕЛЬ, НАТУРАЛЬНЫЙ, КАК МЫ ЕГО ТЕРПИМ?!" К сожалению, убрать Барака можно только вместе с Нетаниягу.

михаэль, бат ям24.09.2012 18:59

А это трудно сделать, пока он остается главой Ликуда. Непонятно, неужели в Ликуде думают так, как их лидер? А если нет, то ликудовцы просто обязаны выбрать нового главу, даже если для этого потребуются раскол партии. Пока государство возглавляет Нетаниягу - в правительстве обязательно будет Барак!

Миша 24.09.2012 19:07

"Вот ведь, тель-авив24.09.2012 18:23 предложение от канадцев поступало. И будет всем счастье!" - Так надо нашим бывшим запорожским евреям написать письмо ихнему будущему канадскому султану.

М...да 24.09.2012 19:08

Дорогие товарищи! Так кажется обращались в ссср. Так вот дорогие товарищи, вы тут уже всех расставили по местам, кого в предатели, кого в шпионы, в тупые, в сумашедшие и.т.д. Там (в ссср) вы уже навели порядок, результат на лицо, теперь наводите тут, забыв и даже не отдавая отчёт, что у власти люди родившиеся в этой стране, знающие её историю и воевавшие за неё.

М...да 24.09.2012 19:11

И вправе предлагать и если надо делать то что изменит ситуацию в Израиле и наконец установит постоянные границы. Да, всё не так просто, но только тот кто ничего не делает, ни чем не рискует. Дайте профессионалам во всём разобраться.

Вот ведь, тель-авив24.09.2012 19:16

Даёшь новый исход евреев, например на полюс. А что красота - свежий воздух, прохладно и соседи приятные, как-то белые медведи, пингвины и никаких арабов. Красота... А самое главное барак и иже с ним туда не поедут, ибо им и на своих виллах в майяи неплохо кормят.

Миша 24.09.2012 19:24

"М...да24.09.2012 19:11 Дайте профессионалам во всём разобраться" - с профессиональной точки зрения тот кто останется под властью арабов будет иметь пенсию с 50 лет.

Зина Поселенка 24.09.2012 19:24

Петр. Ты, безусловно, судя по имени, кореной израильтянин и имеешь право говорить от их имени... Что ты знаешь об офицерах и поселенцах? Это я - поселенка и мне известно, что говорят поселенцы о Бараке. Ты какое отношение имеешь к армии? Что тебе известно об истинном положении дел? Тоже мне, Наполеон накануне сражения. Молчи лучше, за умного можешь сойти ...

Лучший! 24.09.2012 19:27

Одним словом - параноя. Видимо обострение после желания купить греческий остров.

Лена, Хайфа 24.09.2012 19:28

Не понимаю, неужели в правительстве никто не видит, что у Эхуда Барака "крыша" поехала? Совсем спятил от трусости.

михаэль, бат ям 24.09.2012 19:28

"Миша Либерман генетически подчинён Нетаниягу, а Нетаниягу - Бараку. Как Барак захочет, так и будет." Миша, никогда не пользуйтесь словами, смысла которых не понимаете. Для утверждения: "Либерман генетически подчинён Нетаниягу", надо, как минимум, провести генетический анализ их обоих и показать, что гены, определяющие поведение человека у Барака - являются ДОМИНАНТНЫМИ генами Либермана.

Миша 24.09.2012 19:30

Каждому военному специалисту понятно, что чем меньше будет Израиль, тем тяжелее будет аятоллам попасть сюда атомной бомбой. Стратегия!

михаэль, бат ям 24.09.2012 19:32

И даже если это так, то это не в коем случае не определяет зависимость одного человека от другого. Каждый человек - вполне автономная система, которая никак не может быть зависимой генетически от другой такой же. Зависимость человека от другого определяется совершенно другими факторами и никак не зависит от генетического кода.

Зина Поселенка 24.09.2012 19:37

М..да. Результаты разборов профессионалов налицо. Обстрелы страны и камнеметание на дорогах, нашествие спидоносцев и туберкулезников,, работающих везде, где возможно, бешенный рост цен и разрушение поселений в угоду Мазену, чтобы начать бессмысленные переговоры о фантастическом мире.. Вывод: неужели нами управляют профессионалы?

Ну-ну 24.09.2012 19:38

Драпание из Южного ливана привело к гибели людей и 2-й ливанской войне. Пострадали не только израильтяне, но и цадаловцы были брошены усилившейся Хизбале на растерзание. Какая-то мать, в 4-й степени, вышвырнула Барака вместе с армией, выбросив оборудование и бункера, как совочки в песочнице и опять за старое, лишь бы кормушка БВ прачечной не отказала герою лично!

Проповедник, США 24.09.2012 20:04

Ираиль - это Вселенная. Он может, должен и обязан только Р А С Ш И Р Я Т Ь С Я !!!

Мо 24.09.2012 20:04

Охрана у него хорошая?...А не убраться ли ему к Мазану или ещё куда за такое? Мазен его подмазывает, может?

Вот ведь, тель-авив 24.09.2012 20:06

Миша 24.09.2012 19:30 Золотые твои слова!

NEkto 24.09.2012 20:12

Обидно, что Б-г далеко и вряд ли у него руки в Судный День дойдут то Барака... Согласно еврейской традиции, если есть миньян, то просьба доходит до Б-га быстрее. Предлагаю устроить виртуальный миньян - в определенное время, например, завтра 25/09 в 17-00 всем подумать о том, что Барак совсем зарвался/сошел с рельс, пора ему помочь с места слететь.

mishka, haifa 24.09.2012 20:13

19:24 зиночка у вас у обоих красивые гревнедре,, древнегреческие имена, зачем же вы так? и надо заметить видал я такого петра в своей жизни, рядом с которым шолом-алейхем вылитый элин

NEkto 24.09.2012 20:19

ТТ, ИзРос.То, что ты сочиняешь всякую чепуху, уже давно известно, но сегодня ты превзошел сам себя ! Поселения убыточные? Да ты их с арабскими деревнями перепутал, нефиг клеветать. И насчет харедим - вешаешь лапшу, авось кто еще дурней тебя и поверит. Харедим далеко не основные жители поселений. Поучи разницу между религиозными сионистами, вязаными кипами, харедим, ортодоксами и т.д.

Марк, Израиль 24.09.2012 20:25

не спешите. Барак не глупей здесь любого. Вдумайтесь лучше, в этом что то есть, правда с оговорками. Надо брать то, что сейчас возможно(80-90%).Неизвестно что будет потом, многие международные проблемы сами собой улягутся, если мы наконец разбрежемся с ними.

NEkto 24.09.2012 20:29

ТТ из Рос. Поселенцы не работали, а работали арабы? Ну так и что - коль-ха-кавод им, что смогли создать бизнес и стать его хозяевами. По крайней мере с них налогов поступало больше, чем с арабы, ведущего бизнесы по-черному. А солдаты защищают не конкретных поселенцев, которые в отличие от многих остальных, за себя могут постоять, а весь Израиль.

NEkto 24.09.2012 20:35

ТТ из Рос очередной поганый тролль, пишущий здесь клевету на Израиль и израильтян, неважно по какому - поводу, лишь бы напакостить ,а еще лучше, настроить одних против других. Неважно, что в коментах нет логики, главное, чтоб погрязнее и повонючее.

Узн 24.09.2012 20:39

НАДО ОТ Барака отмежеваться, стыд какой ,позор на весь мир, может Иорданию сначала назад вернем ? вершителю судеб ,министр обороны продает Израиль отдает врагу

Янея 24.09.2012 20:42

совершенно не понятно, почему шизофреники и психически больные не лечатся в закрытых учреждениях, а свободны и управляют страной? мало того решают судьбу государства и людей? ужас. как страшно жить

От Нила до Евфрата 24.09.2012 20:47

Марк, Израиль 24.09.2012 20:25. "Надо брать то, что сейчас возможно". Брать надо то, что нам принадлежит по праву, - все наши земли, от Нила до Евфрата. И брать сейчас. А Барака надо судить. А там уж что военный трибунал решит

Миша 24.09.2012 20:56

Министр обороны Эхуд Барак призвал к обсуждению собственной программы одностороннего размежевания в Иудее и Самарии, а по должности может и без обсуждения размежевать всё к чёртовой матери, пока Нетаниягу с Либерманом в ООН выступать будут. Так, что осторожней с выражениями в его адрес.

Зина Поселенка 24.09.2012 21:07

NEkto, Насчет миньяна - хорошая идея. Жаль, что я не могу присоединиться... Всем присоединившимся - успехов и пусть ваша молитва долетит до Всевышнего.

Зина Поселенка 24.09.2012 21:15

mishka. Naifa.Гмар хатима това и хорошей записи тебе, всем комментаторам и сотрудникам сайта в Книгу Жизни! Во всем нужна мера. Я живу в поселении, где большинство составляют офицеры и их семьи, однако, не беру на себя смелость судить обо всем от их имени...

цофе 24.09.2012 21:25

Робята Барак, Либерман, Биби – совершенно одинаковые. Решают одну и ту же задачу – сидеть наверху. Как? Дети лейтенанта Шмидта поделили Россию географически. Эти же детишки поделили Израиль вербально. Договорились, или по интуиции – каждый окучивает свой электорат. А в деле поди отличи на разгроме форпоста – это люди Барака или Либермана-Арановича

ТТ, ИзРос 24.09.2012 21:28

"NEkto.Согласно еврейской традиции, если есть миньян, то просьба доходит до Б-га быстрее. Предлагаю устроить виртуальный миньян." Согласно еврейской традиции - еврей должен быть обрезан и соблюдать шаббат, тогда он еврей и может участвовать в миньяне.

Миша 24.09.2012 21:49

"ТТ, ИзРос 24.09.2012 21:28 NEkto.Согласно РОССИЙСКОЙ еврейской традиции, если есть миньян, то просьба доходит до Б-га быстрее, ЕСЛИ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ НЕ ЗАКУСЫВАТЬ".

Ара 24.09.2012 22:20

Один уже лежит в коме сколько лет после размежевания... нейдет...

такин, Израиль 24.09.2012 22:55

Прочтите о чем написали. Хаить бессмысленно. Вы и Барак и другим сами дали власть - получаете отдачу. Не надо балаболить - это крик в пустоту. Там хоть эхо есть....

Симха 24.09.2012 23:30

спасибо размежевателью - от всего юга.. он спокоен - квартиру продал, до аэропорта дорога накатана - можно распиливать страну дальше.. мерзость.. ешь дин..

faina , Akko 24.09.2012 23:58

Если Абу Мазен наш партнер, то и Ариель Шарон - жив-здоров! Господи, воздай по заслугам всем врагам нашим - и ТАЙНЫМ, и ЯВНЫМ!

Viktor , Germanija 25.09.2012 00:06

Пока у этого «спринтера» по драпу на счету лежат миллионы и он занимает 3 – е место среди самых богатых евреев Израиля, он будет сидеть в этом кресле и разваливать Израиль по своему усмотрению. А биби у него «мальчик на побегушках».

Mishka, haifa25.09.2012 00:57

21:15 и тебе зинаида всего наилучшего, но судить по имени также не камильфо как и от имени всех, думаю с бараком всё разрешится, возможно это ход конём, что бы немного лекторат пододвинуть вправо, то есть к центру, так что не будем торопиться с выводами, политика дело тонкое, а ближневосточная политика ещё тоньше

Ирина, Неgev25.09.2012 08:14

Убереги господи от придурков наделенными властью

Семеновский 25.09.2012 12:45

Барака - под суд! Ни сантима земли арабесам!!! Хватит! Ни одна страна не отдает землю врагам, только израиль. Мазахизм евреев не имеет границ. Мы должны забирать земли, а не отдавать. когда же бараки исчезнут из политики?!

Н 26.09.2012 18:47

У Барака размежевание - навязчивая идея. Он постоянно пытается дать арабам как можно больше, а они не берут. Им все равно нужна вся израильская территория. Но Барак не сдастся и продолжает предлагать им все новые уступки, опыт предыдущего размежевания его ничему не научил. Никак не успокоится.

Мириам 26.09.2012 19:53

Григорий, есть харедимные поселения. Напр. Имануэль и Маале Левона. А вот, сельским хозяйством почти никто не занят. Вы не в теме.

Мириам 26.09.2012 20:03

Барак (как и все политики) выполняет заказ правящей олигархии: нанести удар и разгромить нац. лагерь в предверии выборов. Поселения необходимо уничтожить для деморализации лагеря, давно имеющего в стране демографическое большинство.

Санчо, Ламанче26.09.2012 21:44

"Основная ответственность лежит все-таки на палестинской стороне" Это Барак говорит на случай провала его программы, что бы он как бы не остался виноват. Сколько ещё в Израиле можно гонять евреев????!!!!!!

Скептик 26.09.2012 23:07

а я считаю не нужно разбазаривать на поселения деньги и дети не хочу чтобы мои служили там и охраняли пейсатых

Прохожий 26.09.2012 23:41

К этому времени он сам уже поменял точку своего зрения на противоположную.

papa, israel'27.09.2012 07:42

и может всё поотдавать.. что он только этим добьется??? ему то есть где и на что жить, в крайнем случае дёрнет за границу!!

КиргизХан 27.09.2012 08:11

На карте Израиль уже выглядит как огрызок который отлично простреливается со всех сторон. Но Первого Опарыша страны это мало волнует. Для него и Персика эта великая цель - продажный "Мир" ценой медленного уничтожения Израиля.

КиргизХан 27.09.2012 10:23

скептик...Такими темпами Ваши дети будут служить в народной армии Фалыстын и охранять не пейсатых и не Вас, а беженцев мусульман соседних стран. А Вам придётся принять ислам, а иначе как в суре 43 "Мечём по шее неверного"и "кирдык" Вам если не сбежите в Канаду вовремя. А может Вам и подобным стоит уже вещи собирать?

Зина Поселенка 27.09.2012 13:01

Мириам. Согласна с Вами. Для министра отсупления и уступок главный враг - поселенцы. Истинных врагов - террористов, нелегалов, он упускает из виду. Интересно, чего он добивается? Нет стыда перед памятью погибших. Во имя чего были все эти смерти? Чтобы Бараку было, чем торговать? Преступник, давно судить пора...

БОМЖ, бывший милуимник, Т-А суданский централ правительства27.09.2012 13:32

Трус не играет в хоккей... Давай, давай, милуимники тоже с тобой размежуются. С кем воевать собрался?!

Ашкелонец 27.09.2012 15:02

Этого провокатора нужно поскорее ЛЮБЫМ способом удалить из политики. Он выполняет заказ врагов Израиля по уничтожению государства. Он продал это государство за 30 сребреников. Самое время подыскать осину.

Свобода, Израиль27.09.2012 16:38

Я не понимаю, как человек предавший и бросивший на произвол Хизболлы армию Южного Ливана, предавший и бросивший партию, которой он руководил, до сих пор находится у власти и продолжает свою политику предательства и развала.

ЗАКОННИК 27.09.2012 21:19

ПРЕДАТЕЛЬ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА И ЕВРЕЙСКОГО ГОС-ВА - НА НАРЫ НА КОЛЫМУ БАРАКА БЕЗ ПРАВА НА ПОМИЛОВАНИЕ И ВОЗВРАЩЕНИЯ В ИЗРАИЛЬ

Алекс 27.09.2012 23:23

М-да, случай запущенный и лечению не подлежит. Действительно, пора размежеваться - государство Израиль отдельно от "солдата номер 1"

ИЗЯ, Иерусалим 28.09.2012 08:47

Всевышний услышь наши молитвы и воздай по заслугам врагам народа своего, отними у них ум, деньги и способность вредить своей стране и раздай народу, ожидающему следующего Холокоста от слуг своих. Аминь.

Потребитель 28.09.2012 22:09

Этот Зольдад номер 1 всего лишь исполнитель, а вот кто заказчик ???ИЗЯ, Иерусалим 28.09.2012---Амен ! Амен! Амен!!! И поскорее бы, вслед за Р и Ш.

Лучший! 29.09.2012 13:37

Как бы не называлась эта операция – размежевание, добровольный уход, добрая воля израильского руководства – правильнее всего ее следует назвать депортацией.

Лучший! 29.09.2012 13:38

Государство, хотя бы устами своего многословного премьер-министра, не удосужилось попросить у этих людей прощения. Прощения за то, что они оказались обманутыми, за то, что была испоганена их жизнь и исчезло то, во что они верили, то, ради чего они не только проливали свои пот и кровь, но и теряли своих близких.

Лучший! 29.09.2012 13:39

Тот факт, что эти люди вот так, без особого сочувствия со стороны агрессивно послушного израильского большинства, изгоняются из своих домов; что ломается хребет поселенческой идеологии, которая на протяжении десятилетий была одной из самых важных составляющих современного израильского сионизма, – это, на мой взгляд, очень и очень страшно.

Лучший! 29.09.2012 13:40

Разнузданная антипоселенческая пропаганда последних месяцев превратила людей, которые своей жизнью доказали высочайшую преданность идеалам, которые, по сути, представляли собой модель идеализма, во врагов государства, в паразитов, фанатиков, сумасшедших.

Лучший! 29.09.2012 13:41

Это привело Израиль в состояние размежевания – не с палестинцами, а друг с другом, – какого еврейская история не знает со времен разрушения Второго Храма. Теперь образ поселенца в глазах среднего израильтянина мало чем отличается от образа боевика Бен Ладена; с другой стороны, поселенцы справедливо, на мой взгляд, считают, что государство и общество их предали.

Лучший! 29.09.2012 13:43

Израиль стоит на пороге холодной гражданской войны. На фоне этих необратимых последствий не надо забывать о чувствах, которые невынужденное отступление израильтян вызывает в стане их врагов. Экстремистские палестинские организации не скрывают, что воспринимают депортацию как победу интифады, победу террора, победу политики убийства невинных людей.

Лучший! 29.09.2012 13:44

И, по большому счету, они правы: такой победой это решение в какой-то мере и является. Но и для палестинских арабов последствия размежевания могут быть весьма непредсказуемыми, поскольку уже сейчас добровольный уход Израиля с огромной (по израильским масштабам) территории вызвал трения в палестинском обществе.

Лучший! 29.09.2012 13:45

Теперь, когда так называемое умеренное палестинское крыло в лице Махмуда Аббаса стремительно теряет и так не очень большую политическую силу, и все большую политическую силу обретает ХАМАС, когда почти всю освобождаемую территорию, как уверены эксперты, займут отряды ХАМАСа,

Лучший! 29.09.2012 13:46

и к евреям еще больше приблизятся те, кто считает, что единственное средство общения с нами – это ракеты и пояса шахидов, умеренное арабское палестинское сообщество оказывается во все более слабом положении.

Лучший! 29.09.2012 13:47

Мне кажется, все эти последствия стали возможны лишь потому, что Ариэль Шарон не умеет принимать политических решений: он в первую очередь генерал. Решение о ликвидации поселений является непродуманным, скорым. Такое решение возможно для генерала на поле боя, когда от быстроты принятия решения зависит судьба солдат.

Лучший! 29.09.2012 13:49

Качество хорошее для боевого командира, для политика – губительное. Уход из Газы, а потом из Самарии, Иудеи пагубно скажется на борьбе с международным терроризмом. Сильное государство, безусловно доминирующее в регионе, де-факто идет на уступки террористам, что, конечно, прибавляет силы экстремистам и сепаратистам в разных концах земли.

Лучший! 29.09.2012 13:53

После многих лет мусульманского террора и на фоне его продолжения ликвидация любых еврейских поселений однозначно воспринимается нашими врагами как проявление слабости и признак капитуляции и усиливает их энтузиазм.

Лучший! 29.09.2012 13:54

Разрушение же любых еврейских поселений повысит и этот энтузиазм, и престиж террористических организаций в глазах палестинского населения, укрепит их позиции в административной структуре Автономии, уничтожит в зародыше те слабые ростки недовольства террором, которые стали появляться у части арабского населения из-за падения уровня жизни.

Лучший! 29.09.2012 13:55

Энтузиазм этот распространится и на израильских арабов, которые постепенно вытягиваются в антиизраильский террор. К тому же у террористов откроются новые возможности тяжелого вооружения и его использования против городов внутри зеленой черты, о чем постоянно предупреждают силовые структуры.

Лучший! 29.09.2012 13:56

Необходимо учитывать неизбежную деморализацию всех силовых структур, и армии, и полиции которым предстоит прямо или косвенно участвовать в выселении евреев из их домов. Израильская армия – настоящая народная армия, мотивированная на защиту граждан, а не на их подавление.

Лучший! 29.09.2012 13:57

За исключением ничтожного меньшинства асоциальных психопатов и садистов, которые попадают в любом сообществе, все, кому будет поручено ликвидировать поселения, переживут тяжелый эмоциональный шок, если им действительно придется делать то, к чему их сейчас готовят:

Лучший! 29.09.2012 13:57

бить ни в чем не виновных людей, включая стариков и женщин, выворачивать и ломать им руки, вырывать детей у матерей – словом, вести себя как погромщики, так, как еврейские солдаты никогда не были готовы вести себя даже по отношению к заведомо враждебному населению Автономии, поддерживающему террор.

Лучший! 29.09.2012 13:58

Руководители силовых структур осознают эту проблему и пытаются предотвратить эту психическую травму методом психологических тренингов. Но такие вещи никогда не удаются. Никакая психологическая помощь не в состоянии компенсировать угрызения совести и чувство вины, вызванное собственным аморальным поведением, даже если оно вынуждено.

Лучший! 29.09.2012 13:59

И эта психологическая травма, этот эмоциональный шок произойдет не только у тех, кто будет непосредственно занят выселением, но и у тех, кто будет в оцеплении охранять ликвидаторов от протеста рвущихся в поселения десятков тысяч благородных людей, готовых собственным телом защищать поселенцев, лишь бы не допустить победу зла и несправедливости.

Лучший! 29.09.2012 13:59

Результатом неизбежно станет тотальная деморализация армии, которая потеряет представление, во имя чего сражается и что защищает. Это особенно опасно для израильской армии, чей боевой дух держится не на высоких окладах наемников, а на ощущении высокой миссии защиты своего народа. Деморализация влечет за собой снижение боеспособности.

Лучший! 29.09.2012 14:00

В свете предстоящего после ликвидации поселений обострения военного противостояния с арабами (как об этом предупреждают и армия, и Шабак) такое снижение морального духа и мотивации может вести к фатальным последствиям.

Лучший! 29.09.2012 14:02

Их вера в свою миссию и в свои идеалы так велика, что вопреки постоянным угрозам неизбежной депортации они продолжают сельскохозяйственные работы.

Лучший! 29.09.2012 14:02

Израильский истеблишмент, озабоченный только сохранением своей власти, хорошо понимает, что не сможет сохранить свою власть в стране, когда такие люди, как эти поселенцы, живут нормальной жизнью и сохраняют чувство собственного достоинства. Израиль с таким населением, как жители Гуш-Катифа, им не нужен вообще.

Лучший! 29.09.2012 14:03

Именно поэтому устроители и энтузиасты трансфера готовы пойти на риск в отношении безопасности страны и даже на гражданскую войну, лишь бы сломать это невыносимое для них самосознание, основанное на духовности и самоуважении. (Именно стойкость и верность духовным ценностям вызывают особенную ненависть мафиозных организаторов трансфера.

Лучший! 29.09.2012 14:05

Эта ненависть всячески культивируется всеми израильскими СМИ, которые не гнушаются клеветой и занимаются по отношению к ним пропагандой, по всем параметрам напоминающей антисемитскую.)

Лучший! 29.09.2012 14:05

Если трансфер все-таки произойдет и если он вызовет у поселенцев чувство отчаяния и безнадежности (что, по моему глубокому убеждению, и является истинной сверхзадачей трансфера), это нанесет громадный моральный ущерб гражданам страны.

Лучший! 29.09.2012 14:06

Наконец, насильственное изгнание еврейской армией и полицией евреев из своих законных домов, с освоенной ими земли окажет очень негативное влияние на отношение к евреям во всем мире.

Лучший! 29.09.2012 14:07

Уже начиная с процесса Осло, освободившего Израиль от права и обязанности бороться с террором, защищать свои интересы и свое чувство собственного достоинства, наблюдается неуклонный рост антисемитизма в мире.

Лучший! 29.09.2012 14:07

Унизительная позиция смирения перед злом, впервые занятая Израилем за все время его существования, играет в этом росте антисемитизма решающую роль.

Лучший! 29.09.2012 14:08

Если план депортации реализуется, евреям станет плохо всюду – ибо если они могут сами изгонять своих братьев из домов и совершать над ними насилие, если евреям можно отнимать еврейских младенцев у еврейских матерей, что может помешать другим народам вернуться к практике тотальных погромов?

Лучший! 29.09.2012 14:09

Поэтому те израильтяне, у которых есть тайная надежда, что в крайнем случае им удастся спастись и другие страны (например, США) предоставят им убежище, должны ясно осознать ложность этой иллюзии.

Лучший! 29.09.2012 14:10

Даже тем евреям, которые находятся в галуте и чувствуют себя полноценными гражданами своих стран, придется очень несладко в обстановке всеобщего презрения, легко переходящего во враждебность.

Лучший! 29.09.2012 14:11

Помимо прочего, евреям не простят и того, что их политика усиливает позиции мирового терроризма, ибо вместо совершенно доступной Израилю и достойной борьбы с террором идет заигрывание с террористами и торговые сделки с их идеологами, и одновременно жестокая борьба с теми, кто не желает террору уступить.

Лучший! 29.09.2012 14:12

Этого Израилю, а заодно и всем евреям, не простят даже наши потенциальные союзники и доброжелатели.

Лучший! 29.09.2012 14:13

Необходимо сделать все возможное, чтобы предотвратить катастрофические последствия намечающегося еврейского погрома в Израиле. Мне, кажется, что сегодня мы все в гораздо большей степени готовы остановить осуществление программы размежевания.

Лучший! 29.09.2012 14:13

Молодежь, группирующаяся вокруг движения «Байт Леуми» (Еврейский национальный дом), выросшая во времена Осло, решительна и самоотверженна, и опирается на духовные

ценности. Этим ребят не обмануть и не запугать. Их десятки тысяч, и их становится все больше. Они надежда страны.

Лучший! 29.09.2012 14:14

Когда они перекрывают шоссе и идут потом за это в тюрьму, они тем самым голосуют против трансфера евреев тем единственным способом, который им оставили правительство и Кнессет, отказавшись от референдума по этому жизненно важному для страны вопросу.

Лучший! 29.09.2012 14:15

Они демонстрируют готовность ценой собственной свободы встать на дороге зла и не позволить ему быть безнаказанным. Правительство может игнорировать слова и настроение населения, но оно не может выстоять в ситуации, когда против него встает большая масса людей и вся организационная структура, направленная на «размежевание», перестает функционировать.

Лучший! 29.09.2012 14:15

Чем более широкую поддержку получают акции «Байт Леуми», тем быстрее мы можем остановить сползание нашей страны к крушению. Несколько часов, проведенных в пробке, с ощущением причастности к сопротивлению злу и к защите страны – не слишком большая плата за возможность продолжения нормальной жизни в еврейской стране, за восстановление духовных и моральных ценностей.

Лучший! 29.09.2012 14:16

Если же в людях в этот критический момент возобладают мелкие сиюминутные интересы, на что очень рассчитывает мафиозная и коррумпированная власть, то это быстро закончится катастрофой для всего еврейского народа, как в Израиле, так и в диаспоре.

Потребитель 29.09.2012 14:30

Лучший!/// генерал Петров очень грамотно рассуждает на эту тему. Сначала создать искусственный абсурдный бардак и хаос, поселить в людях страх и неуверенность в завтрашнем дне. И они сами поставят у власти красноречивого тирана который на их взгляд должен навести порядок, но как оказывается не наводит, а продолжает в том же духе и всё повторяется.

Граждане, спасайтесь ради Бога! 29.09.2012 20:42

Новый графоман на наши головы!!!! Некто Лучший.

Лучший! 29.09.2012 21:19

Для "Граждане, спасайтесь ради Бога!" 29.09.2012 20:42 Можешь спастись, разрешаю.

Миша 30.09.2012 01:47

"Лучший! 29.09.2012 14:16 мафиозная и коррумпированная власть, плата за возможность продолжения нормальной жизни в еврейской стране. "

Лучший! 30.09.2012 13:22

Миша 30.09.2012 01:47 То, чего здесь не было до 1977-го года.

Зина Поселенка 30.09.2012 15:29

Граждане, спасайтесь, ради Бога. Не волнуйтесь. Судя по уровню назидательности и претензии на значимость, это старый друг сайта Артур Хайфа .под новым ником. Только он умеет так долго и занудно говорить о том, что давно уже ясно всем. Крепитесь. Выдержка ,и еще раз выдержка.

Лучший! 30.09.2012 15:50

Зина Поселенка 30.09.2012 10:22 Так и сделай. Под одеялом тебя никто не увидит и не услышит. Совет помог?

Зина Поселенка 30.09.2012 16:37

Лучший. Кто тебе сказал, что ты лучший? Нарциссизм в расцвете, Артур. Вернись к старому нику. Он тебе больше подходит. Новый звучит, как насмешка. По каким критериям ты лучший? По количеству слов, избитых и заштампованных? По зашкаливающему уровню назидательности? Поделись соображениями, по которым выбрал такой неподходящий ник.

Лучшему! 15:50 30.09.2012 16:46

Вы уверены, что автор поста от 15:29 - Зина? Здесь есть любитель писать гадости из-под чужих ников, причем это происходит не в 1-й и даже не в 10-й раз.

Бени, Иерусалим 30.09.2012 21:30

Предыдущее размежевание отрицательно сказалось на нашей жизни . Статистика ракетных обстрелов Израиля с территории сектора Газы: 2005-й год-270 ракет ... 2008-й год- 1490 ракет .

Кирдык 30.09.2012 21:35

Лучший просто размазал вас ребята, почему не возражаете? Может он прав???

Зина Поселенка 30.09.2012 21:59

Кирдык. Кого он размазал? Ни одной новой, свежей мысли, набор стандартных блоков, как в передовице "Правды"(не тем будь помянута)...Может быть, на тебя его словоизвержение произвело впечатление? Конкретно - что так поразило твое воображение, что нового ты прочитал в его комментариях? Открой тайну...

Иозеф Швейк.ординарец 11-и роты 97 Буденовицкого полка, чешские буденовицы01.10.2012 02:03

Ярчаишии представитель 5-ой колонны нашего государства. что еще может насоветовать этот провалившийся министр?! прагматик хренов. такие как он и устроили мюнхенский сговор в 1938-м.соглашатель и компрадор. надо бы ему и имечко поменять, или хотя бы дать кличку Делады Барак или Эхуд Чемберлен. Ганьба ему!!! Барак - геть!!!

Боже правый! Как невозможно переиграть на сцене детей и зверей, так блеклы и вымучены кажутся мне собственные мои письма и тщетны потуги описать хлещущий поток русского сознания! И так – таков этот поток, который г-жа Гутина восхваляет и который г-на Либермана вознес к вершинам местной власти.

Я обнаружил, что Инженер, зачитывая комментарии, сделал несколько пропусков в переводе. Число прочтенных им отзывов было меньше, чем содержали страницы. Я напрямик спросил его, что он пытается скрыть от меня. Он ответил, что его раздражает тут «одна баба», – так он выразился. Это относящееся к женщинам слово в русском языке, как выяснил я, может иметь много разных оттенков и смыслов, от положительных до самых негативных, им иногда могут назвать даже нерешительных мужчин, но порой – и самых любимых женщин, и нужно внимательно вслушиваться в интонацию, с которой оно произносится, а также замечать, билет на какое место в партере или на галерке контекста приобретен для него говорящим. На сей раз слово это в устах Инженера не было окрашено чувством симпатии к автору комментариев на сайте Zman.com.

– Как зовут этого «бабу»? – спросил я наугад, полагая, что так обозначил Инженер какого-нибудь сладкоречивого миротворца.

– Зина Поселенка, – ответил он, – это «баба», – добавил, и голос его снова не был окрашен оттенком приязни.

Осторожными расспросами мне удалось добиться объяснений относительно причин нерасположения его к данной виртуальной особе. Оказывается у Инженера с детства – нелады с грамматикой, и эта самая Зина Поселенка сделала несколько язвительных замечаний на посланные им комментарии, обидев моего чувствительного проводника.

– Однажды она так достала одну тетку, – слово «тетка», как и «баба» – многозначно, но сейчас оно произнесено было с теплом и сочувствием, – что та написала ей в ответ, нарочно поменяв много гласных: «Зина Паселенко – АТВАЛИ!» минутку! мне так понравилось, что я даже забросил эту переписку себе в Favorites. Ага! Вот, что она пишет, это она большими буквами ошибки этой Элен исправляет, и так злится, что даже сама буквы пропускает и путает:

Зина Поселенка 07.11.2012 23:05

Элен. Беер-Шева. И меня раздрАжаю МарАзматики. Равнл, как и ваши грамматические ошибки.. Когда речь идет о серьезных проблемах, ваши рассуждения на фоне этих ошибок не воспринимаются всерьез...

элен, Беер шева07.11.2012 23:27

Зина Паселенко ,АТВАЛИИ -смысл понятен????

Зина Поселенка 08.11.2012 06:25

Элен.Беер-Шева. "Те, кто сомневаются в существовании бесконечности, пусть вспомнят о человеческой глупости." (Вольтер) И правда. Глупость - она безгранична и бесконечна. И ты - пример этому. Тот, кто делает в четырех предложениях три ошибки, не имеет права говорить о смысле...

– Вот так, – жаловался Инженер, – все у нее – цитаты и нотации. Там потом еще некий Старый Учитель объявился и он написал, намекая на «Паселенко», что, возможно, Элен из Беер-Шевы напала на правильный след, и что эта Зина, может быть, из украинских полицаев, что этим, мол, и объясняется ее грамматический нацизм.

Инженер пересказывал написанное, хотя оригинальный текст был у него перед глазами.

– А не вы ли и есть тот самый Старый Учитель? – спросил я его напрямик.

Инженер покраснел и замялся. Он, видимо, не хотел показать себя украинофобом и рассказал об одной украинке, которая во время войны спасала евреев (когда русские говорят «война» и не уточняют, которая, то всегда имеют в виду Вторую мировую). «Вы что же – так их любите?» – спросила у нее журналистка. «Не-е! Тьфу! Жида! Та же ж булы диты!» – ответила старушка. Инженер добавил еще, что в этой пожилой украинке простая человечность возобладала над естественной ксенофобией, но что от Зины Паселенко, по-видимому, человеколюбия ожидать не приходится.

– Е. Теодор – левак, я говорил. Так он насчет этой Зины вообще сказал, что она – мыслитель, каких поискать, а если поискать, то очень скоро найдешь еще тысячу. Она, по его словам, – типобразующий субъект, изваяние ее, будь оно создано умелой рукой, равно было бы по выразительности пятистам скульптурным группам, изображающих двух китайских рабочих в френчах с клапанами и фуражках с козырьками, пожимающих друг другу руки. Но вот насчет мыслей ее, я с ним не согласен, они у нее часто дельными бывают, а Е. Теодор, я же сказал, – левак.

Так я узнал, что Инженер мой обидчив и может на этой почве рассориться с идеологическим союзником, каковым сам же признает эту самую Зину.

Возможно, желая сгладить отрицательное впечатление, произведенное на меня его попыткой скрыть от меня Зину Поселенку, Инженер сообщил мне (и это делает честь его прямоте и искренности), что примерно двадцать лет назад именно г-жа Гутина, разочарованная массовым голосованием вновь прибывших репатриантов за местных социал-демократов и правозащитников (тогда эти вновь прибывшие оставались по совместительству почитателями академика Сахарова и сторонниками Межрегиональной группы депутатов Верховного Совета СССР), сгоряча назвала заезд 90-х «колбасной алией» (то есть, лишенными национальной мотивации, экономически ориентированными эмигрантами – прим. Кюстина).

Что ж, прочитанное убедило меня, что ныне г-жа Гутина имеет все основания гордиться трансформацией бывших «колбасников» в патриотически-настроенных «правильных пацанов»! Их окончательное обрусение, безусловно, состоялось! Не вдаваясь в рассуждения о преимуществах такого оборота событий для Ближнего Востока, должен отметить, что для моего исследования это – безусловная удача.

И еще обнаружил я то, что, в общем-то, и ожидал найти – как мало отличаются друг от друга простоты разных народов: импульсивные свои порывы принимают они за проявления прямоты характера и еще одной охапкой цветов на гору возложенных ранее бросают их к подножию монумента своему национальному характеру.

Но, изложив вкратце позицию Эхуда Барака и подробно – читателей Zman.com, не могу ведь я тут же, хотя бы из простого чувства справедливости, не раскрыть видение путей разрешения конфликта лидером зманковцев – господином Либерманом. И вот – в книге его:

«...приводится план, являющийся альтернативой бездумной политической линии... Его основная идея — полное и окончательное отделение друг от друга двух соседних народов: еврейского и арабского».

Мне уже встречалось в комментариях зманковцев ясное понимание путей осуществления на деле этого принципа, формулируемое по аналогии с обращенным к российским евреям призывом настоящих российских патриотов: «Чемодан, вокзал, Израиль», – в котором вместо Израиля предлагались самые различные пункты назначения, преимущественно (отдадим должное неприятию зманковцами кровожадных или негуманных решений) – двадцать две уже существующие арабские страны. Современный практический политик Либерман, конечно, не мог присоединиться даже к такого рода энергичному гуманизму своих избирателей. Его предложение выглядит куда более тщательно проработанным. Вот оно:

«... перейти к политическому, то есть окончательному урегулированию конфликта: к созданию кантонов... (при территориальном и государственном суверенитете

еврейского государства – прим. Кюстина). Этими кантонами должны стать Газа и прилегающие к ней территории: Иудея, Самария, Иерихон и, возможно, отделенный от Иудеи пятый — христианский кантон с центром в Вифлееме».

Как говорят русские: «Приехали!» Значит, по официальной, на бумаге изложенной мысли г-на Либермана, отделиться следует, оставаясь вместе, как швейцарские немцы с швейцарскими французами и швейцарскими итальянцами. Я ломал себе голову, могут ли сосуществовать в сознании зманкомовцев чемодан, вокзал, двадцать две арабские страны и двадцать полных и шесть половинных швейцарских кантонов. Я просил Инженера еще раз перевести мне те или иные отрывки из книги Либермана, пытался даже конспектировать ее, вслушивался в интонации Инженера, зачитывавшего комментарии зманкомовцев, – ничего не помогало. До того момента, когда за ужином Инженер, неожиданно расчувствовавшийся под влиянием всего двух неполных бокалов вина (еще одно русско-немецкого происхождения свойство характера), стал рассказывать мне о своих студенческих годах в Советском Союзе, о замечательных приятелях, которые у него были тогда. В качестве нелепого исключения и забавного казуса преподнес он историю о том, как передали ему слова одного из сокурсников, с которым у него и до этого инцидента, и после него сохранялись вполне дружеские и доверительные отношения («добрый, в общем-то, малый, ленинский стипендиат, с золотым зубом» – охарактеризовал его Инженер, и у меня нет оснований не верить его утверждениям ни о доброте, ни о зубе). Сокурсник же этот заявил якобы, отдавшись минутному, но искреннему порыву оскорбленного патриотизма, что евреев, которые хотят уехать из страны, нужно посадить на баржу и утопить в море. И тогда, вспомнив, как в течение десятилетий Страна Советов, отказываясь даже от публичного употребления слова «еврей», сделал его как бы срамным, и относясь с нескрываемым недоверием к лояльности евреев, категорически отказывалась, тем не менее, открыть для них выездные ворота, я сказал себе на русский лад: «Ба! Да вы, батенька, ломитесь в открытые двери!» Ведь и тут всему причиной и объяснением – привычная зманкомовцу русская традиция с ее пятнистой как леопардова шкура политической логикой, столь отличной от прямолинейности немца и рассудочной галльской проницательности, которая позволяет уютно разместиться в голове его идеям господина Либермана, чемодану, вокзалу, студенческим воспоминаниям, золотому зубу и христианскому кантону в Вифлееме. После сделанного мною открытия я перестал интересоваться данной проблемой.

Mon ami!

Потеряв интерес к будоражащему мир конфликту и вследствие этого блаженно расслабившись, я устроился в кресле в саду Инженера, чтобы еще раз, не торопясь, обдумать прочитанное. Я был погружен в размышления о той нише, которую освоили для себя русские в здешнем обществе. После критики, обрушенной на меня за ту давнюю мою книгу, я стал осторожнее и мысль свою облеку не в форму утверждения, а всего лишь – гипотезы, и вот, что скажу: русские евреи – такие же европейские евреи второго сорта, как собственно русские – второсортные европейцы, то есть к ним с одной стороны, подходят с европейскими нормами и предъявляют европейские требования, а с другой стороны априори не верят в возможность их соответствия этим нормам, полагают низкой вероятностью выполнения требований, и потому заранее махнули на них рукой. Такой вот симбиоз родства и отторжения.

Несколько раз, убаюканный шелестом листвы и чириканьем мелких птишек, погружался я в дрему, скоро выплывал из нее, вновь пытался думать. В коротких промежутках забытья мне виделся ты, Господи, пытающимся достучаться до меня, но безуспешно, стук этот тревожил меня – так стучит очень рассерженный... не человек – Господь. Наконец ты ворвался ко мне, размахивая, будто гимнастка на ковре, лентой с отзовами русских. В ярости ты приказал «токбекерам» (о, Боже!) орально обслужить себя, потом, правда, сразу брезгливо отказался и перенаправил их к Эхуду Барак. Несколько раз произносил

ты гневно и с вопросительной интонацией слова: «по образу моему и подобию»? – но отрицал и отплевывался.

Очнувшись в очередной раз в садике Инженера, я инстинктивно дернулся в сторону, увидев два нацеленных на меня дула малого пушечного калибра. Протерев глаза, я, однако, различил в наступающих сумерках, что одним из «дул» был срез крупной ветки дерева, напротив которого я задремал в садовом кресле-качалке, другое «дуло» – было концом дренажной трубы, торчащей из каменной опорной стены, отделявшей участок Инженера от стоящего выше на поверхности холма соседского коттеджа. Какой, однако, странный сон! Как несдержанны были речи твои и особенно – жесты!

Поерзав в кресле и приняв в нем удобную позу, задал я себе новую тему для размышлений: в приведенных мною материалах Эхуд Барак со своими предложениями политического характера стоит как бы особняком, а комментарии русских – тоже существуют будто сами по себе, и вот я пожелал представить себе их вступающими в контакт, динамически взаимодействующими. Чтобы ничто не отвлекало меня, я стал смотреть в небо. Там подрались две небольшие тучки. Лишь немного дав волю фантазии, можно было увидеть в них дракона и медведя, но особой нужды подстегивать воображение не было – тучки действительно дрались, кусая и царапая друг друга. Скоро, увы, одна из них рассеялась, а другая обернулась малоподвижным тюленем и застыла в воздухе. Наблюдая этот медлительный небесный спектакль, я наконец заснул глубоко, и тогда мне приснился сон (тобою навеянный, Господи?), который в подробностях пересказываю.

Эхуд Барак с сухой рукой, оспяными рытвинами по всему лицу, с усами, незажженной трубкой в зубах, в шляпе-треуголке, с ногой в сапоге, поставленной на барабан, помыкал в моем сне русскими пенсионерами, согнанными на площадь Рабина (бывшая – Царей Израилевых).

Игаль Амир достает из кармана пистолет-зажигалку, помогает Эхуду Бараку раскурить трубку.

Барак:

– Спасибо, товарищ Амир.

Обращается к Берлу (что еще за Берл? Наверно, какой-то тип, возглавляющий службу безопасности Эхуда Барака! – прим. Кюстина):

– Ну?

Берл, кивая на собравшихся внизу:

– От рук отбились. Тут сильная рука нужна, Эхуд Исроилевич!

Барак, покачивая сухой рукой:

– Мы ым напомным с-сильную руку!

Берл:

– Напомним, Эхуд Исроилевич! Обязательно напомним!

Барак говорит в микрофон, неторопливо:

– Гаспадын Ливерман дапустыл правый уклон. Что будэм дэлат с ным, товарищы?

Крики из толпы:

– Ливерман – русский шпион!

– Прихвостень русской мафии!

– Расстрелять Абигдора как бешеного пса!

– Суда его! К нам! Пызду дэлат будэм!

(Одобрительный смех в толпе).

– Смерть предателю еврейского народа!

– Смерть!

– Смерть!

Соломенное чучело Ливермана в русской косоворотке и фуражке фабричного рабочего поднимается над толпой. Его передают вперед из рук в руки, приближая к бассейну перед трибуной.

– Топи его!

– Топи его!

Крики нарастают, превращаясь в скандирование.

– То-пи е-го! То-пи е-го!

Чучело топят, фуражка слетает, обнажая настоящую голову Ливермана, фуражка плавает в бассейне. Ее показывают крупным планом на экране

трибуны позади Эхуда Барака. Ливермана окунают раз за разом головой в бассейн, его голова отфыркивается. Толпу охватывает ликование!

- Барак ахбар!
- Ленин, Сталин, Барак!
- Ленин, Сталин, Барак!

На трибуну пробирается писатель Леонид Ферфлюхтер-Феерхтвангер:

- Зачем вы позволяете им так лебезить перед вами? – спрашивает.

Барак (с зажженной трубкой в руке, мудро усмехаясь в усы и медленно выпуская дым):

- А ым эта нравытса!

Берл стучит ладонями в барабан под его ногой.

Барак в такт легонько постукивает трубкой по парапету, но уже Берл отрывается от барабана и по его знаку толпе раздают очень свободного покроя женские платья, в них облачаются поверх собственной одежды и мужчины, и женщины. Ливермана вытаскивают из бассейна.

Барак:

- Выскажем гаспадыну Ливерману наше отношение к правому уклонызму.

Вся толпа оборачивается спиной к трибуне, все нагибаются и вызывающе задирают подола полученных платьев.

Барак:

- Что вы выдытэ, гаспадын Ливерман? Вы выдытэ, что наш народ нэ с вами. Или можэт быт вы думаетэ, что у вас ест по два мандата на каждое адно мэсто в Кнэсэтэ?

Соломенный Ливерман не отвечает на вопрос Барака, он пытается осторожно и как можно более незаметно выпустить воду изо рта. Он закрывает один глаз, а другой закатывает. Его поворачивают лицом к толпе.

- А-а-а! Один? Один? – ликует народ, не выпрямляясь, но подглядывая, отчего коллективный зад его отклоняется от цели.

Барак подносит трубку к низу чучела, к не вымоченной в воде соломе. Она загорается. Толпа, по-прежнему не разгибаясь, хоть и вслепую, ориентируясь только по направлению улиц, но в результате опять верно прицелившись, начинает махать подолами платьев, раздувая огонь. Эхуд Барак делает знак Берлу и Ливермана тушат, опять погружая в бассейн. Вытаскивают, снова поднимают над толпой. Берл натягивает ему на голову выловленный из воды мокрый картуз.

Барак:

- Что вы так разгарачились, гаспадын Ливерман? Прамо вспыхнули! Вы же знаетэ – у нас нэт смэртной казны!

Толпа опускает юбки, выпрямляется, обнимаясь, образует кружки для хоры, пускается в пляс. Поют:

Ев! Ев! Твою мать!

Смертной казни не бывать!

Эхуд Барак аккуратно кладет трубку на парпет, хлопает здоровой правой рукой по ладони левой, сухой. Народ поет:

Ни отпистить, ни вьевать!

Ни топить, ни расстрелять!

Эхуд Барак поощряет толпу к продолжению, одобрительно кивая. Пение продолжается.

Даже просто растерзать –

Не дадут, евена мать!

Барак снимает мягкий сапог, разматывает портянку, поднимает на парпет ногу, демонстрирует сросшиеся пальцы. Их показывают на экране. Народ поет:

Понял, суха? Будешь, влять?

Сионизм расщеплять?

Барак шевелит пальцами ноги. Народ поет:

*Не два пальца овосцать –
Фадла, Арең поднимать!*

Берл делает широкую горизонтальную отмашку ладонью. Толпа умолкает, танец прекращается. Народ безмолвствует.

Барак:

– Выжу, литэратурный народ. А умэетэ вы чты-ыть ваших литэратурных кумиров? А ну-ка, продэкламыруйте что-нибудь наизуст. Мантаж хачу услышат.

Берл указывает пальцем на первого попавшегося в толпе. Первый попавшийся тут же выставляет одну ногу вперед и «дэкламирует»:

– «Вообще мы, русские, сказать правду...»

– Только правды хачу! – поощряет Барак, а Берл уже указывает на следующего. Этот ногу не выставляет, но выстреливает тоже очень бойко:

– «совсем не созданы ни для каких представительных заседаний».

– Харашо! Слэдующий!

– «Во всех наших совещаниях...»

Барак поднимает бровь.

– «пребывает препорядочная путаница...»

– Знаю, – подтверждает Барак.

– «если только нет одного...»

– Кого?

– «который бы заправлял всем».

– Интэрэсно.

– «Право, и сказать трудно отчего это...»

– Ну, и отчэго?

– «бог знает, может быть, уж народ такой».

– Нэ увилывайтэ от прамого атвэта!

– «Только и удаются те совещания...»

– Какие? – Барак настороженно.

– «которые составляются для того...»

– Для чего? – это уже Берл с подозрением в голосе спрашивает.

– «чтобы покутить или пообедать...»

Барак с Берлом удовлетворенно переглядываются.

Барак:

– Кто такое про вас сказал?

Вся толпа отвечает хором:

– Го-о-о-голь!

А когда эхо затихло, – уже слаженно и задорно, набрав воздуха в легкие, выдохнули, выдули двумя волнами вдоль всей улицы Ибн-Гвироль куда более трудное для синхронизации:

– Николай!!!

– Васильевич!!!

Барак:

– Адын автор – это нэ мантаж, но с другой стараны – от аднаго автора путаныцы в головах нэ бывает!

Обращается к Берлу:

– Всэм выдать талоны. Каждому – па аднаму талону на адын кылограмм лыбэрной калбасы.

Конец сна.

Отче наш, иже еси на небеси. Да святится имя Твое, да будет воля Твоя, да приидет царствие Твое и на земле, яко на небеси. Не слишком ли ты строг к малым мира сего?

Мон амі!

Утром, будучи еще под впечатлением сна, только лишь встретившись с инженером, я спросил его:

– Но ведь все эти старички и особенно старушки на юбилее – они были так благообразны, милы и приятны, неужели они все сторонники и сторонницы господина Либермана?

– Почти все! – убежденно ответил Инженер.

Он опять сослался на Е. Теодора, который обращал внимание на то, что многие проблемы Запада в его общении с Россией проистекают из неразличения бытового и политического русского человека, в то время, как это два совершенно разных существа. Он напомнил так давно высказанную чеховским апатичным доктором мысль о том, что «пока с обывателем играешь в карты или закусываешь с ним, то это мирный, благодушный и даже неглупый человек, но стоит только заговорить с ним о чем-нибудь несъедобном, например о политике или науке, как он становится в тупик или заводит такую философию, тупую и злую, что остается только рукой махнуть и отойти». И ведь действительно, прочитав, например, «Село Степанчиково», совершенно невозможно понять, почему случилась Русская революция, а ознакомившись с творчеством зманкомовцев, думаешь, откуда взялся Тевье-молочник и рассудительные евреи в русских местечках, и начинаешь подозревать, что может быть такова уж природа некоторых писателей – врать без оглядки!

Я успел уже здесь заметить, что это свойство расщепления личностных характеристик любят ныне привязывать к хвосту последнего русского козла отпущения – большевизму и дочерней ему «совковости», но, как видно, оно гораздо старше, и залегает глубже, оно происходит из русской традиции. И если взрослению русского человека в чисто бытовом и интеллектуальном смысле труднее было мешать, то в отношении политического роста – жесткие авторитарные способы правления обществом, в котором он рождался, жил и действовал, задержали его в пеленках, он в этом отношении и сейчас совершенное дитя. Правда, благодаря большевикам, наука и инженерное дело перестали быть для него несъедобными предметами, и русский желудок успешно их переваривает.

– И что же – в отношении политики ничего не переменялось? – спросил я.

Инженер молчал, но мне почудилось, будто за его черепом появились чьи-то разведенные на третью часть круга маленькие рожки (это, наверно, и есть Е. Теодор, подумал я), на миг полыхнули два хитрых глаза, ответным намеком указали мне на макушку Инженера, исчезли, а голос из-за спины молчащего Инженера будто бы сказал: «У вас перед глазами...». Из кончиков рожек надулись два прозрачных шарика без отблеска, и в них как в комиксах или на сатирических рисунках возникли: в левом шарике – милое общество на именинах; в правом – Г-н Либерман, сидящий на табурете спиной ко мне. Последнее обстоятельство разожгло во мне любопытство – что видит он со своего табурета, какую даль зрит?

Я поинтересовался, что за странное для российского еврея имя носит этот Е. Теодор. Инженер предварил объяснение подробным жизнеописанием своего приятеля, которое я не стал прерывать, поскольку сразу заинтересовался его подробностями. Он, по рассказу Инженера, был прилежным мальчиком, увлекавшимся математикой и литературой. В возрасте двадцати с лишним лет по окончании технического ВУЗа собирался жениться на своей однокурснице, но то ли литературное начало в нем взяло верх над математическим, то ли обнаружилась дремавшая в нем до сих пор склонность, но он вдруг смертельно (Инженер так и сказал – «смертельно») влюбился в соседскую пятилетнюю девочку. Ирэна, так ее зовут здесь, а тогда звали просто Ирой, была дитя любви двух юных безответственных существ. Матери ее в момент рождения ребенка было всего семнадцать лет, отцу – девятнадцать. Родители юного папы, сами еще не старые люди, желая облегчить жизнь своего неразумного чада и опасаясь небрежности в воспитании ребенка юной незрелой парой, фактически присвоили девочку себе. Там-то, у своих соседей, и увидел Ирэну Е. Теодор. Хотя характер его интереса к ребенку был с самого начала вполне ясен бабушке с дедушкой, они, убедившись в порядочности Е. Теодора, стали все чаще доверять ему Ирэну, а он и сам поклялся себе, что подобно толстовскому отцу Сергию скорее отрубит все выступающие из его тела части кроме руки, удерживающей топор, чем обидит ребенка. Он читал ей сказки, иногда подменяя их рассказом о Лолите, и тогда глаза его становились грустны и тревожны, а Ирэна с удивлением глядела на своего наставника бирюзовыми глазками. Она неизменно отбрасывала в сторону кукол, была не менее равнодушна к игрушечному оружию и автомобилям, но всему предпочитала модели

самолетов, которых скопилось у нее великое множество, так как ничего не подозревающий Е. Теодор неизменно привозил их ей в подарок из частых командировок, в которых, мучаясь расставанием, обыскивал все магазины в поисках летательных аппаратов. К окончанию школы обнаружилось, что Ирэна не собирается поступать в авиационный ВУЗ, как не рвется в стюардессы, и вообще отказалась летать на самолетах, так что переезд на Ближний Восток был совершен ею на судне, идущем из Одессы в Хайфу. Зато она как будто сама тянулась к небу и скоро на голову переросла огорченного этим фактом Е. Теодора. Она сняла квартирку рядом с аэропортом и, ободренная терпимостью здешнего общества, наконец поведала Е. Теодору об особом роде своей сексуальности: идущий на посадку Боинг, рассказала она ему, ощущается ею как пронзающее мужское начало и оргазм достигается, когда колеса воздушного лайнера касаются посадочной полосы и в кабине пилотов включается сигнал «wheels on ground». (Инженер смущался при изложении пикантных моментов этой истории – обычная русская жеманность и чопорность в этого рода вопросах, если и преодолеваемая, то уж тогда непременно переходящая либо в откровенную грубость, либо в нестерпимую пошлость).

С тех пор Е. Теодор и стал нынешним Е. Теодором и начал писать книги. Теодор – это псевдоним, вставка, добавленная им для переклички с именами героев его первых романов, а Е. – это или просто Е.(фим), или просто – Е.(врей). Е. Теодор утверждает, сообщил Инженер, будто Ефим – аббревиатура его настоящего имени Енох-Фалек-Иувал-Манассия. Впрочем, объяснил он, имя это (Ефим, без прикрученный ржавой проволокой фантазий) было широко распространено среди российских евреев и служило хамелеоновой заменой традиционному еврейскому – Хаим, которое столь же традиционно в России рассматривалось как анекдотическое и на рынке российских имен котиновалось на уровне Тузика или Шарика и несколько ниже более благородных собачьих имен, вроде Джима и Дика. Я попросил своего сопровождающего познакомить меня с этим типом, на что получил ответ, что он находится в длительной служебной командировке в Квебеке. Я не поверил почему-то этому утверждению. Mon ami, не мог бы ты послать Е. Теодору сон, который достаточно убедительно порекомендовал бы ему вернуться на Ближний Восток?

Кстати, пассия его, – не та ли это длинноногая цапля, с которой познакомился я на встрече с Ларисой Трёмбовлер и Авигдором Эскиным? может быть, она почувствовала тогда во мне родственную душу, и захват моей ладони ее коленками был дружеским жестом? То-то мы так улыбались, беседуя как заговорщики. Распознали друг друга. Как два еврея в романах Фейхтвангера. Обменялись паролями «свой-чужой». Но разве я похож на самолет? Я посмотрелся в зеркало – француз как француз, глаза грустны, но это отпечаток прожитой мною на Земле жизни. «Во многия мудрости – многия печали», – не так ли?

Но хочется мне, Господи, еще детальнее познакомиться не со странным Е. Теодором, а с выдающимся политиком региона – г-ном Либерманом. Но как это сделать? Мы ведь не в России начала 19-го века, где титул, связи, рекомендательные письма влиятельных особ легко открывали мне двери домов местной знати. Это – первое. Второе – ты, Господи, помнишь ли? – упрекнул меня однажды за преимущественно декларативный характер моих суждений о России, ты сказал, что резкие выводы не часто бывали подкреплены в моей книге достаточно убедительными примерами. Здесь же в моем распоряжении – только подключенный к Интернету компьютер да не больно разговорчивый Инженер.

Возвращаясь к моему Инженеру. Не только на почве сексуальной ориентации, но и в отношении его русскости нравится мне провоцировать моего Вергилия, как импонирует, в общем-то, и его реакция – неизменно становиться на ее защиту. Он сам однажды соблазнил меня попытаться в исследовательских целях вогнать клин между двумя «русскостями» – местной и оригинальной российской, когда вместе мы натолкнулись в Интернете на «Письмо товарищу Сталину» самого молодого из ныне широко пишущих русских, сочетающее элементы апологетики последнего кремлевского тирана с остроумно оформленной издевкой над горячей неприязнью к нему тамошних соплеменников Инженера, иронично именуемых в статье «либеральной российской общественностью». Но на критические мои замечания о склонности русских становиться винтиками деспотической машины, будь то Ивана

Грозного, Петра Первого или Иосифа Сталина, Инженер возражал, спрашивая, чем лучше было повиновение и поклонение немцев Гитлеру или японцев своему Императору или, скажем, французов – Наполеону. Иногда все же мне казалось, что он так горячо оппонирует моим негативным отзывам о России потому, что ему хочется еще и еще раз услышать их из моих уст, чтобы затем в задумчивом одиночестве как палкой прошлогоднюю палую листву тревожить их, вслушиваясь в тихий шелест времени. Вернее всего будет предположить, что в душе его случаются сражения между искренним желанием оградить память о его тамошних друзьях от все же хорошо заметной в нем привычки еврея зябко ежиться от являемой ему холодности русской государственности. (Этим утром я продевал руку в рубашку, и вдруг привычная, элементарная операция неприятным образом застопорилась, и я ощутил похожее раздвоение мысли: в одном направлении ее производились вычисления, откуда взялся заусенец на ноге; в другом – обо что он мог зацепиться в совершенно гладком и скользком шелковом рукаве).

Когда я пытался доказывать Инженеру, что именно исторические навыки русской государственной культуры прививает г-н Либерман местному обществу, Инженер как будто мялся, будто глотал старинное горькое лекарство, каких ныне на земле давно не выписывают либо заключают в растворимые капсулы. Характер моих умозаключений был ему очевидно неприятен.

Однажды, желая, видимо, проломить стену моего скепсиса и заразить меня собственным своим теплым отношением к тамошним настоящим русским, он рассказал о своем приятеле – морском офицере и его жене. Как дружили, как купили автомобили (почти из ряда вон выходящее богатство в России советского периода), как вместе путешествовали на них потом по Кавказу, как собравшись сюда, попросил он своего приятеля выяснить в КГБ, сможет ли он уехать. Как затем демобилизовался его приятель после развала СССР, как не находил работу, за которую платили бы больше, чем \$13 в месяц, как уехал в Москву на поиски заработка для семьи, как ночевал там едва ли не на улице, пока не встретил знакомого, который пристроил его на хозяйственную должность в крупную нефтяную компанию. Как он продвинулся там, сделал карьеру и даже немного разбогател. Я занял у него денег при постройке этого дома, чтобы не набирать ссуд, сказал Инженер и добавил, что уже сумел отдать долг. С гордостью показал мне он фотографию крошечной яхты класса Бавария, купленной его приятелем. Причины успеха своего друга он объяснял его прирожденным дружелюбием, надежностью, умением находить выходы из запутанных ситуаций, а также наблюдательностью и умением хранить тайны. Он приезжал уже сюда по делам своей фирмы, мы вместе бродили по Тель-Авиву, по Иерусалиму. О! У него еще и отличное чувство ориентировки на местности! Когда мы вместе проезжали через Сочи, я запутался и стоял уже почти полчаса в отчаянии на островке безопасности, и вдруг он из шестого ряда автомобилей машет мне рукой, мол поезжай за мной, и так вместе мы выбрались из города. Вот сейчас рассказываю вам и думаю, что при таком сочетании качеств ему, вообще, правильнее было бы податься в разведчики, а не в моряки. Заметив мою приподнятую бровь и почувствовав ироническую заинтересованность, Инженер осекся, покраснел и тут же ужасно обозлился на меня. «Нет, вы – и правда, чертов русофоб, маркиз!» – воскликнул он возмущенно, и в упрек его было столько искреннего хорошего чувства, что я и не подумал на него за эту дерзость обидеться. Из рассказа Инженера убедительно, как и хотелось ему, следовало, что в условиях дикого капитализма новой России ничего не убыло от превосходных человеческих качеств его русских друзей. А каковы их политические взгляды, спросил я. Инженер сосредоточился, вспоминая, а затем ответил озадаченно и как всегда честно: «А я никогда не разговаривал с ними о политике». Увидев опять мою улыбку, он озлился еще больше: «Но не может у них в мыслях быть ничего дурного! – воскликнул горячо. – Просто не может, и все!» Я смотрел на Инженера с нежностью и вспомнил вычитанный где-то совет долголетия и счастливой жизни: никогда не занимайтесь политикой, она озлобляет. Увы, Господи, озлобляет и разделяет. Русскому же, которого не волнует политика, похоже, можно смело доверить и душу, и кошелек.

Но вернемся к г-ну Либерману. В любом судебном разбирательстве, бедном фактическими уликами и построенном преимущественно на свидетельских показаниях, решающее значение приобретает репутация и

надежность свидетелей. Поэтому я постановил для себя ограничить круг последних и с особым тщанием подходить к проверке их integrity. Точность измерительного прибора должна значительно превосходить допустимую погрешность измерения. И хоть для оценки политической деятельности Либермана, на мой взгляд, нет нужды арендовать эталонный инструментарий Парижской палаты мер и весов, я избрал интервьюеров и комментаторов, чей собственный стиль внушал мне достаточно доверия. Я также решил ограничиться исключительно русскими источниками из соображений максимальной прилегаемости изучаемого и изучающего объектов. Так для измерения протяженности береговой линии используется крупномасштабная карта и гибкая, не растягивающаяся нить.

Для оценки объекта с точки зрения либерально-демократической я избрал уже упомянутую мною статью М. Гессен «Святая простота», отлично дополненную замечаниями комментатора г-на Мигдала. В свое время граф Толстой подробнейшим образом пересказал шекспировского «Короля Лира» прежде, чем обрушить огонь критики на творчество великого англичанина. Я же достаточно подробно пересказываю эту статью по причине противоположного характера – материал этот мне понравился. Статья, к сожалению, оказалось защищенной от копирования, то есть ее нельзя было перенести в переводчик Google-a, чтобы просто «Translate From: Russian -> To: French», а затем только отредактировать текст. Это несколько разозлило меня и охладило симпатии к статье, но и избавило от обязанности ставить повсюду кавычки, а также соблазнило пересказать ее, не подражая педантичности Толстого, хотя и не с той степенью вольности, которую позволили себе Ильф и Петров в изложении истории толстовского отшельника.

Статья начинается с описания беспокойства американских друзей автора об Израиле. Зримо, будто крупным планом на широком экране, представлены конкретные проявления этого беспокойства, среди которых – приглушенный голос, склоненные набок головы и тяжкие вздохи перед каждой фразой. Автор сравнивает тон их частых разговоров о еврейском государстве с той грустной атмосферой, что царит у постели тяжелобольного человека.

Хотя при переходе к выяснению причин этого беспокойства, стрелка переводится на бывшего американского президента Клинтона, намекнувшего, что источник болезни – тот самый русский миллион, ради которого я здесь сейчас нахожусь (и из пучин которого как Посейдон с трезубцем, вышел на поверхность политический стихии его вождь и герой – Авигдор Либерман), все же интуиция европейца словно толкнула меня в бок. Чего-то, какой-то детали не доставало в описании «американских друзей». Господи! Я, Астольф Луи Леонор де Кюстин, – ни в коем случае не Луи-Фердинанд Селин или Ларс фон Триер, и я ни за что не суну голову в морально-нравственную петлю, ожидающую в цивилизованном обществе человека, допустившего оскорбительную развязность в разговоре на еврейскую тему, а тем более в переписке с Всевышним. Поверь, за глаза хватило мне старинных моих проблем с русскими! И все же термин этот, «американские друзья», словно оцарапал мою любознательность и заставил подуть на свежую краснеющую неровную бороздку на чувствительной ее коже. Прилично ли было бы, спросил мой внутренний Шерлок Холмс, проявлять столь настойчивую и глубокую озабоченность к больному людям, не являющимся его близкими родственниками? Ведь если они не лишены чувства такта, им следовало бы нарочно умерить степень своего беспокойства, дабы оставить привилегию более глубокой тревоги для узкого семейного круга.

«Да важно ли это, в самом деле, Кюстин, евреи – обеспокоенные друзья г-жи Гессен в Америке, или нет»? – вижу, как морщишься ты, когда-то связавший с евреями особые надежды. Неважно, конечно, неважно, – отвечаю тебе, – это всего лишь добросовестность исследователя побуждает меня отмечать пусть и не имеющие отношения к делу детали, и любая недоговоренность возбуждает во мне охотничий инстинкт. Евреи, так евреи. И вовсе не зря ты обратил на них свое внимание. Евреи в большом мире – опора либерализма, даже если и носит их либерализм в рассеянии отчасти вынужденный характер.

Далее в статье следует признание в том, что автор, увезенная из Советского Союза в четырнадцатилетнем возрасте и не отождествляющая себя с советскими евреями, все же ощущает себя «потенциальным переносчиком этой заразы».

Пересказанное мною так подробно вступление, казалось бы, не имеющее прямого отношения к предмету исследования, представляется мне все же достаточно важным, ибо доказывает, что мы действительно следим за процессом, при котором именно западное либерально-демократическое мировоззрение протягивает русско-адаптированный щуп (зонд, сенсор) к г-ну Либерману так же, как исследует оно с помощью «Curiosity rover» планету Марс.

За вступлением следует краткое перечисление политических идей г-на Либермана. Не вижу смысла мне, следуя за автором, пересказывать и тем более пытаться анализировать сейчас их содержание. Содержание политических идей приобретает значение лишь тогда, когда породившая эти идеи личность получает возможность их воплощения, приступает к их реализации, и тем более, когда ей удастся ее, эту реализацию завершить. Тогда-то и выясняется, был ли данный политик параноиком, демагогом или истинным реформатором, либо имел место коктейль с преобладанием тех или иных компонентов. Идеи г-на Либермана, не будучи применяемы на практике, ныне носят исключительно декларативный характер, и следовательно, обсуждать имеет смысл лишь степень влияния на публику воодушевления и горячности, с которыми они ей преподносятся.

Теперь, как по-русски говорит Инженер: «мухи – отдельно, котлеты – отдельно», то есть описания и приведенные в статье живые диалоги отложим в одну сторону, догадки и умозаключения автора – в другую. «Девочки – налево, мальчики – направо», – еще одно русское изречение, подаренное мне Инженером и усвоенное им еще в детстве, в оригинале относящееся, как я догадался, к отправлению малой нужды пионерским отрядом, продвигающимся по лесной тропе.

Итак, диалог Маши Гессен и Авигодора Либермана:

А.Л. «... и про клятву верности говорил: то, что тут значительная часть и все лидеры арабского меньшинства сегодня отказываются принимать национальные символы, атрибутику, праздновать День независимости, – это неприемлемо».

М.Г. «И что с этим можно сделать?»

А.Л. «Надо лишать их права избираться в парламент... вы представляете в России депутата Думы, который отказывается исполнять государственный гимн?»

М.Г. «Вполне. И такой прецедент есть. Бывший диссидент Юлий Рыбаков, например, отказался вставать под «сталинский» гимн».

А.Л. «Не знаю», – говорит Либерман и переключается (примечание М.Г.). «Мне трудно представить американского конгрессмена или сенатора, который скажет: «Я поддерживаю бен Ладена и отказываюсь петь гимн США, не принимаю национальных символов».

М.Г. «Пожалуй».

А.Л. «В Америке, скажем, в школе каждый день встают, поют гимн, поднимают флаг. Мы хотим то же самое ввести тут. Чтобы государственный норматив был четкий».

М.Г. «Но в Америке нет такого норматива».

А.Л. «Почему нет? Там есть такая практика».

М.Г. «Практика есть, а закона, делающего ее обязательной, нет».

А.Л. «Я не уверен».

«Министр улыбается», – добавляет в этом месте М.Г.

Во имя справедливости и равновесия – разобравшись с мухами и сходяв вместе с мальчиками направо, то есть прочтя диалог, теперь пойдем с девочками налево (звучит двусмысленно, но не в моем случае) и отведаем котлет – то есть ознакомимся с обобщением, сделанным по этому поводу автором. Либерман победил в этом маленьком споре, полагает она, «как обычно это делает: путем упрощения». (Я все-таки воспользуюсь привычками, так как цитирую точно по тексту). «Логика здравого смысла, предложенная взамен сложных политических конструкций дьявольски соблазнительна – как любое предложение отказаться от условностей... Либерману удалось сплотить их (местных русских – прим Кюстина) с помощью вполне определенной риторики: «все очень просто», «давайте называть вещи своими именами» – в первую очередь те вещи, которые связаны с израильскими арабами».

Кстати, Инженер показал мне сайт партии Либермана. На главной его странице один из разделов называется: «Пятая колонна». Открыв его, даже я, Господи, не живший на Земле в двадцатом веке, испытал чувство, именуемое нами *déjà vu*, так напоминал этот коридор времени

старинные европейские вернисажи, посвященные козням евреев, причем, исключительно – козням и исключительно – евреям.

Автор цитирует по этому поводу едва ли не единственного, кажется, либерального политика из русских – Романа Бронфмана: «До него (либермана – прим. Кюстина) этого не делали, потому что у израильских политиков есть определенный код, приобретенное здесь понимание тонкости, сложности межэтнических отношений». Скатыванием на предфашистские позиции называет г-н Бронфман происходящее с его страной и обвиняет в этом лично Авиغدора Либермана. Автор отмечает сходство интонации произносимой г-ном Бронфманом речи с печалью ее американских друзей и добавляет деталь, характеризующую местный колорит – долгий взгляд в окно кабинета на высоком этаже тель-авивского небоскреба. Взгляд этот показался мне похож на взгляды из сотен нью-йоркских небоскребов в тысячах голливудских фильмов, и тем замкнул кольцо сходства местного еврея и «американских друзей». Господи – ну что ж я, в самом деле, зациклился на происхождении приятелей автора? Ведь наблюдая с высоты Небес за перипетиями в деле Дрейфуса, я был целиком и полностью на стороне Золя! Воскликнул следом за ним: «И я обвиняю!»

По поводу же склонности г-на Либермана к незамысловатой правдивости, я хотел бы кое-что сказать: хоть ты, Господи, никогда не был женат, но конечно, можешь представить себе некоего мужа, который пробуждаясь утром в супружеской постели и решив «по-простому» «называть вещи своими именами», заявляет: «А сиськи-то у тебя, дорогуша, – обвисли! А ведь когда-то, бывало, по ним можно было объяснять понятие геометрического перпендикуляра». А что думает при этом жена? «Боже, сколько лет уже живу я рядом с этим кретином. Неужели так пройдет вся моя жизнь?» Ведь примерно так и рассуждают европейцы в отношении г-на Либермана, и только изредка, из-за невыключенного микрофона появляются в прессе доказательства именно такого их образа мыслей. А теперь представьте, что сценка эта отснята и демонстрируется в кинотеатре, и в зале одни зманкомовцы или, пусть, – канадские лесорубы, которые, как известно, «с бабами – о лесе, а в лесу – о бабах», и прямого героя не задает не только никого из них лично, но и весь коллектив в целом. И они отзываются удовлетворенным: «Гы-гы-гы! Во дает мужик!» До нашей Великой революции люди моего круга, возможно, рискнули бы прямо и публично назвать хамом человека, практикующего подобный политес, но не сейчас. Русское происхождение г-на Либермана в этом случае служит ему надежной броней. Ведь зацепившись за неосторожное словечко такого рода, оброненное на плечо г-на Либермана с высоты птичьего полета «старых элит», сайт Izrus.co.il, например, мог бы с легкостью подтолкнуть своих читателей к мысли о коллективном оскорблении, нанесенном всей русскоязычной общине еврейского государства, а может быть даже усмотрит в этом заодно и обиду людям всей великой державы, раскинувшейся между Харьковом и Токио. Вот и автору, по ее словам, «многочисленные израильские собеседники» только off the record, не для микрофона, пытались объяснить, что «Либерман нашел подход к люмпенам разных мастей».

Инженер, любитель, как отмечалось, и даже сам участник в прошлом телевизионных реалити, рассказал мне, что в здешнем «Старшем брате» в разных сезонах дважды участвовали арабские женщины, одна молодая, другая – средних лет.

– Та, что моложе, попала в ситуацию, когда исполнялся национальный гимн. «В нем говорится про еврейскую душу, – сказала она, – ну нет у меня еврейской души», – и разрыдалась перед телекамерами. А та, что старше, продержалась до самого финала, стараясь избегать конфликтов на национальной почве, а вместе с ней была там еврейская правозащитница. Так, представляете, маркиз, эта сука, – воспламенившись весь, воскликнул Инженер, – в конце концов, на арабку разоралась, накинулась на нее с упреками – мол, почему та не борется за права своих соплеменников.

В статье – несколько отлично сделанных фотоснимков, один из них – видимо, плакат предвыборной кампании партии Либермана, разделен на две части: слева черно-белый выбритый Черчилль в шляпе, с бабочкой в горошек на шее, справа – цветной Либерман с бородкой, без головного убора, с ослабленным галстуком в полоску и расстегнутым воротником, наверху надпись: «ЛИДЕРЫ ЗАТРЕБОВАННЫЕ ВРЕМЕНЕМ», – именно так,

заглавными буквами, без запятой, а под портретом Либермана: «Дому нужен хозяин. Наш дом – Израиль».

Фотография эта отлично иллюстрирует текст статьи: «И тут Авигдор Либерман, уже спрятавший от видеокамеры свою толстую сигару, рассказывает мне, что он – Уинстон Черчилль... Нельзя сказать, что Либерман убедительно рассказывает о том, как сегодняшний день похож на канун Второй мировой войны в Европе». Автор не поясняет, почему это сравнение кажется ей неубедительным, и здесь мне хочется вмешаться. Не потому, конечно, Господи, что я пытаюсь разъяснить тебе что-то. Тебе?! Просто, когда речь заходит о чем-то, хоть краешком касающемся истории Франции, я считаю своим долгом высказаться. Во-первых, риторика политиков и журналистов перед Первой мировой войной (перевернем на секунду песочные часы истории) была выдержана во вполне «либермановском» духе и стиле. Версальский мир тоже как будто Авигдором Либерманом был продиктован. Что же касается Второй мировой войны, то позволь мне, Господи, теперь вернуть часы на место, пусть сыплется песок, куда ему тобою назначено течь, – ныне твои либеральные любимцы мощнее всех в мире в делах Меркурия и Марса, к моменту же Мюнхенских соглашений Германия была сильнее своих соседей в экономическом и военном отношениях. В этом – кардинальное различие между теми временами и нынешними, а также причина неубедительности сравнений г-на Либермана, на которую, возможно, намекает автор! Сила, действительно, позволяет проявлять сдержанность и осторожность! А благословенная послевоенная Франция под рекламными огнями объединенной Европы обвязала, опутала себя и Германию тысячей нитей, срослась с ней в сиамских сестер, только бы лишить ее опасной самостоятельности. Ах, как ни глупа бывала порой моя страна, все же она была и есть свет и гордость твоей Вселенной! Но русский Либерман, конечно, несравненно лучше меня понимает своих людей, он знает, какой сорт исторической бижутерии лучше сочетается с их мировоззренческим гардеробом. Но невежественен ли он сам? На этот вопрос у меня нет ответа.

Казалось бы, чего проще – пересказать чужую статью, и вот именно это письмо продвигается туго и медленно. Я пытаюсь понять, – почему. Причина первоначального очарования ею мне, положим, ясна: после Zmap.com она – усеянное звездами небо. И все-таки, даже редкие попытки обобщений и выводов воспринимаются мною с опаской.

Помнишь ли, Господи, мое удивление, когда я услышал, с каким пренебрежением и даже раздражением произнес ты два слова, которых роднее и ближе тебе, казалось, и быть не может? «Религиозное мышление, – сказал ты и поморщился, – метафизика», – добавил и помрачнел.

«Ну, да, – рассеяв тут же мрачность и улыбнувшись моей озадаченности, сказал ты, – я подарил его давным-давно homo sapiens. Мне было тогда уже скучно с ними. Я хотел, чтобы они учились мыслительной абстракции, а не только ели и размножались. Но это был только этап. Только этап. Ведь что такое религиозное мышление?»

«Что?»

«Это когда упрямый инстинкт ставит перед тобою цель, разуму же дозволено лишь отыскивать подходы к ней».

«И?»

«Уже сотни лет я прививаю им позитивные способы мышления», – сказал ты и добавил не без гордости: «Вообще-то, в целом – успешно».

Я понимаю тебя. Думаю, что понимаю, что ты хочешь этим сказать: за любым выводом, за любым обобщением может скрываться тщательно замаскировавшееся желание, иногда – предрассудок, а порою – даже просто настроение, хорошее или дурное.

Заканчивается статья не выводом и не обобщением, а «диагнозом», по выражению автора: «... не Черчилль, не Ле Пен, вовсе не обязательно провозвестник фашизма, он – постсоветский политик. Именно это имеют в виду мои американские друзья, именно это почти проговорил бывший президент Клинтон. Постсоветская российская политика – страстная, ведомая не прагматикой, а страхом, вся выстроенная на агитации и пропаганде – теперь воцарилась далеко за пределами своей родины. Вырвавшись наружу, она пугает гораздо больше, чем когда была заперта в границах СССР. И привлекает – как все простое и запретное».

Ну, вот, еще один круг замкнулся – и автор тяжело, как и американские ее друзья, как г-н Бронфман, вздохнула. Но только в

самом конце, в итоговом заключении, над подразумеваемой своей подписью под ним.

Да что это со мной сегодня, в самом деле? Опять – эти никчемные шпильки с душком!

Я не спору, Господи, с поставленным диагнозом. И все же, все же – спрашиваю тебя и себя в прямой связи с целью и средствами нынешней моей командировки на Землю: правомерна ли попытка объяснить один из двух разнородных объектов, в данном случае – изучаемый, персонифицированный в лице г-на Либермана, через другой, автором статьи изученный и представляемый, видимо, российским политическим руководством? Ведь передо мною стоит задача обратной реконструкции. Но не есть ли это малопригодный инструмент, доставшийся нам от привычек религиозного мышления и его нетерпеливого желания разглядеть цветную картину сквозь густой туман недостаточного опыта?

Ночью, последовавшей за днем размышлений, ты снова снился мне, Господи, сидящим в кресле, заложив ногу за ногу и обе водрузив на письменный стол. Ты потешался надо мной от всей души: «Так что же, маркиз, – говорил ты, смеясь, – выходит вы со своей «Россией, 1839», страстной, наполненной упрощениями, выстроенной на предвзятостях и неприязни, – самый что ни на есть Либерман 19-го века? Ай, хорош маркиз! А не прибавить ли вам имя этого кишиневского еврея к своему родовому? Маркиз Астольф Луи Леонор де Кюстин-Либерман. Ха-ха-ха!» Я вроде бы возразил тебе во сне, что в твоём замечании ощущается антисемитский душок, и ты тут же осекся.

Что бы означал этот мой сон, Господи, после которого я проснулся от жары? Последняя, как известно, возбуждает плотские желания, и я подумал об Инженере, но мысль эта была вялой и расслабленной. Не ты ли, Господи, выключил кондиционер, чтобы пробудить и поднять меня в ночное время с моей одинокой постели?

Я и раньше, страдая от бессонницы, нередко заходил в кабинет инженера среди ночи и при свете настольной лампы разглядывал парадный портрет г-на Либермана. Теперь же я, полюбовавшись в темноте бледно-бирюзовой широкой полосой и малиново-красным клином света, исходящими от блоков питания двух компьютеров Инженера, включил один из них. Не знаю, зачем я заглянул в русские новостные разделы, ведь без помощи Инженера, полагаясь только на гугловский автопереводчик, трудно быть уверенным в правильности понимания прочитанного. Поэтому я испытал чувство удовлетворения, когда мне показалось, что из-за деморализующей жары и новости отказываются обновляться. По значку буквы «с» в зеркальном отражении я нашел пересказанную мною статью в «Снобе» среди Интернет-закладок инженерных предпочтений. В ней, я запомнил, – не одна даже, а целых две фотографии г-на Либермана со спины, которые я опасался разглядывать тщательно при Инженере. Дело в том, что со спины г-н Либерман кажется особенно медведеобразным. Любовь же Инженера к животным с некоторых пор стала вызывать у меня подозрения. Всякий раз, как мы выходили с ним на прогулку по очень зеленому поселку, в котором стоит его дом, я разглядывал флору, в основном австралийского происхождения, Инженер же интересовался фауной, в которой (исключая совершенно не интересовавших его птиц) никакого разнообразия как раз и не было – только собаки иногда облаивали нас из дворов. Я спросил его, почему бы ему самому не завести пса, немецкую овчарку, например. Ответ его показался мне странным. Он сказал, что в фильмах его детства, в значительной части посвященных теме прошедшей войны, «немецкими овчарками» называли женщин легкого поведения, путавшихся с солдатами оккупационной армии. Что за дикая ассоциация! Когда я сказал ему, что самое резкое отличие, бросившееся мне в глаза в современном городском и сельском пейзажах, – это замена лошадей автомобилями, Инженер некоторое время задумчиво разглядывал припаркованные у домов «Мазды», «Фольксвагены», «Форды» и так далее, словно на их месте прядали ушами, подергивали кожей и обмахивались хвостами настоящие лошади.

Возвращались ли мы с такой прогулки или из любого другого места, из супермаркета, например, – входя к себе в дом, Инженер первым делом здоровался с двумя овечками Кадишмана.

– М-м-е-е! – блеянием обращался он к каждой из них по очереди. Когда же бывал в особенно приподнятом состоянии духа и желал пошутить со своими любимцами, то переходя на низкий бас, он пугал их:

– М-м-у-у! – мычал, грозно наклоняя голову.

В обоих случаях после этого он доставал из кармана цветную пластмассовую расческу и приводил в порядок седую растительность на своей голове.

Будучи чрезвычайно чувствителен ко всему касающемуся сексуальной ориентации, я заподозрил Инженера в скрываемой им склонности к зоофилии, которой, возможно, и объясняется обилие в его доме картин и фотографий животных, причем все они таких размеров, что среди них нет настолько мелких видов, с которыми он теоретически не смог бы вступить в половой контакт никоим образом. По этой же причине, решил я, он не держит в доме даже кошки или кота, боясь уступить соблазну фелляции в общении с этими милыми существами.

Еще один случай. Я люблю держать в руках книги, поэтому в домашней библиотеке Инженера нередко доставал тома, все на русском языке. Делать мне с ними по этой причине было совершенно нечего, я переворачивал обложку, разглядывал оформление первых листов и ставил книгу на место. Но в одной из них я сразу почувствовал некий изъяс, заставивший меня большим пальцем оттянуть вверх все листы и отпустить их, вызвав шелестящий обвал. Тут и обнаружилось, что где-то в области шестидесятых страниц с мясом выдраны были два листа. Я с удивлением и возмущением посмотрел на находившегося неподалеку Инженера, показывая ему рану, нанесенную книге чьей-то варварской рукой.

– Это я вырвал, – сказал Инженер, – это «Преступление и наказание» Достоевского. Я боялся, что когда-нибудь опять наткнулся на эти жуткие страницы.

Я ждал пояснений.

– Там был сон Раскольников – избиение и убийство лошади, – ответил он очень серьезно.

И наконец, совсем недавний эпизод, когда Инженер неодобрительно отозвался о леволиберальной промывке мозгов, осуществляемой местной (не русской) прессой.

– Во-первых, промывать мозги необходимо, – сказал я.

Долженствовало последовать «во-вторых» то ли отцепилось еще в подсознании, так и не выкатившись в отсек мышления, из которого ему прямая дорога на язык, то ли изначально не было его во мне, а было некое давление интуиции, требовавшее развития мысли, но в продолжение я изрек:

– Мне известно лишь одно существо человеческого рода с непромытыми мозгами.

– Кто это? – недоверчиво спросил Инженер.

– Маугли.

Я был удивлен тем, как словно одним этим словом замороженный, взглянул на меня Инженер. Я приписал сей неожиданный эффект своей красноречивой находчивости и с увлечением и энтузиазмом принялся за разработку и детализацию мысли.

– У всех остальных людей мозги промыты цивилизацией, в которой они растут и воспитываются, – утверждал я. – Судя по результатам, лучшая система промывки мозгов – в Западной Европе, Северной Америке, в Австралии и Японии. И если вы утверждаете, что местная пресса именно эту систему слепо копирует, то на что же вы жалуетесь? Активно сопротивляющихся такой промывке мы как раз и находим среди авторов и комментаторов Zman.com...

Я прервался, так как заметил наконец, что мои наставления и красноречие пропали даром, Инженер не слушал меня. Его взгляд был направлен внутрь себя, и я достаточно хорошо уже изучил его, чтобы с высокой степенью вероятности расчесть пути и направления его мыслей и воображения. Мне стало как дважды два ясно, что милый мой Инженер уже витал в мечтах, воображая нежности и чудные прихоти игривых волчиц, баловство с ними в темноте и тесноте теплого логова. Может быть, он представлял себя и единственным любовником черно-блестящей Багиры, а уж какой простор его сексуальной фантазии предоставляла дружба с питоном Каа!

Моя жизнь на Земле прошла в девятнадцатом веке, я знаю доподлинно, каково это – обнаружить в себе необычную сексуальную склонность, какого мучительного подавления требовала она от доброго католика вроде меня. Зашоренного русским консерватизмом Инженера мне жаль было поэтому вызывать на откровенность в данном вопросе, мне вовсе не хотелось заполнить его плачущим на своем плече, признающим в

неразделенной любви к одной из овечек художника Кадишмана. По этой причине я оставил разглядывание упомянутых ассоциирующихся с картинами из медвежьей жизни фотографий Либермана на потом, чтобы случайно не спровоцировать Инженера на тяжелое для него признание. Да и хотелось мне взглянуть на снимки эти одному, без свидетелей.

На первой из фотографий г-н Либерман в длинном, тяжелом черном пальто подходил к лифту в сопровождении охранника, по связи что-то говорящего в микрофон, – должно быть сообщаящего о предстоящем появлении босса тем, кто встретит его на этаже прибытия. Наглядевшись вдоволь, я мысленно оттолкнул охранника, прямого как каждая из трех балок рамы лифта и вошел в открывающееся пространство подъемника следом за спиной, покатошь которой излучала силу, а наклоненная жесткая шея несла на себе упрямую голову. Дверь за нами двумя в воображении моем, столкнувшись двумя жестяными половинками, наглухо закрылась...

На другой фотографии г-н Либерман ораторствовал в большой, ярко освещенной аудитории перед собранием своих сторонников. Он, видимо, только что пошутил, широко развел в стороны руки, и так же широко улыбались ему в ответ лица людей в зале в темных пиджаках и галстуках. Мне захотелось схватить их тут же одной рукой разом за все галстуки и вышвырнуть вон из помещения, другой рукой перевернуть все столы, за которыми они сидели, кроме одного...

Мои занятия были прерваны резким вскриком Инженера, донесшимся из его спальни – семейной в прошлом. Я уже привык к этой странности в его поведении. Когда это случилось впервые, я постучался, ожидая увидеть его продирающим глаза после увиденного во сне кошмара, но он был совершенно бодр и смущенно объяснил, что таким образом он непроизвольно разрешается от особенно глубоких переживаний, в которые порой случается ему погрузиться. Тогда, сознался он, это были воспоминания о его жене, с которой давно развелся. Из его невнятных описаний я усвоил, что женщина она была с тяжелым характером и чрезвычайно требовательная. Впрочем, один приведенный им в качестве иллюстрации пример мне запомнился.

– Если, скажем, она испечет пирог, – Инженер, вздохнув быстро и импульсивно, спохватился и отпускал наружу обедненный кислородом воздух из легких уже подконтрольно, медленно, – и предложит по дольке его гостям, но кто-то, кому он покажется сладким или маслянистым, откажется, то она все равно повторит предложение и во второй, и в третий, а то и в четвертый раз.

И кажется, готова затолкать свой пирог строптивцу (строптивце) в рот вместе с тарелкой, без труда представил себе я это застолье, в котором участвуют Инженер с женой и, например, Е. Теодор со своей самолетолубивой подругой. И это она, наверно, отказывается от пирога, возможно в самом деле и излишне сладкого, и избыточно жирного.

Странно, однако. Кого на такой женщине угораздило жениться, у того по моим наблюдениям редко достанет душевных сил для развода.

Mon ami!

Как и обещал в предыдущем письме, привожу некоторые комментарии к статье. За право высказать свое мнение в «Снобе» (определяемом его организаторами как «уникальный международный медийный проект, предназначенный для образованной русскоязычной аудитории по всему миру») требуется внести годовой взнос в \$350, все комментарии авторизованы. Все это позволяет надеяться на учтивость и большую, чем в прочих Интернет-изданиях, глубину мысли.

Было бы любопытно проанализировать, как убежденность в своем соответствии критериям образованности и надежное материальное положение сказываются на содержательности и форме изложения, но нижеприведенные комментарии не составляют достаточно полной и репрезентативной выборки для удовлетворения такого рода любопытства, тем более – не могут служить основанием для выводов, так как тщательно отобраны мною из множества других таким образом, чтобы максимально дополнить уже изложенное, прежде всего, с точки зрения информационной.

Итак:

Катерина Инноченце 19:54 27.05.2011

Не знаю как Вас, но меня анализ всего этого напугал несколько.

Иосиф Раскин 21:21 27.05.2011

Все нижеследующее написано человеком, который голосовал за Рабина, потом - за Барака и против Натаниягу. Который очень долго жил в Тель-Авиве, не в русском гетто, и по долгу службы побывал и в Хевроне, и в Рамалле, Шхеме, Тулькареме и Дженине. Либерман конечно человек советский. В собственно израильском обществе неоткуда набраться такой нетерпимости и оголтелости. Но туда, где он сейчас Либермана привели палестинцы. Арафат, Хамас, все они. Без интифады, обстрелов ракетами Ашкелона, последней войны в Ливане он бы остался маргиналом.

Сергей Мигдал 02:12 28.05.2011

Всё нижеследующее написано человеком, проживающим в Израиле уже 24 года, и никогда не голосовавшего за Рабина, Переса, Барака. Мицну, Фуада, Аврама Бурга, Амира Переца, и даже за Шуламит Алони (прости старого ревизиониста). Впрочем, за Либермана тоже голосовать не приходилось... Ты что, серьёзно: "Без интифады, обстрелов ракетами Ашкелона, последней войны в Ливане он бы остался маргиналом"??? Уже в 93-94 годах, без всех этих факторов, он стал самым сильным человеком в Ликуде, после того как Биби назначил его на пост гендиратора партии, а в 96-ом он стал заведовать канцелярией премьер-министра. Нехилый маргинал, однако. На самом же деле, Либерман – гениальный политик и прекрасный организатор, умеющий прекрасно пользоваться ситуацией для завлечения всё новых голосов избирателей. На людях он - пламенный идеолог, а в кулуарах - трезвый прагматик. Для публики он предлагает loyalty oath for new immigrants и гражданские браки, а в кулуарах - продвигает бизнес своего друга Мартина Шлаффа, лево-либерального миллиардера из Австрии, ставшего с его помощью партнером Джибриля Раджуба и прочих сионистов в иерихонском казино, Мужик делает реальные бабки, рулит по стране на кровно заработанном бронированном Геландевагене, а свои и западные корреспонденты упоённо обсуждают его непреклонность и пассионарность. Смех, да и только. . .

Иосиф Раскин 02:28 28.05.2011

Сергей, что, начальник канцелярии - это самый сильный человек? Смех, да и только. Кто его знал в 93-94 годах? До второй интифады он был маргиналом, не имеющим никакого самостоятельного политического значения.

Сергей Мигдал 03:12 28.05.2011

Ничего смешного - если точнее, его позиция называлась Генеральный Директор Министерства Главы Правительства (מנכ"ל משרד ראש הממשלה), его даже называли "манкаль ха-мдина", должность схожая с той, которую занимали Рам Эммануэль у Обамы, Энди Кард у Буша, или Леон Панетта у Клинтона. Реально - правая рука премьера, по его инициативе был выдвинут из правительства министр финансов Дан Меридор (ноль без палочки такую фигуру свалить бы не смог). Не забывай, что до этого он был молодым активистом Ликуда, близким к Ольмерту и Гириензону в иерусалимском отделении партии, поднялся по линии Купат Холим Леумит, понравился новому лидеру Биби, и был назначен гендиректором Ликуда. Вот, как раз 93 год - и все, кто серьёзно интересовался политикой, знали уже тогда, кто он такой - восходящая звезда "русского" Ликуда, личный "терминатор" главы оппозиции, разрулившего финансовый и организационный кризис в партии... А первый свой серьёзный политический успех Либерман поимел ДО второй интифады, на выборах 1999 года (4 мандата), отобрав голоса у Щаранского и Ликуда (факты - упрямая вещь)

Иосиф Раскин 03:32 28.05.2011

Сергей, четыре мандата - это достаточно маленькая величина. Арабы с коммунистами, Рехавам Зээви покойный - они все маргиналы в израильской политике. Только Либерман поднялся до такой величины, каким он является сейчас. И по причинам изложенным мною выше. Я даже помню, когда израильское общество изменилось радикально - с 2001 по 2002 год. Либералы просто перешли в non-entity

Сергей Мигдал 03:50 28.05.2011

Иосиф, 4 мандата - очень много для начинающего политика, такие мега-фигуры, как Бен-Гурион или Моше Даян, получили не больше, отколовшись от партии Труда, но их трудно назвать маргиналами. Либерман начинал с малого, но добился многого, благодаря своему политическому таланту, организаторским способностям и мощной финансовой поддержке. То, что геноцидальное шоу ХАМАСа, Исламского Джихада и прочих батальонов произвело неизгладимое впечатление на израильских избирателей - общеизвестный факт, но это не означало что их голоса должны были перейти к Либерману, они могли бы голосовать и за

другие правые партии. Не забывай - уйдя (хлопнув дверью) из Ликуда, Либерман забрал с собой самых крупных "кабланов колот", тех, кто обеспечивают избирателей из друзских деревень и городов развития, долгое время он продолжал контролировать даже немалую часть делегатов ЦК Ликуда, сильно влияя на процессы внутри оставленной им партии

Иосиф Раскин 03:55 28.05.2011

он является слишком аутсайдерской фигурой, неприемлемой не только для большинства избирателей, но и для израильского истеблишмента, как секулярного, так и национально-религиозного.

Сергей Мигдал 14:53 28.05.2011

Я не то, что спорю - я пытаюсь уточнить ситуацию для... не живших в Израиле. Им надо разъяснить, что из Либермана последовательно пытаются сделать "старшилку" для израильтян, попутно пользуясь его имеджем для попыток делегитимации Израиля. Подобную роль в Америке играют Сара Пэйлин и другие лидеры Tea Party, например. Меня весьма смутил заголовок "Святая простота" - Либерман совсем не прост, да и святого в нём ничего нет. Пока все суетятся, бегают и обсуждают его экстремизм, он не теряет времени даром, и последовательно окэшивает свои политические достижения. А некоторые комментаторы уже нагнетают обстановку, коронуя его титулом "без пяти минут премьер-министр", и вгоняют ни в чём не повинную Катю Инноченты в депрессию, без всякой необходимости

Катя Пархоменко 11:19 28.05.2011

Да он просто русский! Точно так же ведут себя русские политики.

Сергей Мигдал 15:03 28.05.2011

Катя, наш герой - такой же русский, как я молдаванин! Его можно назвать бывшим советским человеком, как и всех нас, но корни у него - еврейско-румынские, его папа говорил на идиш и румынском, и даже изучал иврит в молодости, параллельно с участием в молодёжном сионистском кружке, в РУМЫНИИ!!! А политические его позиции в многом сходны с теми, что высказывают лидеры "новых правых" в Европе или активисты Tea Party в Америке, ничего специфически "русского" я в них не замечаю

Катя Пархоменко 15:05 28.05.2011

Это потому, что вы мало знаете русских политиков)) Можно их, конечно, называть пост-советскими, но советскость тут совершенно ни при чем - куда важнее вот это стремление все упрощать, жить по понятиям.

Сергей Мигдал 16:22 28.05.2011

Катя, и знаком лично с несколькими успешными политиками из разных стран (в том числе и России), и всех объединяет одна черта - способность очень хорошо и доходчиво упрощать сложные ситуации. За обратными примерами ходить далеко не надо - не так давно в Канаде лидер либералов Майкл Игнатъефф потерпел разгром на выборах, от его партии остались рожки да ножки, при этом он - ведущий интеллектуал, бывший профессор Гарварда. Подобных успехов на выборах, как мне помнится, добивался и покойный Гайдар. А вот, например, Биньямин Нетанияху, дипломат Иерусалимского университета и MIT, сам написавшие свои книги, успешно скрывает от народа свои интеллектуальные склонности. Он научился всё красиво упрощать, это нравится партийным активистам и многим избирателям.

Марк Шпильский 10:23 28.05.2011

Боюсь, что Либермана туда привела израильская политическая элита. В силу своей неспособности даже на уровне лозунга предложить людям хоть какой-нибудь выход из тупика. (При очевидно ухудшающемся восприятии Израиля в мире). А Либерман - смог.

Иосиф Раскин 10:26 28.05.2011

Выход? Шутить изволите.

Сергей Мигдал 15:06 28.05.2011

Конечно, отличный выход - всем пересесть на бронированные G-Wagen 500, и открыть несколько прибыльных компаний на Кипре. Важно отметить, что он всё это продвигает на личном примере, а не с помощью пустой пропаганды

Инженер, немного помявшись, сообщил мне о наличии не то у самого Е. Теодора, не то у его подруги четверостишия, касающегося влияния суицидального «шоу Хамаса» на перевоплощение русского еврея, превратившее его из тишайшего мотылька в назойливо шумного шмеля. Смущение Инженера объяснилось наличием в ниже приводимых строках непристойного словечка:

*Иронией тонкой, влияньем прогресса
Еврея был русского мечен портрет.*

*Еблом «патриота» с печатью стресса
Глядит ныне, треснувшись об минарет.*

Среди комментариев к статье поместил г-н Мигдал фотографию своей матери рядом с самим г-ном Либерманом на пикнике в лесу по случаю дня Независимости страны. В правой руке г-на Либермана – пластиковый стаканчик с темно-вишневого цвета жидкостью, в левой – съедобный предмет неизвестной природы. Упоминаю об этом, чтобы укрепиться в надежде, что представленные г-ном Мигдалом факты и высказанные им суждения помимо свойственной им внутренней логичности опираются еще и на сведения из первых рук.

Меня заинтриговало уже дважды встретившееся упоминание им об автомобиле г-на Либермана – Гелендвагене. Мне почудилось, что это – неспроста, некоторым рукотворным объектам удается странным образом до такой степени врезаться в память людей, так захватить воображение общества, что их помещают на пьедесталы, предназначенные уже исключительно для символов, и тогда они попадают не в обычные энциклопедии, а в энциклопедии символов. Поэтому я ничуть не удивился, когда Google на запрос о Гелендвагене немедленно адресовал меня к новейшему собранию русских символов – Луркоморью. Привожу начало статьи об этой машине, интегрально определяемой как изобретение сумрачного немецкого гения.

Гелендваген а.к.а фауш. Geländewagen, фауш. офиц. Mercedes-Benz G-Klasse, быдл. Гелик, Гелен, Гелендос, Кубик, Куоск, Ларёк, Сарай, Холодильник, Гитлерваген — былинная расовая австрийская вундервафля, до появления Кайена являлась видимым признаком немеренной крутизны, коим и сейчас остаётся... Исторически в этой стране на Гелендвагенах ездили исключительно бандиты, большие ментовские начальники (что, по сути, одно и то же), и охрана во всяких развеселых кортежах. Причина такой любви преступного мира кроется во вместимости машины, в которую играючи могли поместиться четыре-пять бритоголовых мордоворотов... Автолюбительский мир полнится былинными сказаниями о том, как в ответ на неосторожное подрезание из остановившегося Гелендвагена выскакивал взвод означенных упырей и битами для пиндосской лапты проводил ускоренный кузовной рестайлинг транспортного средства обидчика. Этим обычно пользовались конкуренты, подрезая сабж на девятке и открывая прицельный огонь 12-го калибра по резво выскочившим жлобчикам.

Не правда ли, Господи, – очарователен этот новый русский язык даже в переводе на французский?

В приведенном выше споре господ Раскина и Мигдала одна сторона представляет, как и г-жа Гессен, либерально-демократический лагерь, другая же заявляет о своей приверженности к течению политического ревизионизма. Я здесь, Господи, не ради евреев и их внутренних разногласий, но в силу того, что означенный ревизионизм также относится к проявлениям русского духа и основателем его явился одессит Владимир Жаботинский, полагаю для себя правильным, сделав краткую остановку, отвлечься.

Еврейские ревизионисты, их лидеры, видятся мне людьми образованными, склонными к крайностям, полагающимися на силу, то есть – русскими *par excellence*, но и верными сторонниками демократическим ценностей и людьми ручной сборки (так вдруг показалось мне соблазнительным выразиться под влиянием случившегося на твоей Земле технического прогресса). Они – фронтёры еврейского возрождения на русский лад, никак не христианские миссионеры в сутанах нынешнего западного либерализма, но и ни в коем разе – не зманкомовцы, сошедшие с конвейера по производству функциональных единиц советского народа.

Счастливы судьбы либеральных вождей – возглавляемые ими люди так же, как и они сами, отшлифованы просвещением, образованием, преданы гуманным идеям. Перед Жаботинским же, перед ревизионистами стоит жестокий выбор – остаться горсткой несгибаемых русских героев, или возглавить зманкомовцев. Увы – как без личности нет интриги, так без масс нет истории! И ничего другого не остается героям, как рано или поздно возглавить читателей Zman.com и/или их родичей, пришедших из стран Востока.

Печальна обычно бывает судьба героев, не исключение и наши русские рыцари еврейского национального движения, рано или поздно

произрастает из гущи зманкомовцев вития, плоть от плоти, кровь от крови их, т. е. является Авигдор Либерман.

В беседах с Инженером я стараюсь осторожно подбирать слова, высказываясь о его политическом кумире, не хочется мне ненароком обидеть моего Инженера, милого и славного, но, увы, простолюдина и в известной степени – мужлана. Обиняками, осторожно пытаюсь я подвести его к мысли, что учтивость – не павлинье перо потомственных баловней судьбы, сложность – не искусственный туман, напускаемый для сокрытия ясных целей от широких народных масс. Используя язык и терминологию изучавшейся в юности Инженером диалектики, я мягко и исподволь подвигаю его к выводу, что учтивость и сложность – суть условия перехода количества в качество, скачка на высший по отношению к предыдущему уровень человеческого осознания действительности, а значит – и на другой, высший уровень существования. Напыщенно? Может быть, но по сути – это ведь и есть твой нынешний, Господи, план дальнейшего строительства жизни на голубой планете.

Мон амі!

Если местные русские чем-то и отличаются от тамошних – настоящих, то разве что продолжением равнодушия своего к религии. Встречающиеся в комментариях на Zman.com отсылки к Священному писанию скорее напоминают случайно попавшиеся под руки предметы, брошенные в голову политического оппонента, нежели результат откровений религиозного свойства. Это верно даже в отношении женщин.

Да и в самой России после семидесяти лет решительно никому не мешавшего там атеизма, сегодняшняя русская религиозность представляется мне (по крайней мере, в среде образованной публики) чистейшей воды безвкусицей и кривляньем. Иногда даже анархического окраса протест дозревает во мне, мон амі, до такой степени спелости, что подталкивает к не вполне пристойному пожеланию – уж лучше бы, говорю я себе, портили бы они воздух за обеденным столом. Я прошу всех тех на Земле и на Небесах, кого могла бы задеть резкость высказанного мною суждения, принять дерзость сию с долею снисхождения и не взыскивать строго, помня о происхождении моем из страны, где не только великие писатели и философы, но даже enfant terrible маркиз де Сад питал склонность к бичеванию не только buttovov девичьей плоти, но и предассудков и суеверий людских. «Не верь в меня, будь совестлив, пользуйся подаренным мною разумом во благо себе и другим, – говоришь ты, – и рукопожатие мое тебя не минет. Если не претит тебе фамильярность, готов по прибытии твоём сюда и за ухо потрепать с нежностью, но всему свое время, а во дни жизни твоей на земле вся ответственность – на разуме и на совести твоих».

Это вступление, как ты уже, конечно, догадался, Господи, ведет к попытке посмотреть на нашего героя, г-на Либермана, с точки зрения адептов религиозной традиции. Разумеется, в данном случае – иудейской, разумеется – русских евреев. Когда-то, в той своей книге, я назвал иудаизм корыстной религией евреев, подразумевая под этим веру их в особую близость к тебе, превосходящую близость других народов, и дерзкую надежду получить от тебя в будущем некую мафиозного характера награду, причитающуюся только (или прежде всего) членам их национальной организации. Утверждение их, будто ожидаемый Великий Пряник награды твоей поднимут они ярким солнцем над головами, чтобы освещать путь к тебе другим народам, некоторое время было внятно этим народам, и даже привело к тому, что едва ли не каждый десятый в Римской империи причислял себя к иудеям. Не окончательно смытое волнами христианства, ислама и просвещения, древнее верование находит, как я упомянул уже, не слишком много адептов среди здешних русских, но пройти вовсе мимо сего явления, представляется мне, было бы хоть и вполне простительным, но все же – упущением.

Соблюдая принцип привлечения к даче показаний лишь тем или иным образом испытанных свидетелей, и здесь рупором избираю уже известного тебе Авигдора Эскина, чей рассказ о г-не Либермане и высказывания о нем нашел для меня мой заботливый гений и ангел –

инженер на сайте isralife.com в статье, озаглавленной «Авигдор против Авигдора».

Свою статью начинает г-н Эскин с воспоминания о первой встрече с г-ном Либерманом, имевшей место за тридцать лет до написания статьи, когда двадцатилетний примерно «крепкий несловоохотливый детина» (Либерман) пришел в офис радикальной религиозно-националистической организации раввина Меира Кахане, позже дискриминированной и отстраненной от участия в выборах по обвинению в расизме, когда она по прогнозам могла получить до десяти процентов голосов в Кнессете, опираясь на голоса выходцев из арабских стран. Вскоре, сообщает г-н Эскин, Либерман стал работать на правящую партию того времени «Ликуд» (национально-патриотического направления), в течение нескольких лет записывая людей в больничную кассу профсоюзного движения, связанного с этой партией. Практическая работа «на местности» и создала ему базу поддержки внутри партии и позволила со временем стать в ней признанным «воротилой». Постепенно, утверждает г-н Эскин, оппортунизм Либермана проявлялся все яснее и явственнее, попытки достучаться к нему, призывы к его совести честного националиста-радикала становились все более тщетными. «Окутанный дымом сигар» (к такому выразительному описанию прибегает г-н Эскин) уже упоминавшегося Мартина Шлаффа и опального русского олигарха Михаила Черного (объясняющего свои обширные связи в криминальном мире России их необходимостью для ведения бизнеса в этой стране в 1990-х годах), продолжил Либерман свое «хождение по коридорам власти».

Далее следуют упреки в том, что:

- идеи его сводятся к накоплению денежной массы и потребительству;
- ему чужды и противны законы, традиции и обряды иудаизма и даже в узком кругу друзей он никогда не зовется Авигдором, но всегда Эвиком или Иветом, его даже не смущает то, что Ивет – имя женское;
- он готов отдать врагу все те части Земли Израиля, где большинство составляет арабское население;
- «...свое кредо он излагал просто: «Все зависит от уровня жизни. Все хотят ехать в Швейцарию, потому что там высокий уровень жизни. И никто оттуда не хочет уезжать. Поэтому нам надо заниматься экономикой и превратить Израиль в Швейцарию».

«Надо сказать, что даже для заправила Ликуда это звучит убого и примитивно», – с небрежением отзывается г-н Эскин о приведенном высказывании г-на Либермана.

«Тридцать лет назад я приехал в Израиль и сразу попал к раву Меиру Кахане. Тридцать лет спустя я все там же, укрепившись и укоренившись, отсидевши и восставши. Когда я сравниваю свой путь с извилистой дорогой Либермана, моей душе отрадно. Впрочем, многие избиратели меня не поймут», – заключает г-н Эскин. Таковых обнаружилось двое: забредшие на сайт зманкомовцы **saika** и **Vasa**.

saika45 06.02 10:52

Авигдор Эскин! Вы пустозвон и к тому-же сплетник. К чему расСказ о том, что у г-н Либермана женское имя, Вам больше не к чему придаться. Благодаря таким как Вы, Увожаемый г-н Либерман (на зло Вам) наберёт огромное количество голосов

Vasa 08.02 16:31

господин Эскин - или снимите кипу и не позорьте религиозных евреев! За сколько шекелей Вас купили??? Почему вы не написали обо всём, когда шла война в Ливане и мы сидели под ракетами! Вы видимо в это время не были в стране? Видимо не было команды Фас от Кадимы - ваших хозяев!

Ах! Господин Эскин, господин Эскин! Оставьте напрасные хлопоты! Видите, каково отношение русских к религиозной мысли? Вот и вышли вы у них – «пустозвон и сплетник». Хлопотали, старались, а вас ругают за то, что вы придрались к немужскому имени г-на Либермана (какой ужас!) и все потому, что больше вам и придаться не к чему! И где вы, в самом деле, были, когда шла война в Ливане? Небось, отсиживались в Ташкенте? Не там ли сунули вам в руку шекели люди из Кадимы! Отдайте их Vase! Ему нужнее! Или ей? «Фас»! «Фас»! «Гав»! «Гав»! Вот и все, что требуется вам для общения с хозяевами из Кадимы.

Это я пытаюсь шутить на русско-еврейский лад, Господи. Получилось? А этот значок – ☺ – по-русски называется ласково – «смайлик». Ну и

что – что англицизм? И у Толстого Екатерина – Кити, Дарья – Долли, а Степан – Стива. Что еще за «Кадима», кстати? Расспрошу Инженера.

Кстати, по поводу меркантильности г-на Либермана: на сайте IzRus.co.il мне попалась статья на тему о его личной жизни. В числе прочего, в ней было приведено следующее воспоминание объекта нашего нынешнего исследования:

"Я работал грузчиком в аэропорту. Однажды мы пахали под палящим солнцем, было ужасно жарко, мы все взмокли от пота. Я присел на минуту, чтобы попить воды. Тут же ко мне подскочил начальник и стал орать: "Почему ты остановился, продолжай работать!". Как раз в тот момент мимо нас пронесся фешенебельный автобус. В мягких креслах, в прохладе кондиционеров, сидели люди в галстуках, свежие, довольные жизнью. Я смотрел им вслед и поклялся, что еще наступит тот день, когда и я буду там, в галстуке, не взмокнувший от пота, улыбающийся...". (Из интервью Авигдора Либермана газете "Маарив", 21.04.1997)

Что же, – еще один пример тысячи раз описанного в литературе и показанного в кинематографе стремления простолюдина переломить предназначение судьбы, «выбиться в люди». Было бы чистейшей воды ханжеством осуждать его за это. Никак не могу здесь согласиться с г-ном Эскиным.

Скопировав текст, я обнаружил в продолжение его на экране компьютера Инженера прицеп, которого не было, да и не могло быть в середине статьи, из которой я вычерпнул данный абзац, и подобного которому никогда не встречал ранее, делая выборки из Интернета:

«При использовании материалов ссылка на «IzRus.co.il» обязательна».

Хотя приведенные выше воспоминания сами являются цитатой из другого источника, покорно выполняю данное требование, подозревая, что в противном случае адвокаты сайта достанут меня и на Небесах, и что еще хуже – могут потревожить по этому поводу и тебя самого, Господи! Но это, Всемогуший, было бы уже ей-богу как-то совсем не по-русски! К слову, если кому-нибудь в здешних краях понадобятся упорные и, возможно, недорогие адвокаты, первым делом снесите с редакцией сайта IzRus.co.il. Вполне вероятно, что они присоветуют вам подходящего специалиста.

Mon ami!

Хочется мне исследование феномена г-на Либермана выполнить с не меньшей тщательностью, чем это было сделано мною в отношении царя Николая Первого. И тут, как сказано было современником последнего, чья юность пришлось на годы угасания тирана: «...началась война, то есть совершилось противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие». Крымская война подвела итоги правления русского царя, и возможно, теперешний конфликт позволит мне взять пробу характера господина Либермана для анализа и представить тебе результат, каким бы он ни оказался.

Причиной нынешней военной кампании (как и предыдущей, впрочем) стал ракетный и минометный обстрел населенных пунктов той части земли обетованной, в которой по запомнившемуся мне определению высокой девы с теплыми коленями проложена магистраль еврейской истории. Стреляли же из той песчаной косы, именуемой полосой Газа, где зовущие тебя Аллахом местные арабы полагают, что продвигать великие цели можно и должно именно «противными человеческому разуму» средствами. Я не ставлю перед собой целью в этом письме нарисовать полную и объективную картину конфликта, равно как не желаю вдаваться в подробности взаимных обвинений и аргументацию противоборствующих сторон. Ограничусь только высказыванием составившегося у меня мнения, что зманкомовцы, в полном согласии с графом Толстым порицающие войну как таковую, полагают, что в данном конкретном случае справедливость их столь очевидна, а несправедливость противной стороны так вопиет к небесам, и что упомянутая противная сторона настолько чужда учению великого писателя о непротивлении злу насилием, что также почитают единственно возможным и разумным – разрешение конфликта именно тем самым способом, который так противен

и им, и писателю Толстому. Как раз о таком, и ни о каком другом способе преодоления зла, его решительного сокрушения с последующим окончательным искоренением и было однозначно и недвусмысленно договорено между правящей партией и партией Г-на Либермана с фиксацией достигнутого согласия в одиннадцатом пункте коалиционного соглашения между ними.

Инженер изложил дух и стратегию предстоящей операции (как она ему виделась в тот момент) восклицанием: «Порвать как Тузик грелку!» Он стеснительно улыбнулся, произнося эти слова и тем самым извиняясь как за цитирование заезженной Интернет-банальности, так и за проявляемый им воинственный энтузиазм и одновременно радуясь точному соответствию шутивого штампа глубокому патриотическому порыву, завладевшему его чистой (признаю это!) душой. Я залюбовался им в этот момент, ибо чрезмерная склонность к рефлексии, признаю и это, часто является лишь маскировочной сетью для тщательно скрываемой неисправности внутреннего мира, источенного червями равнодушия.

Военным кампаниям здесь принято давать имена, которые изобретаются, видимо, на американо-индейский манер. Жители Нового света, когда охватывает их предбоевой патриотический порыв, обращаются к воинственной терминологии и образным штампам, которые при других обстоятельствах выработаны были ими для негативного характера изображений американских аборигенов и их экзотической дикости. Угрозой природного катаклизма, духом неотвратимости возмездия напитанным кажется название нынешней операции, «Облачный столб», когда слышишь его впервые. Когда же вдуматься в это название, спрашиваешь себя – что же может быть опасного в облаке, даже если оно приняло нехарактерную для него форму столба? В моем случае: максимум – столкнешься лоб в лоб с Инженером в условиях ограниченной видимости.

Последний в соответствии с требованиями военного времени привел в порядок пустующую «комнату безопасности» – короб двадцатисантиметрового железобетона площадью около десяти квадратных метров, являющуюся обязательной частью каждой квартиры во вновь строящемся на Ближнем Востоке еврейском жилье. Окно было закрыто массивным стальным листом, поворачивающимся на петлях, до сих пор неизменно откинутым к стене и как будто слившимся с ним при очередной окраске дома.

– Район аэропорта тоже обстреливают? – спросил я, почему-то вспомнив о своей долговязой знакомке и о предположении моем, что она, может быть, и есть пассия Е. Теодора.

– Не предполагается, вроде бы, – ответил мне Инженер.

В протяжении восьми дней, в течение которых продолжалась нынешняя военная кампания, нам так и не пришлось ни разу отсиживаться в портативном бомбоубежище Инженера, так как львиная доля обстрелов пришлась на южные города, расположенные близко к территории противника, несколько ракет было запущено в направлении Тель-Авива, две ракеты долетели до Иерусалима, дом же Инженера, построенный в местности, расположенной между двумя этими главными городами страны, так и не стал мишенью.

Когда первые ракеты стали достигать воздушного пространства Тель-Авива, который по представлениям добросердечных зманкомовцев является цитаделью «левацкого» гедонизма, среди представителей южной ветви зманкомовцев послышались, было, радостные возгласы: «Теперь-то вы почувствуете, себя в нашей шкуре!»

баба яга 15.11.2012 20:09

Главное чтобы ракеты в Северный Тель-Авив летели, а не в Южный, да и на улицу Шенкин - тоже. Может быть тогда власти доведут эту операцию до победы.

lilian, beer-sheva 15.11.2012 20:30

A, chego zh, zdes' nikogo net? Au! Tel'avivcy! Ne, hotite s nami podelit'sja svoej radost'ju? A, to, vy, vsjo ignorirovali nas?

Angel 15.11.2012 20:53

СТЕРЕТЬ ГАЗУ С ЛИЦА ЗЕМЛИ !

дарина, ашкелон 15.11.2012 20:55

я давно говорила что пока до центра не дойдут грады толку не будет а газу надо снести с лица земли или забрать назад а иначе это не последняя война

Димон, Ашдод 15.11.2012 20:58

lilian, beer-sheva Да какие нафиг тель-авивцы... сборище левых и гомосексуалов. Чего от них ждать?

Н 15.11.2012 23:04

Так теперь всё стало на свои места и понятно, почему Барак объявил о призыве 30000 резервистов, ракеты начинают падать ближе к его дому!

ЛЕВ ИШАКОВИЧ ДЕБИЛОВ, КИШЛАК 17.11.2012 18:22

все тель-авивские гомики со страху дружно наложили в штаны...

IT man, Holon 18.11.2012 11:10

Ой а где теперь левая братия будет отсиживаться???

южанин, В-718 11.2012 13:05

нэхай побэгоют

О! А вот и старая знакомка здесь же!

Зина Поселенка 18.11.2012 11:29

Ждут разрешения Хусейна Заокеанского с болндинкой. Их ведь не обстреливают. Они и подождать могут. Похоже, 11 сентября его ничему не научило. Где он был в этот день, интересно?

«Болндинка» – это Хилари Клинтон, а Хусейн Заокеанский – Барак Обама (поясню, Господи, если недосуг было тебе разобраться с терминологией зманкомовцев). Но спасибо зине – не метнула, как другие, стрелу в представителей нетрадиционной сексуальной ориентации. Что за мистическая связь вообще существует между баллистикой и гомосексуальностью в мыслях людей? Почему у долговязой русской половая любовь ассоциируется с самолетами, а у зманкомовцев, ракеты связываются – с тель-авивской LGBT community?

В первые три дня был ликвидирован командующий вооруженными силами противника, уничтожена с воздуха большая часть арсенала ракет дальнего действия, затем огонь велся по более мелким целям – группам ракетчиков, складам оружия, лишь в конце началась бомбардировка административных зданий противника. Произведен был массовый призыв резервистов (милуимников – прижившееся в здешнем русском, как я понял, ивритское слово) и сосредоточены войска на границе конфликтующих сторон (показанные по TV заполненные танками пространства напоминали заставленные книгами полки). Параллельно велись одновременно при посредничестве Египта и США переговоры об условиях прекращения огня, соглашение о котором и было достигнуто на восьмой, кажется, день конфликта. Сухопутное вторжение и, соответственно, вписанный г-ном Либерманом одиннадцатый пункт правительственного коалиционного соглашения о свержении власти террористической организации ХАМАС остался нереализованным после почти четырех лет пребывания у власти означенного правительства, несмотря на обстоятельства, казалось бы, полностью благоприятствующие в сложившейся ситуации выполнению взятых на себя обязательств.

На пресс-конференции, посвященной перемирию, глава правительства Нетаниягу поблагодарил еврейский народ за стойкость и американского президента за поддержку, министр обороны Барак – еврейский народ за стойкость и армию за профессионализм, министр иностранных дел Либерман – снова еврейский народ за стойкость, а также и египетского президента за миротворческие усилия.

Я слышал, как Инженер позвонил Е. Теодору, чтобы обменяться впечатлениями, он передал мне мнение последнего: «Либерман в очередной раз доказал то, что известно любому школьному учителю: если ребенок неважно учится и хулиганит, это не значит еще, что он обделен способностями и непременно станет преступником. Позаниматься с ним дополнительно, привлечь к спорту, записать в авиамodelьный кружок – глядишь, вырастет из него приличный человек». Инженер объяснил мне эту тираду, рассказав, как несколько лет назад г-н Либерман с парламентской трибуны послал к дьяволу считавшегося прозападным чисто выбритого египетского президента за то, что последний, несмотря на многочисленные и настойчивые предложения, не соизволил прибыть сюда и гостем прокатиться по автострате еврейской истории, еврейскому государству, а теперь вот – щедро отсыпал комплиментов бородатому по исламистской моде главе Египта от «Братьев Мусульман».

Среди видимых глазу итогов кампании, помимо результатов уже упомянутых военных действий, следует отметить потери: больше сотни погибших с арабской стороны и шесть человек – с еврейской. Как ни кощунственны всякие сравнения такого рода, но простое вычисление разницы с несколькими десятками тысяч, погибших к этому времени за год в гражданской войне в соседней Сирии, производилось если не вслух или в прессе, то, по крайней мере, про себя и действовало успокаивающе. Из шестерых погибших здесь – четверо были гражданские лица, оставшиеся во время обстрела в салоне квартиры и не вышедшие на лестничную площадку, как это предписывалось управлением тыла для домов без «комнат безопасности». Единственная ракета, угодившая в жилой дом в окрестностях Тель-Авива, разнесла три верхних этажа здания, но не разрушила стояк аналогичных Инженеровой железобетонных комнат, и находившиеся в них люди не пострадали.

К результатам затуманенным относятся сообщения о послаблениях в снабжении находящегося в морской осаде арабского анклав и неясных мерах, которые обещаны Египтом и Америкой для предотвращения поставок противнику новых партий вооружения.

Заметка, появившаяся в тот день на Zmap.com озаглавлена была:

Э. БАРАК: «ВСЕ ЦЕЛИ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ ДОСТИГНУТЫ».

А. ЛИБЕРМАН: «МЫ ОТЛИЧНО ПОРАБОТАЛИ».

Вот полное ее содержание.

Выступая на экстренной пресс-конференции по случаю провозглашения перемирия вечером 21-го ноября, министр обороны Эхуд Барак и глава МИДа Авигдор Либерман сошлись во мнении, согласно которому Израиль достиг целей, поставленных операцией «Облачный столб».

Эхуд Барак, в частности, напомнил об известном сравнении положения Израиля на Ближнем Востоке с «виллой в джунглях» и подробно осветил статистические показатели военных действий минувшей недели. По мнению главы оборонного ведомства, «все цели операции «Огненный столб» были достигнуты».

Авигдор Либерман отметил, что на этот раз весь мир с пониманием отнесся к военной операции, которую проводил Израиль. Мы проделали отличную работу», - отметил глава израильского МИДа вечером 21 ноября.

Я, как и Инженер, по его честному признанию, ожидали, что ответственность за такой вегетарианский исход операции будет возложена «русской улицей» целиком на злокозненного Эхуда Барака. Реакция зманкомовцев, возмущенных отступничеством своего вождя, удивила нас обоих. Неистовство, похоже, овладевшее ими при получении этого известия, в немалой степени, было следствием не только ничтожности, на их взгляд, результатов трепли «тузиковой грелки», но и несколько игривого тона, допущенного облеченными властью лицами при оценке результатов операции.

Не очень-то хотелось мне, Господи, еще раз перекапывать и перекопировать более двухсот отзывов на эту заметку. Требования строгой объективности поначалу толкали меня к мысли о децимации, я хотел было привести только каждый десятый комментарий зманкомовцев, чтобы ты, не утруждаясь излишне, мог бы получить вполне представительную выборку, характеризующую их коллективный мыслительный процесс. Знаю, знаю – ты возразишь (и совершенно справедливо), что и двести зманкомовцев не заставят тебя думать плохо о русских детях твоих. Параноики, досадливо пробурчишь ты, – всегда общественно активны, и может быть, только один зманкомовец и приходится-то на двести русских, а что голосуют они за Либермана, то это по наивности, из младенческого конформизма, я может быть, за инфантильность и наивность и люблю их еще больше, – скажешь ты.

– А что – комментаторы в Zmap.com – все, все?.. ну, такие... жестоковыйные?.. – спросишь ты, опасаясь начать чтение.

– Не все, не все, – отвечу я, прикидываясь сердобольным агнцем.

– Понимаю, не все, не все... – тихим эхом отзовешься ты.

Но я все же француз, а не римлянин или германец, и мысль о децимации зманкомовцев нагнала на меня тоску, так что я, в конечном счете, решил воспроизвести здесь, дав волю своему (признаю, негативного свойства) порыву, лишь те высказывания, которые

заставили мое сердце биться учащенное и порою рождали в усталом от чтения мозгу хоровод веселья не самого милосердного свойства.

«Ну, вы, маркиз, на сей раз оттянулись по полной!» – сказал инженер, ответственный за строгое толкование текстов при переводе, когда ему стал ясен принцип производимого мною отбора, а я вспомнил, как ты, Господь мой, обосновывал логику моего заместительного путешествия сюда для изучения русских, говоря: «Подобно охотнику, не видя самого преследуемого объекта, внимательно исследуйте следы, клочки шерсти, засохшие экскременты». Хотелось мне процитировать твои слова Инженеру, но подумал – мало мне сомнительной славы русофоба, не хватало еще прослыть антисемитом, уподобляющим искренний патриотический порыв граждан экскрементам русской культуры.

Леонид 21.11.2012 21:36

Меня сейчас вырвет от этой троицы!

СЕРЖ 21.11.2012 21:38

*ДВА БАЛАБОЛА ВЫ ИЗДЕВАЕТЕСЬ????? РАКЕТЫ ЛЕТЕЛИ ВСЮДУ ПЕЗ ПЕРЕРЫВА
ЛИБЕР ТЕБЕ ПОРА УХОДИТЬ!!!!*

Ашкелонник 21.11.2012 21:39

Пазор!!!!. Кто правит моей странной?????. Это ужас!!!.

Лехашувница 21.11.2012 21:41

Ну и дальше чо? Опять будем терпеть обстрелы ? Ну блин, политические импотенты!

Тимурка 21.11.2012 21:42

*в чем же отличная работа господа трусы??? перестали стрелять по нам??? уничтожили
хамас??? трусы останетесь трусами!! хрена вы голос получите!!*

свободный человек 21.11.2012 21:43

*трио - бывалый, трус и балбес)))))))) похоронили свои личности в избирательном списке.
теперь ваши имена можно вложить только в помойную урну*

Сергей, израиль 21.11.2012 21:43

вы продали страну вы предали израиль !!

Морфей 21.11.2012 21:45

Предатели...

Литой Свинец 21.11.2012 21:45

Позорники!!!! Биби, Либерман, Барак гавнюки.

Людмила Маалот 21.11.2012 21:46

*Результаты своей работы вы узнаете на выборах. Лично, голосовать за предателей не буду,
лучше ультраправые, они хотя бы землю, принадлежащую евреям не раздают врагам. А всю
эту троицу предателей отдать под суд. За военные преступления против своего народа.*

Ашкелонец, Ашкелон 21.11.2012 21:48

*Главная и единственно важная цель не достигнута - ракеты продолжают падать на наши
города.....я точно знаю - на будущих выборах я не проголосую ни за балабола нетаниягу, ни за
балабола либермана, ни, тем более ,за балабола эхуда барака!*

Mira, Germany 21.11.2012 21:48

Smeshno prosto, idioty!!! Ves´ mir uzhe nad vami prikaluyaetsya.....

Янея 21.11.2012 21:49

*какое то странное ощущение, что Эти Б и Би и Л не совсем нормальные люди, + страдающие
полной слепотой .какой ужас, кто правит нами, может им в кнесете что то химическое
колют и мозги растворяются, и исчезает простое человеческое чувство самосохранения*

niko, Бней-Айи, Израиль 21.11.2012 21:50

*Вы это скажите ЛИЧНО тем людям которые пострадали от обстрелов, ВЫ ОБА(не могу
произнести ваших имен - тошнит) посмотрите в глаза нашим детям и внукам! ВЫ-
ПРОДАЖНЫЕ ТВАРИ! Чтоб вы подавились деньгами заработанными на предательстве
интересов Израильского НАРОДА! Как жаль что год назад ЭТУ МРАЗЬ Молдаскую не
посадили в тюрьму!!!*

таня, лод 21.11.2012 21:55

и с этим правительством мы собираемся воевать с Ираном????!! лицемерные подонки!

Влад. 21.11.2012 22:17

Всех троих на свалку! Надоели эти рожи!

влад, хайфа 21.11.2012 22:19

вот уже и пошел запах от политических трупов....

Ашдод 21.11.2012 22:29

Да бабки они получили в очередной раз вот и радуются... продажные твари а потом народ налогами задушат, чтобы военные расходы возместить

Анна, Бат-ям21.11.2012 22:31

Троих судить надо, но перед этим поддержать в южных городах ,чтоб почувствовали!! предатели!!!! отмыли деньги чужими слезами

Ури 21.11.2012 22:35

Просто нет слов! Как можно было дать террористам опять "отпраздновать победу"? Не пойму, кто из вас тупее? Где еврейские мозги и слава армии? А ракеты все падают... Терпите!

я так думаю 21.11.2012 22:36

Эта троица свое сделала, они уже не боятся выборов, обеспечили себе сытую старость. Им по фигу, будут за них голосовать или нет.

Алиса, Бат-ям21.11.2012 22:39

Позор на весь мир, и это наше правительство, и самое страшное что не из кого выбирать.

Ефим 21.11.2012 22:48

Прочитав все комментарии и добавив свои взгляды на произошедшее сегодня, можно сделать только один вывод - нас, народ Израиля предало наше же правительство. Что делать дальше? Этот вопрос сегодня многие поставили перед собой. Кто-то покинет эту страну, а большинство останется ждать очередных обстрелов...

NEkto 21.11.2012 22:58

По мнению главы оборонного ведомства, «все цели операции «Огненный столб» были достигнуты». ===Все откаты за прекращение Израилем огня переведены на нужные счета? Да воздастся нашим слугам народа по их заслугам!

Светлана, Ашкелон21.11.2012 23:04

Чувство что нас всех глубоко унизили. Всех нас. Весь народ... Разочарование тотальное.

Боб 21.11.2012 23:06

не могу поверить. Полное поражение...

муромец 21.11.2012 23:10

типец приехали СТРАНА ДАВАЙ ПОДЫМИМСЯ И ПОЙДЁМ В ТЕЛЬАВИВ НА ПИКЕТ И ВЫСКАЖЕМ СВОЁ МНЕНИЕ О НАШЕМ ТРУСЛИВОМ И ПОКОЗУШНОМ ПРОВИТЕЛЬСТВЕ И НАДАВИМ НА НИХ ЧТОБЫ ЗАЙТИ В ГАЗУ И ПОКОНЧИТЬ С ХАМАСОМ РАЗ И НА ВСЕГДА. КОНТРОЛЬ НАД ГАЗОЙ НА ВЕКА. на нас посмотрит европа сша воодушевлятся нашим упорством и героизмом и у себя сделают тоже самое

бывш Нди 21.11.2012 23:10

три девицы вечером пели песню под окном. Эту шайку-лейку на мусорку истории! Либерман, да ты погряз во лжи. Говоришь правее тебя только стенка? А вижу что левее тебя только Хамас! Пазорник.

Иван Клейнер, Израиль21.11.2012 23:15

Перемирие началось. С 20:00 по 23:00 четыре обстрела Ашдода.

Бернард, Lod21.11.2012 23:16

Израильское правительство в очередной раз просто предало наш народ... В угоду США и нашим врагам исламофашистам

бывш Нди 21.11.2012 23:17

Дима. Наша семья решили плюнуть на Либеру и его Нди. Этих предателей только война выявила. Надеюсь все это поняли.

Евгений, Ашдод21.11.2012 23:30

Без лояльности нет гражданства!!!! Либи, тебе пора рулить от сюда!!!!

Лана 21.11.2012 23:31

Чтобы вы так жили, как вы поработали

Сергей, Израиль Ашкелон21.11.2012 23:39

Ну что евреи получили Нас предало собственное правительство а палестинцы празднуют победу. Теперь мы получим на наши головы еще больше ракет ну что готовы на выборы вперед и с песней

ЛМЛ 21.11.2012 23:49

Сборище пустобрёхов, а не власть победителей.

Сергей, Израиль22.11.2012 00:28

И это что-то говорит о войне с ираном.

Слуга Государев 22.11.2012 00:36

Мы опозорены перед всем миром. ПЕРЕД ВСЕМ МИРОМ!!! ХАМАС победил! Так ОНИ ЕЩЁ И ЗАКРЫЛИ ГЛАЗА НА ТО, ЧТО ПОСЛЕ ПЕРЕМИРИЯ ПРОДОЛЖАЛИСЬ ОБСТРЕЛЫ!!!! Я разочарован и опозорен тем, что я гражданин этой страны.

Итай, Ашдод22.11.2012 00:46

Так низко и так подло предать всех жителей Юга страны....Позор!!!!!!!!!!!!О каких достигнутых целях идет речь....Стыдно становится за страну, стыдно что страной управляют такие трусы....

Вася, Кирьят-Моцкин22.11.2012 00:51

Нетаниягу врал всегда, не новость. В Либермане я разочарован.

ЗИГИ, АШДОД22.11.2012 01:15

ЕФИМ,22.48 "Что делать дальше?" для начала надо немедленно отправить это омерзительное "прав-во" в отставку и отдать его под военный трибунал за госуд. измену в условиях военных действий! а после этого ввести ЧП на всей территории страны и создать ПРАВИТЕЛЬСТВО НАЦИОНАЛЬНОГО СПАСЕНИЯ! ИНАЧЕ ВСЕМ НАМ ПИЗД-Ц!!!

Шульц, Европа22.11.2012 01:17

Вы проиграли эту битву за свою Землю, когда не стерли Газу после теракта в "Дельфинариуме" а министры ваши поработали славно! Теперь арабский Мир видит, что Израиль может безнаказанно бомбить кучка 20-ти летних арабов и диктовать условия. Тигр то оказался из туалетной бумаги... Вот народ то попал живущий в Израиле!

Гена 22.11.2012 02:03

"Надо дать шанс перемирию". Ну, дали. Все-равно стреляют. Что дальше?

дядя Нёма 22.11.2012 03:20

НЕ ЗАБУДЕМ! НЕ ПРОСТИМ!

виктоша, Израиль22.11.2012 03:59

они отлично поработали! Бесстыжие глаза! Мы пахали - я и трактор!

Зина Поселенка 22.11.2012 04:31

Барак не удивляюсь, этот циник всегда врет без стыда и совести, в Либермане разочарована, не ожидала, что он окажется в компании интересанта Барака, в общем, "кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку.."ХАМАС празднует победу, они диктуют условия.. Сколько голосов потеряют на этом трюке Ликуд-НДИ? Думаю, достаточно для осознания.

Галина, Ашдод-Ашкелон22.11.2012 05:02

Какие трусы?! Почему трусы?! Неужели кому-то еще не понятно? Они просто получили большие бабки. А Барак даже два раза.

Соня 22.11.2012 05:29

страну предали и продали, теперь резко увеличат налоги - за позор руководства всегда платить другим. Может нам тоже Хамас выбирать? Большого позора страна не знала, что закрываем эссек?

Игорь, Ашдод22.11.2012 05:42

ЗА ДЕРЖАВУ ОБИДНО!!!!!!!!!!!!

Дима, Ришон22.11.2012 05:44

Да, господин Либерман и господин Нетаниягу, вы правы. Вы отлично поработали. Вы устали. Идите домой. И господина Барака с собой прихватите.

елимар, Ашкелон22.11.2012 05:52

Вот Либерман и показал истинное лицо оказавшись в одной упряжке с Биби. Пусть не совсем правильно, но голосовать не пойду---нет за кого. Голды Меир и Шамиры канули в лета. Будем и дальше восхищаться нашей славной сильной армией которую держат как злого пса на короткой и толстой цепи.

Рита Коркунов, Ашдод Израиль22.11.2012 05:58

Что выбирают люди благославление или проклятие выбор всегда за человеком вы Барак Нетаньягу и Либерман проиграли вы продали землю и народ как когда то царь Саул как БОГ ставит царей так и ниспроваергает царей не думайте Бог найдет кем спасти Израиль народ и землю когда мужчины слабы ГОСПОДЬ избирает женщину вспомните Девору

Ина 22.11.2012 06:02

Единственный и верный способ "отблагодарить" это трусливое правительство - это на выборах их выбросить на свалку истории. Главное, не забудьте, осталось два месяца.

А тебе на что 22.11.2012 06:24

Тьфу на вас на всех!

Зина Поселенка 22.11.2012 06:39

ЗИГИ.Ашдод +10000! Сами себе поют диффирамбы. А за что? За позор? За то, что сделали из страны посмешище на весь мир? За то, что прогнулись под Хусейна Заокееанского и блондинку? За то, что ХАМАС торжествует победу? За насмешку над милуимниками? Не удивлюсь, если обстрелы возобновятся вновь.. Надеюсь, выборы все расставят по местам..

Борис, Израиль Бат-Ям22.11.2012 06:40

Только предатели так могли поступить со своей страной!!! Этим главным в отставку а тот кто из кандидатов в премьеры крикнет что сотрет Газу того и выберем тот кто не будет смотреть на Америку и Европу. Россия на них не смотрит. А делает так как надо. Всю Газу в море!!!!

Лука 22.11.2012 07:19

вы хорошо поработали, убирайтесь с правительства.

Дмитрий, Арад, Израиль 22.11.2012 07:24

Бибирманы (Биби и Либерман) предали нас. Стыд, позор и разочарование. Сколько можно делать из нас идиотов? Пытаться выдать позорное поражение за блестящую победу?! То, что у израильтян короткая память - факт известный. Но очень хочется надеяться, что она не будет короткой настолько, и на выборах припомнят Бибирманам их "блестящую победу".

Милунник 22.11.2012 07:31

Люди отправим их в отставку, пусть правят своими секретаршами!!! Они думают что мы быдло, надо их разочаровать!!!

Walker, Israel 22.11.2012 07:34

Тупость, трусость или предательство? Какой бы ни был ответ, результат, к сожалению, один - готовьтесь к новым обстрелам, еще более сильным. Просто вспомним "Литой свинец".

Дед Мордехай 22.11.2012 07:34

Отлично поработали - отлично отдохнем!

Зина Поселенка 22.11.2012 08:14

Шульц. Европа. Попал ты, а не мы. Мы-то среди своего народа, как нам ни трудно, а мы, евреи, в своей стране. А ты там на положении "пришей кобыле хвост.." Придет время и тебе напомнят, кто ты такой.. Если прмеры из истории тебя ничему не научили - твоя проблема... Ты в курсе, кто учится на своих ошибках?

так вот 22.11.2012 08:42

А меня Либерман совсем не разочаровал. Потому что никогда за него не голосовала.

все, исраэл 22.11.2012 09:01

мля... меня лишили идеалов и веры в будущее.. я в дикой дипресухе.....

ALEX, ISRAEL 22.11.2012 09:13

Скажу честно я не могу уснуть от смешанного жгучего чувства стыда, обиды и позора! Но нашим государственным деятелям незнакомо подобное чувство. Мало того они ещё радуются и пытаются убедить простой НЕпростой еврейский народ, что всё "альхакефак"!

Alexandr, Европа 22.11.2012 09:43

Руководство Израиля показало, что может действовать решительно и жёстко и одновременно вести диалог по многим направлениям для решения конфликта со всеми сторонам.

Алекс 22.11.2012 09:56

Какое счастье что ребят не отправили в газу это бездарное правительство прос***рало все что можно. Как можно доверить этим людям вести войну? Как можно доверить им жизни наших ребят? Вспомните наше бегство из Ливана вспомните разрушенные еврейские поселения вспомните мармару. И самое главное вспомните что скоро выборы и не забывайте об этом

Дмитрий, Арад, Израиль 22.11.2012 10:07

Alexandr, Европа. Пойми - это не Европа, а восток. Здесь ментальность совершенно другая. Даже демократию арабы понимают по своему. Вспомни к чему привела арабская весна во всех странах, где прошла. Этот договор арабы воспримут, как беззаговорочную победу. Увидят, что можно поставить Израиль на колени, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Ира, Иерусалим 22.11.2012 16:08

смотреть противно....тьфу....

павел, петах тиква 22.11.2012 17:40

жесть, это не то слово... я после этих выступлений до сих пор в шоке и опомниться не могу. звонят знакомые из разных стран, спрашивают, переживают, а что им ответить? что наше правительство обоср...? что нас уверяли что мы сильное государство, готовое постоять за своих граждан, а на деле оказались трусами? пошли на соглашение с террористами которые давали клятву уничтожить израиль?

Недовольный, Арад, Израиль 22.11.2012 19:34

Впервые мне стыдно, что я - гражданин Израиля...Как теперь можно смотреть в глаза детям и внукам? Стыдно...

Смотритель, Северный Урал, Россия 22.11.2012 21:58

Сказал американский хозяин своему израильскому псу: "Фу-у-у-у!!!" И пёсик спокойно поплелся в свою полную блох конуру! И гордо рассказывает как он грозно лаял на врагов. Вот такими вы нравитесь всему миру. Мы вас таких вот очень любим.

Roman, Israel Haifa 23.11.2012 04:29

Теперь задача нашего всраного правительства как еще можно обобрать народ и вернуть истраченные деньги

.....22.11.2012 23:48

Мне больше нечего делать в этой стране

не в бровь-а в глаз 23.11.2012 13:50

смотритель - а ты сам чей пес? Китайский? Чеченский? У вас по Москве чехи по проходим стреляют, вам, русским, из окон поезжающих машин член показывают, плюют на ваши головы, убивают одним ударом русских студентов, ваших девушек во все щели.... - еще перечислить? Ты за своим приходом смотри, смотритель. А ТО УЖ БОЛЬНО ЗЕНКИ В НАШУ СТРОНУ ВЫПУЧИЛ, А В СВОЕМ ОГОРОДЕ ЧУШКАРЕЙ РАЗВОДИШЬ.

Смотритель, Северный Урал, Россия. 23.11.2012 18:29

Мы, русские, привлекаем негодяев к ответственности, а не мир заключаем с врагами по указке дяди Сэма. Стелитесь дальше, господа хорошие.

Совок 24.11.2012 08:49

На сайте партии еще сутки красовался лозунг "Цель - уничтожить власть Хамаса". Уничтожили власть НДИ. Цель достигнута - ведь уничтожили. Правда, не то, что хотели.

фф, Израиль 24.11.2012 12:30

Э.Барак: «Все цели военной операции достигнуты». А. Либерман: «Мы отлично поработали» - ТРЕПАЧИ!

ЛЕВ ИШАКОВИЧ ДЕБИЛОВ, КИШЛАК 24.11.2012 18:21

НАРОД ДЕРЖАТ ЗА ДЕБИЛОВ.

В конечном итоге я скопировал едва ли не половину, уж точно – не меньше трети.

Следует разъяснить часто встречающиеся (особенно вначале) упоминания о продолжающемся после вступления в действие перемирия обстреле. Уже из истории предыдущего аналогичного конфликта было известно, что после наступления оговоренного времени прекращения огня с противоположной стороны можно ожидать некоего истончающегося шлейфа остаточных обстрелов (а инженер передал мне, что и сразу по окончании нынешнего противостояния об этом по телевидению было предупреждено население). Объяснялось это как наличием значительного количества полунезависимых, полудочерних военизированных формирований, желающих продемонстрировать свою самостоятельность, так и общим желанием более слабой в военном отношении стороны последним отчаянным плевком в сторону противника самоутвердиться в собственных глазах и еще больше – в глазах влюбленного в своих героев подопечного гражданского населения, политкорректной частью еврейской прессы именуемого «невовлеченными в конфликт лицами». На сей раз шлейф обстрелов истаял за несколько часов.

Не мне высказывать энергичное мнение, что причиной тому, но некоторая истеричность, чувствуемая в откликах зманкомовцев в первые часы после объявления о прекращении огня, объясняется, быть может, ужасным разочарованием, какое испытываешь, бывает, от захватывающей пьесы с жеванным неясным концом. В нашем же случае, у сидевших перед экранами телевизоров был украден напрашивающийся, закономерный – венец справедливости – happy end: им не показали, на что способен их броненосный Тузик и как выглядит «порванная» им вражеская грелка.

Любопытно, что ни требуемое для полного happy end кровопролитие, ни психологические травмы, неизбежно получаемые его исполнителями, ни приносимые им самим жертвы, ни необходимость в случае оккупации колониального управления враждебным населением, психологию которого не изменить в обозримом будущем, не только не рассматриваются цитируемыми комментаторами, но даже ими не упоминаются. То есть, играя в политические шахматы, они делали ход, нажимали на кнопку часов, и... все. Что было им задаться, например, вопросом о результатах первого хода – американской оккупации, приведшей в Германии и Японии к одному результату, а в Афганистане и Ираке – к совершенно иному? Если Талеиран утверждал, что война слишком

серьезное дело, чтобы доверять его военным, то как выглядела бы война, ведение которой было бы доверено зманкомовцам?

Должен сказать тебе, Господи, что не меньше неожиданных поворотов мысли завораживают меня диковинные приемы их словесного оформления. Среди определенно выраженных и логично мотивированных реакций комментаторов внимание мое приковало на мгновение высказывание Галины. Есть ли связь между ее жизнью сразу в двух, правда близко друг от друга расположенных городах (Ашдоде и Ашкелоне), с ее убеждением в том, что Эхуд Барак «получил большие бабки... даже два раза». Почему два? Почему? Но теперь уже не узнаешь. А как много об искреннем возмущении ЗИГИ из Ашдода говорит то, что в возгласе «ПИЗД-Ц!!!» он заменил черточкой самую несущественную в слове гласную. А не яркое ли свидетельство глубочайшего разочарования Алекса – слово «прос***рало», в самый центр которого вдавил он не одну, а сразу три звездочки, не заменивших ни одной пропущенной буквы!

При электоральном большинстве, хитроумном умеренно, – оптимальная тактика для избираемого им руководства – прагматичная демагогия. Ситуация становится опасной тогда, когда на вершину власти пробивается параноик, аутентично выражающий желания простолюдинов, как это было в случае с Робеспьером, Наполеоном, Гитлером и Лениным-Сталиным. До «туманного столба» были еще основания для сомнений, кто есть г-н Либерман, но теперь сомнений таких у меня не осталось: г-н Либерман – не параноик. Я приглядывался к Инженеру и не наседаю на него с просьбой о собственных его политических выводах, чтобы не вызвать защитную реакцию, которая могла бы исказить естественный процесс переваривания им вновь сложившейся реальности. Я нашел, что он скорее был озадачен, чем разочарован.

Но я не зря давно уже оценил человеческую честность Инженера и полюбил его за нее. Стоит отметить, что люди простодушные, наивные в своей основе, часто оказываются обладателями хорошей, здоровой интуиции. С тех пор, как он стал все чаще пересказывать мне речи своего приятеля и политического оппонента Е. Теодора, и заметив, что у меня при этом отпадает желание самому ввязываться в спор с моим славным квартирохозяином, он стал гораздо охотнее передавать мне мысли и высказывания своего приятеля-политического-недруга. На сей раз, улыбаясь, он поведал мне о бурной реакции Е. Теодора на отзывы русских и на всю ситуацию вообще. Он просто наслаждается ею, рассказывал Инженер, его радует (передаю дословно) – «бунт воцерковленных дятлов прихода Корундоловский, долбящих запертые двери храмов Либермана». Великие и ужасные события, утверждает будто бы Е. Теодор, рождает взаимодействие резонансного характера между гневом толпы и призывами параноика, способного выразить и олицетворить накопленную коллективную злобу и сформулировать ее суть с точностью сдачи, получаемой при оплате лекарств на кассе в аптеке. Так было с немцами и Гитлером, с русскими и Лениным-Сталиным, и его, Е. Теодора, внутренности (будто бы жаловался последний по словам Инженера) уже сводило судорогой от мысли, что русские евреи и Либерман слипнутся в соитии такого же рода. Но Либерман оказался не параноиком, радовался Е. Теодор, а только притворщиком и ловким и успешным симулянтом паранойи! «Какое счастье! Браво, Либерман! Viva Авигдор!» – восклицал он, по словам Инженера. Он еще сказал, добавил Инженер, что ему становится жалко Либермана: «Ведь стоит медведю оступившись, попасть лапой в яму, и затравят его рогатинами мерзавцы зманкомовцы».

Итак, положим, этот Е. Теодор прав, и Либерман – не параноик, но являются ли параноиками русские люди? Возвращаясь к чеховской формулировке, по-прежнему ли все что остается в данной ситуации Е. Теодорам – это только махнуть на них рукой и отойти?

И еще один вопрос занимает меня – что будет теперь с Либерманом, удастся ли ему вернуть себе расположение зманкомовцев? Ведь таким воодушевляющим, логичным и гениально простым был его политический рецепт:

«Так же, как дыра в заборе провоцирует вора на кражу, слабость и уступки провоцируют террор. Единственный путь прекратить насилие и террор... — немедленная тотальная реакция. ...любая провокация с их стороны будет встречена массивной и непропорциональной реакцией... Поэтому в том случае, если нас будут провоцировать, мы должны стать

стороной, идущей на эскалацию, а не заикаться и колебаться, мы должны быть готовы идти до конца. Наш ответ должен быть сокрушительным».

И ведь это он писал:

«Эхуда Барака у руля государства сменил Ариэль Шарон — прославленный полководец, на протяжении всей своей политической карьеры декларировавший на словах принципы, очень близкие моим. Увы, скоро выяснилось, что Шарон страдает застарелым пороком большинства израильских политиков — острым расхождением слов и дел».

Интересно, вычитывал ли господин Либерман этот текст? Может быть, он задержался на этих фразах, хотел исправить их хоть бы из традиционного у русских патриархального уважения к старшим или, пусть его, – из верности хронологическим последовательностям, написав, что *«Шарон декларировал принципы, к которым были близки и мои собственные»*, но был отвлечен звонком, сообщавшим о проволочках с поставками лесоматериалов или платежей за них.

Но не такой уж он, представляется мне, политический гений, не такой блестящий актер, чтобы с точностью морской чайки огибать волны инстинктов его электората. Просто стиль его и инстинкты до сих пор совпадали со зманкомовскими. Зманкомовец ведь – не злодей какой-нибудь. Утверждение, что самый верный и быстрый способ добиться женщины – это врезать ей кулаком в глаз, а потом приставить нож к горлу, он отвергнет с возмущением. Это не его пропорция. А с пропорцией Либермана зманкомовец чувствовал себя легко и комфортно. И как поступит теперь Либерман? Убедит верных и почитающих его, что ответ и был тотальным, массивным, непропорциональным и сокрушительным? Что в эскалации, в военных действиях дошли до конца? Выждет ли какое-то время и затем вернется, как ни в чем не бывало, к грозной риторике, рассчитывая, что ее ласкающие русскую душу психологические массажные пассы уврачуют эту самую душу, смягчат недовольство, погрузят ее в нирвану, окунут в благую забывчивость? Или изобретет что-нибудь сногшибательное и неожиданным маневром критическую ситуацию развернет на сто восемьдесят градусов, обратив временное электоральное отступление в последующую победу и проявив в полной мере талант народного вожака? Или поможет ему правосудие, надев на непокорный лоб его терновый венец, и превратит в глазах зманкомовцев в мученика, в фому фомича, изгнанного и возвращающегося в кфар-Степанчиково – село на Ближнем Востоке?

Перечитываю сейчас только что написанное и скопированное – и кажется мне, что когда-нибудь, по возвращению на небеса, вспоминая свое нынешнее писанье-печатанье, вовсе не результаты нынешних мыслительных усилий своих в толковании наблюдений буду еще и еще раз перебирать в уме, но только курсив цитат и будет стоять перед моими глазами. Нежный шрифт этот, по неизвестной мне причине названный *“Italic”*, и в самом деле напоминает живопись великих итальянских мастеров – так подробно, полно и точно отражает он биение русских душ на ветру истории. И чудится: уловив умиление мое, ты кладешь мне, Господи, на плечо длань свою и произносишь прочувственно, как только ты один и умеешь: «Таким вы мне больше нравитесь, маркиз! Ведь все они там, на Земле, – мои дети, все – немножечко русские!»

Mon ami!

Чувствую, как переменялся я за годы, проведенные мною в близости к тебе. Кроме того, на прошедшие со времени выхода моей книги о России годы пришелся период окончательного становления искусства слова. План – ограничиться лишь тем, чтобы собрать эти письма в некое подобие политического памфлета, как это было сделано когда-то, вызывает ныне во мне чувства неудовлетворенности и уныния.

Развитие разума, требуемое для непоэтического словотворчества, отстает от эволюции чувств и произведенных под их диктат творений. Не случайно человечество родило вначале поэтов, затем архитекторов и художников и лишь к концу моей земной жизни на родине моей, во Франции, литературное дарование Флобера сравнялось наконец с Праксительевым даром ваяния и живописным гением великих итальянцев.

Скромный литературный эскиз, который рискую представить высокому суду твоего безупречного вкуса, вкладываю я в это письмо.

Утром любого времени года, в несчастливой Франции моего отрочества, проснешься, и сразу, еще до звона светлой струи в сирени ночной вазы севрского фарфора, прежде погружения мадлена в чай (досадного для прислуги и матери из-за намеренной его проказничающей неспешности), гадаешь, бывало, какие гости соберутся ныне вечером в салоне матери, какие выведенные из их речей открытия унесешь в черноту спальни, какие образы засыпающим сознанием будешь пытаться удержать, словно вырывающийся на ветру газетный парус, таращась в темные, цвета застывающей крови вертикальные низкие волны драпированных тканями стен и в близкие белесые холмы одеял и подушек. И ежели выяснишь, что в планах матери – лишь вечернее рукоделье пред свечами после дневных хозяйственных распоряжений, с каким разочарованьем бросаешься обратно в постель для унылого рукоблудия.

Но если слышишь, что прибудет блистательный франсуа-Рене Ш. или великая госпожа де Сталь, греховная детская забава уподобляется дразнящему воображение шепоту с обещанием вечернего чтения глав испытующего юный разум романа, только-только вышедшего из-под пера одного из тех виртуозов мысли, какие были в наличии на европейском континенте, современном моей далекой юности.

В ближневосточной мини-России начала XXI-го века, предаваясь страсти собирания родственных чешуекрылым ветреницам мотыльков русского сознания, я с неизменным вожделием едва дожидаясь утром пробуждения своего спутника, чтобы вместе нам открыть сайт Zman.com, нетерпеливо и без внимания выслушиваю перевод статей его авторов, хотя и они бывают любопытны, особенно, когда их содержание пропитано идеологическим эликсиром, вызывающим в памяти моей воспоминание о шпанских мушках или легендарном «конском возбuditеле», сокрушающая любую невинность сила которого восхвалялась норманнскими ребятишками в связи с их авантюрными планами в отношении взрослых женщин. Или когда осторожными ласковыми поглаживаниями автор направляет осадок, оставшийся у зманкомовского читателя от дурного сна, или его огорчение из-за вчерашней поломки стиральной машины в то место, где-то у основания черепной коробки, где они (осадок и огорчение) наконец переплавляются окончательно в неприязнь к «левонарезанным» политическим оппонентам автора статьи. Но взгляд мой, подгоняя инженеру руку, вращающую колесико компьютерной мыши, нетерпеливо устремляется вниз – туда, где порхают гнев и осуждение, куда слетаются с полей социальных пособий русские пенсионеры, суетятся и ссорятся, отбирая друг у дружки порции интеллектуального корма, на скорую руку приготовленного для них в кормушке Zman.com.

Мой друг улыбается, когда, при виде первого, ночного еще комментария, я отнимаю у него, у единственного моего друга здесь, покладистую, еще менее живую, чем я, мышь, кладу ладонь на покатую послушную спинку ее. О! С каким наслаждением отлавливаешь первую за утро Зину Поселенку, уверенным Сору-Paste переносишь ее послание на лист формата A4 редактора word. (Инженер сказал, что в его советской юности формат этот назывался 11-м. «Как правый крайний нападающий в футбольной команде», – добавил он и первым из нас двоих засмеялся, радуясь символическому трехсловному сочетанию «правый крайний нападающий», выросшему из его речи как фиалка в проталине дряхлого, небритого, словно заросшего серой щетиной снега, чей цвет ровен и непривлекателен, каким намеренно избран и фон background-a word-a, чтобы на нем ярче и контрастнее расправлена была моя Zman.com-энтомологическая коллекция). От более ранних трофеев кисточкой Format Painter цепляешь кегль и гарнитуру шрифта чьего-нибудь подвернувшегося первым имени. Аккуратно, чтобы не задеть собственно текст, словно гладишь кистью «ник» автора комментария. Нежным наклонным Italic словно придаешь тексту романтическое сходство с поэтической цитатой. Так радуешься безмятежному садизму вопросов: «Сам сообразишь, или тебе объяснить?» Удивляешься бесконечному исправительному терпению: «Ты в курсе, кто учится на своих ошибках?» Любуешься авторитетностью назиданий: «Глупость – она безгранична и бесконечна, и ты – пример этому». Оцениваешь ее логику: «Тот, кто делает в четырех предложениях три ошибки, не имеет права говорить о смысле», – и находишь ее безупречной. И готовность, готовность к действию матерой, закаленной осы-

наставницы, жужжащей просветительницы с тонким жалом наготове: «Демократи-слово греческого происхождения. Демос-народ, кратость власть. Запомнил? Идем дальше». Единственная оса – изюминка в коллекции бабочек. Т-с-с, молчите, не рассказывайте Зине о возможности писать текст в редакторе со спеллером и лишь затем копировать его в окошко комментариев Zman.com. И малейший прогресс может повредить очарованию, испытываемому от наблюдения за экземпляром возможно исчезающего вида, поражающим чистотой био-интеллектуальных признаков. Продвигаясь, будто перехватывая обеими руками канат, по цитатам, методично используемым ею, скоро приходишь к точке крепления этого каната. О! Как хотелось бы мне заполучить для приложения к своей коллекции тетрадку с выписанными ее рукой афоризмами знаменитых людей. «Те, кто сомневаются в существовании бесконечности, пусть вспомнят о человеческой глупости», – судя по частоте использования именно этой цитаты, Вольтер – особо ценимый, если не любимейший ее философ. Боже, мне страшно подумать, какое разочарование ждет ее, что может стать с ней, когда узнает, что человеку по имени Вольтер принадлежит изречение: «Если у евреев появится своя страна, они тут же ее продадут»? Не внесет ли сумятицу в ее голову эта фраза, не вынудит ли ее сменить координаты человеческой глупости?

Но разве другие мои трофеи плохи? Разве коллекция моя серокрылых слов – не порхающий на ветру пепел человеческих мыслей? Признаюсь, единственное, что позволил себе подправить, – во многих случаях хлороформом пробелов, изначально опущенных, я усыпил бьющий крыльями исходный текст.

Гляжу на свою коллекцию и сквозь века вижу, как Иудейский пламень купины неопалимой стал сжигающим корабли греческим огнем, арианским, монофизитским, несторианским, халкидонским. Перекинувшись спустя несколько веков через Понт Эвксинский в Россию, он оставил в ней на удивление мало пожарищ. Так сходу, кроме Pussy Riot, и вспомнить нечего. Ну, Никон, ну, старообрядцы, ну, ересь жидовствующих. Всего-то? Религиозный жар Ивана IV был скорее случайным орудием, каким в другом случае стал для него посох в размолвке с сыном. То есть окунули однажды нестроптивных русских язычников, выпустили их из днепровской воды уже мокрыми русскими христианами, которые обсохли, отогрелись... и все. А во время большевистской смуты пальцем не шевельнули, чтобы остановить разрушение храмов. Так может быть, дело вовсе не в русских, может быть, это ближневосточный бумеранг древних баталей за символ веры Александрии, Антиохии и Царьграда облаком бабочек, непримиримо, неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно шелестящих триединым: «Анафема! Анаф-фема! Анаф-ф-фема!» – пронесшись в веках над снегами России, вернулся на родину, когда сами эти великие патриархии, по русскому выражению, уже «накрылись медным тазом» с зеленой патиной ислама и под ним потомки тех же народов продолжают, как ныне в Сирии, терзать друг друга? Ухватив за горлышко с мрамора Инженеровой кухни, я принес себе бутылку бренди, произведенного в траппистском монастыре в Латруне. От аббатства La Trappe, Normaundie. Неподалеку – младенческое мое убежище от обезумевших французов. Но сейчас перед глазами – крест тамплиеров на стеклянном лбу бутылки, и игривая мысль моя лепит образ: если оттянуть у зманкомовца крайнюю плоть (не удаленную из-за коммунистического запрета), на нежной внутренней ее стороне вижу татуированный крест, не один из наших, католических, не простенький – так и не сведенный со лба здешней эфиопской возрожденной иудейки, но основательно, добротнo и прочно сработанный православный станок для распятия – с нижней косой поперечиной и двумя верхними горизонтальными: верхней – меньшей и средней – большой. Когда же, наливаясь кровью, укрепляется носитель крайней плоти, обнажается крест... переворачивается, обращаясь не то мечом, не то кинжалом! Но не грозит сие орудие! Поперечина верхняя, малая, неудобной для охвата делает ручку клинка, поперечина косая нижняя не дает вонзить его глубоко! О! какое благодостное видение!

Mon ami!

Когда мы встретились утром за завтраком, Инженер выглядел озадаченным. Я подумал поначалу, что причины у этого могут быть сразу две. Первая из них – беспокойство из-за задерживающегося возвращения нам автомобиля, который после обнаружения неисправности указателя уровня бензина в баке был отдан в ремонт однокласснику Инженера Паше, чью любопытную историю, рассказанную мне Инженером, я приведу после того, как изложу события этого утра. Второй причиной могло послужить ночное происшествие, из-за которого друг мой мог чувствовать себя невыспавшимся.

Я был разбужен около трех часов ночи странными скрипами и постукиваниями, причиной которых никак не мог служить обычный ночной поход в туалет Инженера, разбуженного возрастным давлением увеличенной простаты. Дикость родившегося в моем мозгу нелепого подозрения, будто Инженер затащил-таки к себе в постель какое-то животное и что именно его сопротивление рождает эти шумы, может быть извинена лишь внезапностью моего пробуждения. Тем не менее, я резво вскочил с постели и выглянул из своей спальни. В коридоре я увидел заспанного Инженера, который недоуменно пялился на меня, и нам обоим стало ясно, что странные звуки доносятся из кабинета. Это вполне мог быть голубь, залетевший в открытое окно, но оказалось, что шум исходил от принтера, который был недавним приобретением Инженера, каковое он считал очень удачным, потому что большой черный настольный прибор стоил меньше дневного заработка Инженера, но поддерживал беспроводную связь с компьютерами, обеспечивал двустороннюю печать и был не только принтером, но еще и сканнером и факсимильным аппаратом. На прошлой неделе терпеливой девице-агенту по сбыту удалось уговорить слабовольного Инженера поднять скорость в интернете до 100Мб и сменить роутер HОT на Netvision. Вчера утром в оговоренное время явился техник, удивительно похожий на слугу итальянца, который сопровождал меня полтора столетия назад в поездке по России. Такими же спорными и толковыми были его действия, так же легко и уверенно, как когда-то мой славный Антонио, улаживал техник по телефону проблемы с девицей, которая представилась мне сидящей где-то в центре паутины, связующей Инженера и меня с засевшими на других кончиках нитей зманкомовцами. И только принтер отказывался работать. Техник, вначале недоуменно хмурившийся, вскоре объявил причину – закончилась желтая краска. Когда Инженер на подменной машине, выданной ему страховой компанией на время ремонта его собственной, съездил в магазин, в котором был приобретен сам аппарат, и привез оттуда новую капсулу, заменив ею отработавшую, сообщение об ошибке исчезло. Телефонный звонок отвлек Инженера от контрольной проверки, и вот ночью прибор вдруг затарахтел и выдал фотографию, которую безуспешно пытался распечатать техник, пока не выяснил суть неисправности. Из черного чрева толчками выдвигался фотопортрет Инженера, гладившего в сафари Рамат-Гана гриву смазливового ослика.

Но причина его задумчивой вялости оказалась совсем иной.

– Мне приснился странный сон, – объяснился он, – будто мы с вами, маркиз, на конечной остановке трамвая подтащили стоявший в сторонке вагон, поставили его на рельсы, а следом за нами в него вошел высокий мужчина и стал в угол, прислонившись к стене. Я узнал в нем Башара Асада. «Что, все?» – спросил я его, и он грустно кивнул в ответ. Его отец, определенно, понимал русскую речь, но оказывается – и сын тоже. И мне вдруг стало жаль его. «Вы что, вот так, совсем один? Без охраны? Может, я позвоню нашим?» Он отрицательно качнул головой. «Может быть, я свяжусь с русскими?» Но он опять отказался. Он едет в изгнание, в Америку, понял я. Тут в вагон вошла моя теща. Она вовсе не так умна, как ее дочь, с которой я в разводе, но очень твердо всегда держится своих убеждений. «Я его знаю, – сказала она, – он из Иордании!» «Ну, что вы, нет, – поправил я ее, – он из Сирии». «Нет, – из Иордании, это точно. И по телевизору сказали, что он – плохой человек». Башар Асад обиделся и вышел из трамвая. Вагон продолжал движение, а он стоял внизу под насыпью, в какой-то канаве, но все такой же прямой, только еще грустнее был его вид. И мне было его так жалко во сне.

Мы переглянулись, скептически улыбнулись друг другу, помня о нелепом ночном происшествии, но тем не менее вдвоем направились к компьютеру. Вестей о падении Асада не было, вообще не было никаких

известий, связанных с Сирией, кроме вот этой заметки, опубликованной на сайте NEWSru.

11 ЯНВАРЯ 2013

ИОРДАНИЯ И ПА ОТКАЗАЛИСЬ ПРИНЯТЬ ПАЛЕСТИНСКИХ БЕЖЕНЦЕВ ИЗ СИРИИ

Власти Иордании и Палестинской автономии отказались принять палестинских беженцев, оказавшихся вовлеченными в гражданскую войну в Сирии.

Премьер-министр Хашимитского королевства Абдалла Энсур заявил, что иорданская граница будет закрыта для палестинских беженцев из Сирии в связи с опасениями, что этот прецедент может быть использован Израилем для депортации палестинцев с территорий Западного берега.

Глава Палестинской национальной администрации Махмуд Аббас также отказался от возможности принять палестинских беженцев из Сирии на Западном берегу или в секторе Газы в рамках выдвинутого ООН при согласии Израиля предложения.

По словам Аббаса, он был вынужден отказаться, поскольку Израиль обусловил свое согласие требованием, чтобы сирийские палестинцы подписали документы об отказе от возвращения на территорию Израиля.

"Пусть лучше они погибнут в Сирии, чем лишатся права на возвращение", - заявил находящийся в Каире Аббас в интервью египетским СМИ.

Таким образом, единственной страной, согласившейся принимать палестинских беженцев из Сирии, остался Ливан.

Инженер хмыкнул, и я с удивлением спросил его, что смешного нашел он в этой корреспонденции. Он ответил, что представил себе реакцию Е. Теодора на эту заметку.

– Величие духа по-арабски! – самодовольно продекламировал Инженер.

Должен заметить, что эта ирония в отношении соседнего народа мне не слишком понравилась вне зависимости от того, была ли она порождением ума самого Инженера, или действительно – верным отражением образа мыслей Е. Теодора.

Инженер, нахмурился, почувствовав неодобрительное мое отношение к проявленному им высокомерию в отношении «двоюродных братьев» – арабов (такой эвфемизм общепринят, как я понял, во всех слоях еврейского общества, кроме зманкомовцев, которые, кажется, и столь невинную замену почитают для себя нестерпимо оскорбительной). А я вдруг подумал – ведь именно нашего европейского высокомерия и патернализма, может быть, и недостает Инженеру. Именно потому, что он – русский. Ему недостает нашей истории, нашего опыта. Он неспособен отнестись к окружению своей страны как к дождю или туче, не может он приподняться на воздушном шаре исторической мудрости над соседними племенами. Римляне видели варваров в галлах, галлы варварами почитали британцев, вместе в дикари зачислили они германцев, те несомненное свое превосходство ощущали над славянами. Все вместе как дождь и росу воспринимали уроженцы Европы население громадных колонизируемых пространств. И что осталось в этой цепочке русским? Одни монголы, которые их к тому же покорили на время! Поневоле соскальзывают они до эмоционального равенства с окружением. Не способны они подобно нам регулировать процессы рассудочно, отключив эмоции и руководствуясь как при дожде лишь практическими соображениями орошения, ирригации и отвода излишней влаги. Они одухотворяют дождь, используют воду, а потом проклинают потоп и грозят ему кулаками. Может быть, лишь пройдя через высокомерие и изжив его, можно прийти к подлинной высокой терпимости. Инженер рассказывал мне, как после того, как Эхуд Барак вывел войска из Ливана, с двух сторон забора собрались две толпы и глазели друг на друга в молчании. Вдруг с этой стороны кто-то поднял руку, протянул ее в ливанском направлении и ребро ладони другой руки приложил к основанию первой у самого плеча, тем самым предлагая полюбоваться ливанцам на них наставленным фаллосом-Алексеем длиной в руку примерно. И немедленно на другой стороне поднялись в ответ десятки ног, тоже будто отсекаемых у бедер. Двумя руками придерживаемые Алексеем (длиной уже в ногу) направляемы были на обидчика. Ох, как жаль, что не привелось мне самолично наблюдать сей спектакль-оргию с попранием достоинства и достойным отмщением, увидеть своими глазами великолепие аутентичного восточного буйства!

Пока я размышлял, а Инженер еще раз перечитывал записку, барометр его настроения уже перестал показывать «ясно», он нахмурился, стал похож более на подпоясанного монаха или дервиша в длинном платье, нежели на инженера-естественника, и рассудительный позитивизм последнего уступал место метафизической горячности.

– Либерман прав! Он тысячу раз прав! Разве вы сами по такому подходу даже к своим собратьям не видите, что это за люди?! Разве с ними можно хоть о чем-либо, хоть когда-нибудь договориться?!

Настойчиво-штопорное выражение принимают лица практически всех без исключения людей, когда они пытаются теплой еще и влажной от слюны жевательной резинкой своего кредо залатать прореху в убеждениях собеседника, а заодно удостовериться в крепости собственных. Как мужчинам не требуется ощупывать фаллос, чтобы проверить его твердость, а женщины не предваряют соитие влагомерическими испытаниями, точно так же и политический спор на Ближнем Востоке – излишняя прелесть к немедленным боевым действиям.

– Разве «два государства для двух народов» – это их цель? Они хотят выгнать всех евреев из своего будущего государства и заполнить арабами наше! Им нужны полтора государства для одного народа! Но это только для начала! Им нужно все!

– Послушайте, маркиз, – не было никакой возможности воспрепятствовать повторению Инженером истин, которые обязан каждый европеец по убеждению самого Инженера и многих его соотечественников выслушивать (и выслушивает!) по несколько раз на дню, – им же предложили разделение с самого начала, они отказались, начали войну. Они убежали числом больше полумиллиона, наших убежало примерно столько же от них – чистый бартер. И какое отношение имеют их беженцы к тому, что построили мы здесь за шестьдесят пять лет? Им – компенсацию, нашим – компенсацию. Нам достанется больше, мы уже подсчитали! – подмигнул мне Инженер. – Даже этот левак, Е. Теодор, написал в своей книжке, что согласится на возвращение всех их беженцев, только если они вернут к жизни всех убитых во всех войнах, которые велись здесь из-за их упрямства.

– Это авторский текст, или это говорит герой его книги? – спросил я.

– Какая разница! Принцип верен! – Инженер был очарован мыслью своего приятеля. Якобы «левачество» последнего многократно усиливало в глазах Инженера неоспоримость выдвинутого им условия.

– Либерман! Только Либерман! – воскликнул он.

Лучи утреннего солнца через окно кабинета падали на стену, на которой висел портрет Либермана и, как мне показалось, сделало заметным, что недавний приступ аллергического насморка Инженера не прошел даром и для портрета – не крупная светлая каракатица устроилась, правда, не на самом Либермане и даже не на его костюме или галстук, а только примостилась на соединении планок белой рамки. Инженер уловил направление моего взгляда, дунул на портрет, и стало очевидным, что это был лишь зацепившийся за неровность мизерный обрывок бумажной салфетки, которой Инженер стирал пыль с иконы.

Был ли я так же предвзят, как в своем предположении о причине загрязнения портрета, когда внимательно глядя в глаза Инженеру, в мыслях будто перенесся на пятнадцать веков назад – в Левант во времена горячих споров монофизитов со сторонниками единой божественно-человеческой природы Иисуса? Вот возбужденные монахи берут в плен епископов, заставляя их подписать чистые листы, куда потом будут внесены единственно правильные слова, ведущие к спасению. «Смерть ему!» – кричит толпа и избивает до смерти патриарха, по живому, как представляется им, режущего тело Иисуса на бога и человека и своей ересью отнимающего у праведных счастливое бессмертие душ. Или вот солдаты византийского императора Ираклия, желавшего примирить ради пользы империи две христианские ветви – халкидонцев с монофизитами, приблизили горящие факелы к телу коптского мученика Мины, брата патриарха Вениамина. Уже с боков его сочится и каплет на землю жир, когда выбивают ему зубы, сажают в мешок с песком, погружают в море. Трижды извлекают его из воды и спрашивают, готов ли он признать истину халкидонского Вселенского Собора. Но непобежденным скончался святой муж, христианин Мина, будто через повторное крещение казненный...

Но теперь подошел я наконец к рассказу о мусахнике Павле, однокласснике Инженера. Если милуимник, как я уже сообщал, – это резервист, то мусахник – это работник авторемонтной мастерской. Благодаря русскому «-ник» оба эти слова легко вытеснили оригинальные русские термины и вошли в разговорный обиход здешних русских так же легко, как французские *déjà vu*, *c'est tout* и *cherchez la femme*. История эта поучительна в том плане, что до некоторой степени разрушает стереотип, согласно которому: миллион русских – миллион крайностей, – что поднимает ее в моих глазах до высоты притчи.

ПРИТЧА О МУСАХНИКЕ ПАВЛЕ

Одноклассник Инженера Павел Соловейчик рос задумчивым мальчиком, за что был третируем порою их общей учительницей, Зинаидой Григорьевной, и по окончании автомобильно-дорожного института получил распределение на транспортную базу. В лихие 90-ые он заболел страстью к иномаркам, своей не имел, но в пригнанном ему для технического осмотра Мерседесе ради чистого удовольствия разбирал иногда полностью сложный узел, раскладывая детали на белой тряпице, когда нужно-то было всего лишь поменять смазку. Новые русские уважали «профи», спрашивали, где учился. Им шептали не без гордости, что окончил МАДИ. Сам Павел говорил в лучшем случае «закончил», а иногда – просто «кончил автодорожный институт», чем вызвал однажды смех студентки-филологини, одной из тех, что ездили на задних сидениях Мерседесов. «Так вы в институт кончили или мимо?» – весело спросила она. В углах глаз ее ветвились тончайшие ручейки красных прожилок, а в багажнике стояла коробка с шампанским «*Veuve Clicquot*» и валялись две уже пустые бутылки. Она была самая раскованная и красивая из девиц на задних сидениях, и Павел влюбился в нее. Он возмечтал увидеть, какие трусики надеты на ней, и однажды ему повезло – он находился в соседней смотровой яме, когда она выбиралась из салона черного авто, и тогда он увидел, что трусиков на ней нет. Это потрясло его, и он уехал в Израиль, где принял имя Файвель.

В авторемонтном предприятии, мусахе, или как его здесь еще называют, гараже, на работу в который приняли Файвеля Соловейчика, в основном, работали «марокканцы» – жизнерадостные, иногда смуглые, иногда не очень евреи из Марокко. Дружелюбие, выражаемое ими русскому мусахнику, заверялось печатью с размаху опущенной на его плечо тяжелой ладони, но никогда они не дергали его осторожно за мочку уха, не похлопывали ласково по скуле, как нередко случалось при их общении между собой. «Файвель, принести тебе кофе? – спрашивали они. – Сколько сахара класть?» Файвель смущался, отказывался и сам никогда не предлагал им такой же услуги. Их громкие, *full volume*, голоса раздражали его. При неожиданном близком крике он едва успевал удержаться, чтобы не втянуть голову в плечи. Ему хотелось иногда запустить в крикуна тяжелым торцевым трещоточным ключом с угловым шарниром. Замечания их о жизни были лаконичны и казались ему не лишенными логики. К музыке их, к тряскому пению, которое будто насильовала вертолетная дрожь, он привыкнуть так и не смог. Настоящую, последнюю печать ставила на ремонтной ведомости двадцатитрехлетняя «марокканка», которая оформляла заказы и отвечала на телефонные звонки. Возвращая Файвелю документ, она смотрела ему прямо в глаза легко и просто, как русские женщины смотреть не умеют. Это очаровывало его. Он стал все чаще и чаще оказываться поблизости от ее телефона, от стопки с документами, от ее чашки на столе, пока жена хозяина мусаха не заметила этого кружения, похожего на брачный танец журавля, и не сказала ему: «Файвель, женись на ней, она принесет тебе семерых детей». Он понял, что так и случится, даже если он будет «кончать мимо». К этому Файвель не был готов, он взял расчет, даже не найдя еще нового места работы.

В следующем гараже, куда он устроился, работало немало арабов. В это время машин покупали все больше, фирмы хайтека стали предлагать своим работникам автомобили по лизингу, гараж расширялся, и арабов принимали на работу все в большем количестве. Давно уже прошло то время, когда впервые жестокость терактов поразила Файвеля, но приступы ненависти сотрясали его при каждом новом происшествии этого рода. Он покупал на выходные номер главной русской газеты

патриотического направления. В качестве политических комментаторов в ней в основном выступали женщины, в качестве женщин они были в основном фурии, а в качестве фурий изъяснялись в основном пафосно. Позже, когда Интернет стал обыденностью, возвращаясь с работы по будням, Файвель торопился заглянуть в Zmap.com. В то время его начали смущать мысли о работавшей кассиршей в ближайшем к его дому супермаркете арабке, упакованной в черное платье, похожее на костюм подводного ныряльщика, но с юбкой до пят. Из овального окна плотного капюшона выступал в нижней его части подбородок почти до скул, а сверху видна была половина лба. Из-за этого наряда он никак не мог понять, сколько ей лет. Не больше двадцати семи, решил он. У нее был римский нос и длинные темные глаза. Она была красива незнакомой, непривычной красотой. Экзотичность ее интриговала Файвеля. Женщина, в конце концов, заметила его интерес, и однажды глянула на него, и было в этом взгляде столько победного высокомерия, сколько может быть только в закутанной в черное неприступной женщине диковатого племени. Он стал делать покупки в другом магазине. Арабы на работе не хлопали его по плечам, были, пожалуй, даже вежливей и предупредительней «марокканцев», но говорили между собой на чужом, совсем непонятном ему языке. Он не перестал опасаться их, но неразборчивая ненависть ушла.

На добросовестного Файвеля обратил внимание оценщик страховой компании, после чего Файвель открыл свое дело. Что-то они там вместе легонько комбинируют, владельцы автомобилей в курсе и получают от них возврат самоучастия. Когда выигрыш особенно велик, совестливый Файвель Соловейчик делает взнос в приют-убежище для избиваемых жен. Политические взгляды его смягчились без катарсисов и духовных переворотов. Имела место постепенная эволюция взглядов. Он живет холостяком и голосует за центристские партии.

«Israel Goes Russian.»

Nelly Gutina

«He дай бог!»

Е. Теодор

Mon ami!

Ну вот, пригласил все-таки Инженер этого самого Е. Теодора к себе. Вместе с ним пришла и Ирэна, которая и оказалась той самой долговязой девой, с которой познакомился я не так давно. Я подал ей руку, она сжала ее между своими ладонями, хитро улыбнулась мне и почему-то погрозила пальцем. Она была в просторной блузе и шароварах или их подобии. Возможно, из-за ее худобы все было ей как будто велико, как великоватой порою выглядит военная форма на новобранце. Потому, может быть, показалась она мне похожей на высоченного и худого оловянного солдатику, прошедшего через огонь и воду, сначала чуть оплавленного, а потом немного намокшего. Последнее впечатление усиливалось еще и тем, что волосы ее, агрессивно высветленные, были коротко острижены и зализаны, а сквозь белизну ее лица на висках готова была вот-вот проступить зябкая синева. Вчетвером (двумя странными для постороннего взгляда парами) мы расселись за овальным столом в гостиной Инженера.

Татарского происхождения слово «сабантуй» с приложением «скромный» употребил Инженер для именованной организованной им встречи, описанию которой предпослал я, как ты, несомненно, заметил, два эпиграфа, которые выставил здесь не только потому, что они отразили содержание наших бесед этим вечером и ночью, но и для придания торжественности посланию, которому назначено стать последним, и о котором знаю, какою просьбой к тебе оно завершится.

Ни здесь на Земле, ни там, на Небесах, никто не знает точно, какими потоками текут к тебе отсюда сведения о людской жизни. Одни полагают, что посредством жарких молитв, другие думают, что ничуть не хуже достигают тебя молитвы неосознанные и непроговоренные. Есть и такие, кто верит, что ты сканируешь жизнь подобно поисковой машине Google, откладывая на приближенных к Небу серверах лишь то, о чем до сих пор не знал или не догадывался. Свои послания к тебе я фиксирую на материальном носителе, каковым служит мне жесткий диск ноутбука Инженера. Ему письма мои и достанутся, и я не знаю, как он

распорядится навязанным наследством. Может быть, записями моими останется он недоволен, как недовольны бываем мы своим отражением в зеркале, и будучи от природы человеком мягким и деликатным, не стирая их, будет он ждать, пока выйдет из строя диск и записанное на нем безвозвратно исчезнет.

В отличие от регулярных встреч за семейным столом, принятых во французской провинции, «сабантуй» (первоначально – праздник начала весенних полевых работ у татар) в русском застолье подразумевает если и не ежегодную, то все же достаточно редкую встречу, которую предвкушают и ждут, и для каковой у людей образованных накоплены бывают ворохи новых впечатлений и мыслей.

В местном ресторанчике заказал Инженер по телефону креветок в масле, «подпрыгнутую курицу» (по шутливому выражению его, то есть ломти которой повар подбрасывает на сковородке вместе с овощами в процессе приготовления) и порцию поаеа. Под еврейский Новый год, воспользовавшись сезонными скидками, создал Инженер небольшой запас красных вин, в которых он различает не букеты, не место и год урожая, но цены и способность растворять холестерин. Как схожи по размеру и форме лысины Е. Теодора и Инженера, так мало, полагаю, отличается их отношение к вину, которое французы, как заметил один русский писатель, пьют за едой, а русские – в любое время. Начало «сабантуя» прошло на французский манер, далее, когда креветки, курица и рулет с грибами уже перекечевали полностью в наши желудки, мы продолжили по-русски. И вот о чем шла речь.

– Я правильно вас понимаю? – мой первый вопрос адресован Е. Теодору. – Если русскому человеку Чеховым предписано было выдавливать из себя раба, то вам по капле следует выдавливать из себя русского человека?

– Маркиз, ну что вы так взъелись на русских? – отвечал Е. Теодор, морщась. – Ей-богу!

«Скажи, против кого ты расист, кроме евреев, и я угадаю, какой ты национальности».

Он произнес это таким тоном, будто кого-то цитировал, но я не припоминаю кого-либо, кто мог бы предъявить авторские права на эту сентенцию. Похоже, Е. Теодор готов был пожертвовать славой острослова, лишь бы приподнять ценимую им собственную мысль на некое подобие цитатного пьедестала.

– Могли бы уж простить русским 1812-й год, – продолжал он, – тем более что вы вполне рассчитались с ними своей книгой, а еще через полтора десятка лет – ваш новый император на паях с англичанами добавил под Севастополем огня и дыму.

Он сказал еще, что мои старинные заметки, когда он их читал, с одной стороны казались ему обратной перспективой чего-то хорошо знакомого, а с другой – слишком явно противоречили знаниям о тех людях, с которыми ему приходилось жить и состоять в России в сердечной дружбе. Как-то уж очень быстро позабыв о минимальных приличиях, требуемых при общении с малознакомым человеком, он заявил, что мои письма 1839-го года при чтении часто казались ему состоящими из колец многократных повторений, в которых он чувствовал себя подобно туго связанному по рукам и ногам человеку. Что корни моей неприязни к России, возможно, кроются в оскорбленном чувстве, вызванном воспоминанием о верховых казаках, разъезжавших по униженному Парижу. Что негативное мое отношение к России имеет вид окостенелой концепции, искусно замаскированной под переворот во взглядах от роялистских к либерально-демократическим. Переворот же этот созрел во мне, заявил он, скорее всего, задолго до поездки в Россию под влияние мыслей о сути французской революции.

Я почувствовал, что договаривая эти фразы, он уже сожалеет о том, что они вырвались из его уст. Вдруг пробудившееся в русско-еврейском простолудине стремление к учтивости умилило меня, и я легко простил ему нелюбезный выпад. Но выпускать его из когтей мне пока еще не хотелось.

– А скажите, – спросил я, – куда подевался нынче тот русский человек, что так недавно еще млел от волшебного звучания таких слов, как, например, «нравственный посыл»? Который подобно Данко, готов был вырвать сердце из собственной груди, чтобы им осветить всему человечеству дорогу к счастью? Что за вымогатель и торгаш явился теперь на его месте и говорит, например, вам: «Не хотите, чтобы я

продал зенитную установку С-300 Ирану, купите ее у меня сами»? Вы-то помните этого Данко? Русского Данко! Восхищались им?

– Восхищался, – ответил Е. Теодор, – а как же! И знаете, сознавая, что сам я на такое самоотвержение вряд ли способен, испытывал тайное отчаяние. И даже мучительное подозрение одолевало тогда меня – не потому ли сам не могу подняться до высот русского Данко, что я нерусский человек!

Я смотрел на него во все глаза, и может быть, это было частично причиной того, что он взмыл еще выше.

– Скажу вам, что втайне, где-то совсем в глубине души я в русского Данко все еще верю!

– Неужели, и правда, верите? – воскликнул я.

И вот этот клоун, этот Е. Теодор Тертуллиан, торжественно приложил руку к груди и изрек:

– Верую, ибо – абсурдно!

Но теперь и ему самому показалось, что он вознесся слишком высоко на вертикальных потоках воодушевления, и достаточно быстро спланировав вниз, Е. Теодор приземлился в салоне своего приятеля.

– Известное дело, – частично, словно бочком протиснувшись, начал он сблизаться с заданными мною тоном и темой беседы, – стоит русскому еврею переехать жить за границу, хоть в Америку, хоть сюда, как с ним тут же начинается процесс обвального обрусения. А ведь русская цивилизация, – сделал решительное заявление Е. Теодор, – наработала немало тонкого, высокого, изящного. Ведь вы вдумайтесь, маркиз, хотя бы в эти ужасные слова о выдавливании раба, ведь чего стоит для гордости народной только даже их произнести, только подумать о себе таким образом! И вот является здесь нашим русским некто Либерман, и не на это тонкое и высокое с покатога холма указывает разведенными в почтении ладонями, но показывается как шофер из кабины грузовика, ставит на ступеньку одну ногу, другую, и с этого возвышения, держась за открытую дверцу, возвещает: «Я – ваш водитель, вы – мои пассажиры-зманкомовцы». А дальше – пошло-поехало. И Наполеон ваш, и Гитлер, и Сталин – все были глубоко народными вождями, каждый по-своему выразили они характеры народов, в которых выросли, иначе не привелось бы им быть теми, кем каждому из них удалось стать – кумирами громадных человеческих масс, живыми иконами для своих современников и сограждан. Я, может быть, знал это и раньше, но теперь будто кожей почувствовал. Как только находится человек, говорящий людям, что все вокруг прогнило и плохо, что все, все, кроме них, – воры, предатели, продажные негодяи, они снова и снова покупаются на эту полову, бредят этой туфтой, глотают блесну, а крючок на конце ее воспринимают как пряность. Вам, маркиз, приходилось, конечно, не раз идти вдоль какого-нибудь тихого забора, тихого до тех пор, пока откуда-то не вылетает чокнутый по человеческому пониманию пес, который бросается на решетку, угрожает вам, демонстрируя исправность белозубого капкана, собирает морщинами черный ненавидящий нос, запугивает разрывными звуками из гранатометом направленной на вас пасти, отскакивает, пробегает метр-другой и бросается снова, отслеживает ваше движение вдоль забора. А тут издали несет еще пара-тройка его двойников. Других пород, но в заразной ненависти их к вам уже мало друг от друга отличных и вами плохо различаемых из-за досады на них. И вот вы уже напротив ворот, а там стоит и руку на защелке держит Гитлер или Наполеон или Сталин, но вы его еще как следует не знаете, только догадываетесь, что это он выдрессировал и озлобил свору, но не можете поверить, что сейчас, вот прямо сейчас, этот ненормальный возьмет и откроет ворота.

– По совести, уважаемый господин, – заметил я после некоторой паузы, – зря вы приплели сюда Наполеона.

– Может быть, – уступчиво отозвался Е. Теодор.

Ему тем более, наверно, захотелось сейчас отделить от упомянутых исторических персонажей неповинного ни в каких ужасах г-на Либермана, но это было не то направление разговора, которое он, видимо, задал себе, а заодно и мне. Е. Теодор налил и выпил полбокала воды, а затем продолжил.

– «Хам – это круто! – говорит своей аудитории Либерман. – Хамство – это гордость!»

Он допил вторую половину.

– «Хамство – это свобода!» – говорит он. И ведь это тоже отчасти экспорт из России. Да только не тех легких фракций русского духа,

которые, воспаряя, курятся – а? курятся, маркиз? – у подножия трона небесного, а тяжелый портяночный дух гонит сюда шоферюга, да такими гигантскими вентиляторами, которыми туннели метрополитенов в больших городах продувают.

Будто извиняясь, и конечно, перед своим приятелем Инженером, а не передо мною, он объяснил:

– Неприязнь моя к Либерману тем объясняется, что он не лучший русский материал импортирует (уж бог с ним, с Данко!) – а шлет сюда контейнеры ношенных солдатских подштанников с потравленным окрасом ткани вокруг ширинки.

Ах, шалунишки лысоголовые! – не пропустил я мимо ушей напыщенную фразу Е. Теодора. – Не раз и не два, должно быть, только и ждали, когда их заправят внутрь кальсон, чтобы уронить последнюю капельку.

– Я заглядываю хотя бы даже в Луркопедию, – продолжал Е. Теодор, – или знакомлюсь с языком кашенитов, и вижу: вот русские-то сумели позаимствовать у нас пригодную к употреблению интеллектуальную пищу, оценив по заслугам ее пряность, а мы, получаемся, выгребаем у них одно дерьмо! Как мне это неприятно, знали бы вы, маркиз!

– Таким же образом русские цари насадили в России, переняв у немцев, немало худшего из культуры германской, – вставил я охотно, и Е. Теодор поспешил сразу с этим согласиться, одобрительно качнув головой.

– И вот еще что, – поспешил добавить он, пока мы не сменили тему, – русские, пока я там у них жил, ей-богу, относились ко мне гораздо лучше, чем я того заслуживаю. Честно говорю. И происходило это, я думаю, из-за их совестливости – они чувствовали, что им-то у себя дома комфортно (насколько вообще комфортна может быть жизнь в России), а мне иногда одиноко, неудобно и грустно.

Мягкий человек, подумал я. Вот, что привлекает его и Инженера друг к другу. А что общего у него с Ирэнной? Интересно представить, как эта пара любезничала бы друг с другом, если бы тени авиалайнеров, бокатые, крылатые, не разделяли их.

Е. Теодор:

– Ринь-Ринь! Я так тебя люблю! Так люблю... Ах, черт!..

– В чем дело?

– Опять проболтался. Ведь ты можешь, решить, что раз ты так горячо любима, то тебе, пожалуй, положен и мужчина лучше, чем я.

Ринь-Ринь с высоты своего роста роняет несколько коротких поощряющих смешков на макушку Е. Теодора.

– Знаешь? – говорит он ей. – Я совсем не умею относиться к тебе буднично. Мое отношение к тебе – всегда новогоднее и деньгожденческое.

Ринь-Ринь позволяет Е. Теодору обнять себя за талию и коснуться губами ее жесткого, скорее всего, плеча.

Что-то вроде этого. Е. Теодор, уже связавший только что господина либермана с армейскими бывшими в употреблении кальсонами, видимо, всей душой стремился к развитию расправившей его душу темы.

– Евреи в рассеянии (вот, в Америке, например), – говорил он, – и так склонны держаться ближе к либералам, а в России еще и неприязнь властей прижимала нас, русских евреев, – к Сахарову, к западникам, к либеральной интеллигенции. Оттого и нас скопом и по ошибке, как выяснилось, причисляли к последней, а здесь давление это исчезло, отпали обиды и подозрения, которые мешали нам стать там настоящими русскими, и вот по прошествии двадцати лет, мы ими наконец действительно стали. Но какими? Не к Сахарову с Набоковым прибились мы, а к Хрущеву с Достоевским. То есть, подняли русских евреев с колен, и получили – черт знает что! Мы, наверно, должны быть благодарны позднему Сталину, Хрущеву, Брежневу и всем тем, кто провел для нас новую черту оседлости в лагере Андрея Дмитриевича, русских западников и демократов. Увы, читая комментарии на Zman.com, я грущу по поводу того, как мало это способствовало нашему духовному росту.

– В таком случае вам, может быть, следовало там и остаться? – спросил я.

– И это совет французского дворянина? – спросил в ответ Е. Теодор.

Высокомерие, не оправданное высоким происхождением, а может быть – именно основанное на недостатке такового, и без того порой

проступает на его лице несмотря на неумелые попытки замаскировать его вежливостью. Сейчас же оно было приправлено еще и шепоткой разочарования.

– Это вовсе не совет, это – всего лишь вопрос, – возразил я.

– Подъебка *dans le style du marquis*, – глухо прокомментировала Ирэна, не поднимая глаз от неначатой коробки сигарет. И пока она ковыряла ее прозрачную оболочку ненакрашенным ногтем, я ковырялся в альтернативе развития ее и Е. Теодора отношений, каковыми они могли бы сложиться в эпоху, предшествующую экспериментам братьев Райт.

– А кто вкуснейшая в мире девочка? – спрашивал бы Е. Теодор.

– Я-а! – слегка растягивала бы ответ Ирэна, имитируя голос, которым отвечала Е. Теодору во времена их первоначального знакомства, когда ей было пять лет.

– А откуда ты знаешь? – хитрил бы коварный Е. Теодор.

– Ты-ы мне говорил, – подыгрывала бы ему Ирэна.

– А вдруг я передумал? – продолжал бы Е. Волкович Теодор пытаться дурачить «маленькую» Ирэну в красном беретике.

И оба, довольные друг другом, принялись бы они влюблено хихикать. Но не завидуй, Астольф Луи Леонор! Не завидуй! Да и нечему там на самом деле, скорее всего, завидовать. Вот спрашивает, например, в действительности Е. Теодор:

– Что любят обычно мужчины в женщинах? – и сам же отвечает, – личико, ножки... А я что люблю в тебе больше всего?

– Что-о? – снова охотно принимает участие в игре Ирэна, хоть ответ она знает с пятилетнего возраста.

– Ре-е-ебрышки, – тянет радостно Е. Теодор, и палец его два-три раза невысоко подпрыгивает и неглубоко проваливается, скользя по боку Ирэны ниже груди. И это, должно быть, самая интимная физическая близость, допускаемая их отношениями.

– У нас теперь и свой Илья Муромец есть – Авиатор Либерман! – голос Е. Теодора живого реального словно вынырнул из моих фантазий и теперь отфыркивался восклицаниями. – Грудь в кольчуге! Шомполом для шашлыков не проткнешь! До того дошло, что я уже привык читать в отзывах наших возбужденных пенсионеров про «левотину», которая Родину продает, на которую Сталина нет и 58-й статьи. – Е. Теодор поехал так, будто сам он подведен под расстрельную 58-ю, и два конвоира – по бокам. Но никто не покушался на его свободу, на него внимательно смотрели Ирэна, Инженер и я. Все замолчали.

– Полицейский родился, – объявил Инженер.

Взглядом я попросил у него пояснений.

– Русская народная мудрость: молчание разума рождает милиционеров, – кратко отозвался Е. Теодор, полагая известным мне, что милиционером именовался советский полицейский.

Он выпил оставшееся в бокале вино и всем своим воинственным видом показал, что намерен отвоевывать пространство для разума у полицейских и у молчания.

– Эти болваны упорно не желают брать в расчет даже того очевидного факта, – волновался он, – что все успехи нашего государства возвращены из семени западной расчетливости и самообладания. А мы, русские, похожи теперь на мусульманина в Европе, когда он прибыл туда, огляделся и говорит аборигенам: «Хорошо у вас здесь, но живете вы – неправильно». Ох! Трудно иметь дело с дураками, но еще труднее – с дураками упрямыми. Девяносто девять процентов людей не умеют играть на скрипке, тем более не являются виртуозами, они и в тонкостях устройства общества не обязаны разбираться, но школа, родители, пресса с раннего детства вправляют им мозги в соответствии с принятыми в обществе представлениями на сей счет. А у нас из макушки торчит флэшка с кодом образа мысли страны Советов. Немного кирпичей можно вытащить из западного образа жизни, чтобы все здание не обрушилось. Это – комплект, а из ДНК-цепочки наших представлений об обществе – уж как мы это отрицаем, а застрелись – ростки пускает именно родная страна Советов. Это необходимо менять! И я знаю, с чего нужно начать! Почему дело Дрейфуса раскололо Францию? Дело было не в евреях вовсе и не в их поруганной чести, дело было в принципе, в новом подходе к старым предрассудкам! А с нашими – нужно начинать с гомосексуализма! И тоже – не в гомиках дело, а в том, чтобы выдавить из мозгов нашего человека красного исламиста! Красного или

красно-белого? А! Неважно! Дай мне волю – я бы согнал всех их, долбоебов херовых (английский Е. Теодора неожиданно обрел голливудскую живость), на парад гордости, который правильнее определять как парад достоинства, расставил бы с радужными флажками на тротуарах вдоль всей процессии, и заставил бы блядуг упрямых приветственно этими флажками махать, как привыкли они на парадах военной техники и праздничных демонстрациях трудящихся, когда с флагами, транспарантами и портретами вождей идут герои труда, передовики производства и простые труженики!

– А если не пойдут? – то ли спросила, то ли предположила Ирэна.

– Привлечь! Мужиков – по методике доктора Путина – за яйца! Бабы сами потащатся за мужьями, – упорствовал Е. Теодор. – Раз придут – постоят, помашут. Два, три – и привыкнут, как к политинформациям по четвергам, никуда не денутся!

А может быть, фантазировал я, увлеченный энтузиазмом Е. Теодора, один из них, стоящих на тротуаре, вдруг осознает со всей отчетливостью, что ничего непристойного нет в этом параде, что даже резиновые фаллосы, прикрепленные рожками к девичьим головам и собачьим ошейникам, стилизованы и длину имеют лишь в четверть от настоящих. И тогда по-русски рванет он на себе от раскаяния рубаху, сорвет ее вовсе, обнажив рыхлые, как у Инженера, тела с треугольником красноватого загара в разрезе рубашки, словно указывающим туда, где упрятано доказательство, что и он – не бесполое существо, и крикнет громко, словно шашкой ударит с оттягом:

– Й-о-о... тво... ма-а!!!

Спрыгнет с криком этим с тротуара на проезжую часть, вырвет из рук стражей порядка ленточку – эфемерное ограждение, которое они несут вокруг медленно едущего грузовика с пляшущими под – «Бум... Бум...» – музыку трансвеститами, опять закричит, но уже:

– Пр-а-а-сти-и-те, бра-а-атья! – и бросится под колеса.

Но не погибнет. Нет, нет – не погибнет. Его, конечно, спасут! Остановят грузовик, кинутся к нему, сделают искусственное дыхание. Ну, зачем же жизнелюбивому нашему братству давить человека только за то, что он – зманкомовец! И к тому же – раскаявшийся русский гомофоб.

Е. Теодор был уже изрядно пьян, вошел в раж, и теперь подобно критикуемому им господину Либерману далеко не всегда выбирал выражения из числа сдержанных, хотя первые из последующих фраз оставались в границах речи, выстраиваемой с постоянным контролем за соблюдением своей объективности и непредвзятости.

– Вы, конечно, догадываетесь, маркиз, что я – за размежевание по Эхуду Бараку, а не за кантоны Либермана, и не из одних только соображений морали, а еще и потому, что опасаясь, подобно многим и многим, как бы нам на указанном Авигдором пути не остаться вовсе без своего национального очага у разбитого еврейского корыта. Вы ведь не станете, кстати, утверждать, что сказка о старухе и разбитом корыте слизана у французов?

Нетрудно было догадаться по этому вопросу, что инженер передал ему содержание наших первых бесед и пикировки насчет русского культурного первенства. Мне неинтересна была уже эта тема, поэтому о перекличке упомянутой сказки с творчеством братьев Гримм упоминать я не стал, и Е. Теодор продолжил речь без помех с моей стороны.

– Но то же самое можно сказать обо всех предыдущих этапах недлинной истории этого государства. У разбитого корыта мы могли остаться и затеяв сбор давно распавшегося народа, и в восстановлении умершего языка, и в ходе каждой из войн против куда более многочисленного противника. Если я не терплю вождя нашего вместе со всей его электоральной пехотой и журналистской походной кухней, то вовсе не из-за его идей, которые он забивает в зманкомовские головы как гвозди в булку, – Е. Теодор Дантон дышал воодушевлением, он наклонился ко мне над столом и так энергично стал трясти удерживаемой им за хвост креветкой, что я стал опасаться, как бы он не забрызгал мое единственное земное платье, – в идеях этих я не нахожу ничего ни экстраординарного, ни хотя бы оригинального, а злюсь я из-за грязной, инфицированной формы, в которой они подаются, потому что содержание идей проходит, по крайней мере, через какое ни на есть сито сознания, форма же проникает в организм бесконтрольно и беспрепятственно, будто через поры кожного покрова. А он и его

дружина постоянно и беззастенчиво применяют мерзкие пропагандистские техники. Хотите пример, маркиз?

– Давайте, – ответил я, – только положите на тарелку креветку или съешьте ее с удовольствием и благодарностью, которых она, несомненно, заслуживает.

Е. Теодор рассмеялся, прожевал креветку, обсосал хвостик, присоединил его к уже выложенным ранее аккуратной правильной дугой на ободке тарелки креветочным останкам, поймал мой заинтересованный взгляд, засмеялся еще раз и отреагировал на него вполне добродушно.

– Знаете? Русские по-настоящему уважают только немцев. Даже после той войны, пожалуй, особенно после нее. Это потому, что немцы одни только и умеют, по их мнению, наводить и поддерживать порядок в тумбочке. Французы – клоуны, евреи – вонючки, англичане не заслуживают ничего кроме ненависти, от китайцев нужно держаться подальше как от глистов в сортире, а все остальные вообще не стоят того, чтобы о них упоминать.

Я кивнул одобрительно, показывая, что беру его замечания на заметку, и поощряю к продолжению.

– Так вот, мой пример как раз и будет насчет русских. Я скажу: «Русские – генетические насильники и убийцы». «Это почему же?» – спросите вы.

– Это почему же? – спросил я.

– Потому что у них – Андрей Чикатило.

Имя серийного убийцы было мне знакомо. Я не стал отвечать. Е. Теодор и не ждал ответа.

– Заладьте: «русские Чикатилы, русские Чикатилы, русские чикатилы», – так же, как либермановские абреки заладили: «левые, левые, левые»; как на вашей родине Робеспьер: «аристократы, аристократы, аристократы»; как большевики: «буржуи, буржуи, буржуи»; как нацисты: «Juden, Juden, Juden»; как Ближний Восток: «сионисты», «сионисты», «сионисты».

Он почувствовал, что последний пример воткнул напрасно в свою вдохновенную филиппику, и тем ослабил эффект вместо того, чтобы, как начал, идти по нарастающей и оборвать на самом пике, на том пункте, на котором всегда обрывают евреи обличительные речи, то есть на нацистах, конечно.

Я кивком подал ему знак, что согласен забыть его ляпсус, но помню и согласен, что утверждение, с которого он начал (насчет русских), – действительно – верх нелепости.

Е. Теодор как будто еще пожевал что-то во рту, хотя по внятно выговоренным его последним фразам было совершенно ясно, что во рту у него нет ничего кроме накопившейся горечи в отношении своих соплеменников.

– Средний зманкомовец, – продолжил Е. Теодор, успокаиваясь, – в своей русскости уже, кажется, ближе к Андрею Чикатило, чем к Андрею Сахарову.

Е. Теодор пригорюнился и умолк, но полицейский не родился на сей раз, потому что инженер, ранее поднявшийся к себе в спальню, теперь возвращался к нам вниз со второго этажа. Он сменил недавно (при мне уже) освещение лестницы на неоновое, и теперь в псевдолунных ярких лучах седина его сверкала как пластмассовая с покрытием под хром вентиляционная решетка автомобиля в просторном автосалоне. Он оставил за собой, по-видимому, приоткрытыми все двери по дороге, и до нас донеслись последние всхлипы пополняющей свои запасы «ниагары» и звук невыключенного телевизора. По тому, как прислушался Е. Теодор, по тому, о чем, оживившись, заговорил следом, я понял, что пока инженер не вернулся и не выключил телевизор, раздававшийся сверху мужской голос донес в гостиную рассуждения его обладателя на тему химического оружия сирийского президента.

– Химическое оружие, – разъяснил нам Е. Теодор, – хранится в виде двух безопасных компонентов на удаленных складах. Только когда их смешивают и помещают в снаряд или бомбу, они становятся смертоносны. А в России (он кивнул в сторону севера) сто лет назад и компоненты состояния общества сами по себе были опасны: опоздание с освобождением русских от восточной тирании и десятилетия тыканья палкой евреев взорвались при соединении их в ужасной революции и омрачали жизнь людей там (и не только там) в течение семидесяти лет. И вот теперь Либерман публично тычет палкой арабов и своими упрощениями воспитывает из здешних еврейских «русских» политических

– Какая? – не очень верит Ирэна в возможность подачи против нее искового заявления адвокатом Е. Теодора.

– Почему мне с тобой никогда не бывает скучно? – шутит он.

– А других претензий нет? – тем же тоном спрашивает Ирэна.

– Пока нет, но я придумаю... Мне, между прочим, снился сон, в котором ты выговаривала мне за что-то.

– За что?

– Не помню. Кажется, я заставил тебя ждать себя на какой-то площади, возле какого-то магазина. Ирэна!

– А?

– Ты раскаиваешься за то, что в моем сне выговаривала мне? Жалеешь об этом?

Лепестки «шаровар» ее совсем осыпались, и дьявольской длины ноги Ирэны оказались в салоне Инженера как бы на пьедестале, какой отведен был фидиеву Зевсу в храме Олимпии. Скользнув по ним сухим взглядом, Е. Теодор продолжал упорствовать, продвигаясь вдоль спиралей своей неприязни.

– Ведь даже когда Либерман произносит слово: «Спасибо», – от него...

– За версту мужланом разит! – подсказала Ирэна. – Не любим мы его с Е. Теодором, маркиз...

– ...хуже Жака Ширака! – Е. Теодор решительно опередил голоногую Ирэну.

– Почему? – спросил я, удивленный этим сопоставлением.

– Потому что тот – лощеный, а Либерман – наоборот! – Ирэна стряхнула пепел в стоявшую на прозрачно-стеклянном журнальном столике зеленую вазочку, пузатенькую как Инженер, объемом меньше стакана, с искусственными цветками в ней. В этом была своя логика – вместе соединялись погибший табак и неживые цветы. В жесте ее было столько же уверенности, сколько и в только что предложенном ею объяснении. Во взгляде Инженера, отслеживавшего траекторию сигареты в продолжение всей этой бесхозяйственной операции, мне не удалось прочесть неудовольствия.

Случалось ли тебе, Господи, наблюдать подвыпившего человека, когда он, вознамерившись сосредоточиться, выпрямляет спину, вытягивает шею? Невежливые высказывания Ирэны в адрес человека, чей портрет висит у него на стене в кабинете, не отрезвили совсем Инженера, но определенно вывели его из состояния обычного всепрощающего отношения к приятелю (Ирэну он воспринимал, видимо, как насмешливый отголосок Е. Теодора). Последний поспешил косвенно извиниться перед хозяином дома за себя и долговязое эхо.

Кстати, насчет вторичности мировоззрения Ирэны, – думаю, что это не так. Хотя высказывания ее схожи с речами Е. Теодора, она, кажется мне, не только резче, но, порою, и оригинальней его. Она, между прочим, и чувствует себя по какой-то неизвестной мне причине менее стесненной, чем ее приятель, в высказываниях о собственно России. Так, например, пересказав интервью с режиссером Кончаловским, в котором последний утверждал, что Россия нынешняя вернулась в свое естественное состояние, в Московскую Русь, и что лишь ничтожно тонкая светлая полоска имеется в ней при огромной массе темного населения, живущего на уровне и по понятиям шестнадцатого века, она не согласилась с таким взглядом. По ее мнению, десятилетия индустриализации и атеизма существенно рационализировали сознание русских, и только утеря этих ценностей может снова превратить их в массу бледнолицей азиатчины.

– Ведь на пике перестройки, ошавев от свободы составлять слова в предложения с самым неожиданным смыслом, – сказала она, – люди там стали верить, что некий целитель-кудесник может по телефону кастрировать соседского кота.

– Насчет кота не слышал, – отреагировал Инженер, – а аппендицит и человеку, кажется, – да. Рассказывали по телевизору, писали в газетах.

– Ты с ним не созванивался по поводу лишнего веса? – спросил Е. Теодор с подозрением.

– Нет, – отвечал Инженер.

– Слава богу! – с комическим облегчением выдохнула Ирэна. – А то бы он взял, и ночью, пока ты спишь, изъял у тебя почку по телефону. А ты решил бы однажды пожертвовать ее Авигдору Либерману...

– Зачем Либерману моя почка? – от неожиданности вполне искренне удивился Инженер.

– А пусть будут у вождя три, а мы одной вполне обойдемся. И вот идешь ты на операцию в больницу Ихиллов или Тель-А-Шомер, хирург у тебя, недолго думая, оттяпывает правую почку, и тут оказывается, что левой-то – нет, эскулап ее по телефону... оп-п, и она уже год как стоит у Лукашенки, и у него теперь – пять почек.

Инженер оценил юмор Ирэны. Он долго с удовольствием смеялся и показал ей ладонь с растопыренными пятью пальцами.

– Пять почек! – повторил он и той же рукой потом театрально, неторопливо, будто играя в пьесе о русском купечестве, удалил слезу из уголка глаза.

– Между прочим, деление русских на свет и тьму, – добавила уже серьезно Ирэна, – примерно совпадает с их же разделением на тех, кто давно уже простил евреям участие в большевизме, и тех, кто еще раньше простил немцам войну, но и по сей день ничего не прощает грузинам, потому что – кто они такие, эти грузины, чтобы претендовать на великого Сталина!

Оттолкнувшись от «светлой полосы», и она, в унисон с Е. Теодором, тоже прошла по русским евреям. И ей тоже казалось когда-то, что в России они примыкают к пресловутой «светлой полоске».

– Оказалось – хрен там! – воскликнула она. – После Либермана всех популярней – насильник Моше Кацав, потому что по их патриархальным убеждениям: коза не расставит, козел не вставит! Такова точка зрения зманкомовцев. И точка!

От шутки великого нашего вольнодумца, утверждавшего, что женщина – существо человеческого рода, которое одевается, болтает и раздевается, остался, думаю, лишь флер старинного европейского шовинистического остроумия. От высказывания же французского маркиза (другого – не меня), удивлявшегося, с какой легкостью женщины заимствуют идеи тех мужчин, которые их ублажают в постели, – и того не осталось. В случае Ирэны и Е. Теодора любовь их еще и мало похожа даже на те необычные утехы, которые имел в виду этот другой маркиз – маркиз де Сад. Единое образование и уравнение в правах сделали свое дело. Поэтому в Ирэне мне совсем нетрудно признать самостоятельного мыслящего индивидуума. Тем более – при ее-то росте.

Кстати, о росте. Полагая, что в свое время впустую потраченная на Инженера речь моя о Маугли и промывке мозгов может быть теперь оценена по заслугам его друзьями, я еще в начале нашей встречи начал пересказывать ее вышедшей в сад с сигаретой Ирэне, а закончил в салоне при неназойливо прислушивавшемся к нам Е. Теодоре. Инженер считал излишним вникать дважды в одни и те же мои соображения и отправился на кухню, чтобы пополнить исчерпавшийся запас салфеток в прямоугольной вазе, изначально предназначенной для подачи на стол еврейских пасхальных опресноков. Но как и в прошлый раз, я вновь потерпел фиаско.

– Это у Маугли-то мозги непромыты? – спросила Ирэна. – Да если бы можно было подключить их напрямую к принтеру – вышла бы брошюра «Как сделать карьеру в джунглях». В голове «лягушонка» уложилось англо-саксонское пособие по инкрустации жемчужин в корону империи.

О благодарственной речи спасенного питоном Маугли она отозвалась как о примере зрелой британской дипломатии. Она напомнила мне об ироничной интонации вопроса, заданного ребенку циничным Каа по поводу горячих обещаний Маугли помочь в охоте своему спасителю, и об удовольствии, которое доставило гигантской змее красноречие человеческого детеныша, вышколенного заслуженным учителем джунглей.

– Между прочим, образование, полученное Маугли, – медвежье, – заметила она, правда медведь был – индийский.

И словно Каа, встав и наклоняясь надо мною сверху, и только в отличие от хрестоматийного питона не кладя мне голову на плечо, она глубоко из груди с нарочитой медлительностью, на гребне шипения и свиста воспроизвела похвалу змеи: «Хра-а-а-брое се-е-ердце и ве-е-ежливый язык. Ты далеко-о-о пойдешь в джу-у-унглях».

– А вы говорите... – закончила она упреком, смягченным питоново-иронической интонацией. – Либерману бы если не конкуренцию составить, то хотя бы приблизиться к политической ловкости Маугли и уровню его ораторского искусства. Между прочим, – продолжала она, а мне оставалось только слушать ее и наблюдать за тем, как вернувшись на диван, она неторопливо и удобно расположилась на нем, будто

свернулась кольцами, – «Книга джунглей» напоминает рисунок тушью, настолько четко проведены в ней линии социальной и расовой гармонии. Высокому белому человеку служат и зверушки, и коричневые люди, и это не зло и не стыдно, ведь точно так же справедливый сахиб верен и предан своему королю, парламенту и народу. Мангуст у Киплинга охраняет белого человека от гадюк, коричневый человек уносит убитую змею на острие палки. Идиллия! Всем есть место в английской цивилизации! Есть и кому быть справедливо наказанным, и кому шнырять по норам в саду, и кого отправить выносить змею на мусорную кучу, и кому выполнять свой долг перед империей незаходящего солнца и жить в просторном бунгало. Но русская государственность, маркиз, строилась не по Маугли, а на немецкий манер. Немцы же там, где требуются быстрота и сообразительность, вечно запаздывают, в том числе задержались они и с колониальным строительством. Успели, правда, обосноваться в восточной Африке, где поддерживали порядок примерно теми же мерами, что в Белоруссии во время войны. Как можно понять хотя бы из ваших собственных мемуаров, Николаю Первому управление Россией тоже виделось чем-то вроде бремени белого человека, посланника божьего (и немного германского). Если бы душа его могла говорить с подданными напрямую, при сомкнутых губах, она воскликнула бы: «Ахтунг! Ахтунг! Всем русским хамам построиться по немецкой линейке!» Но Россия – не Фатерланд, и вот расположился вне русского строя, например, Лев Толстой и заявил немецкому газетчику в ответ на просьбу последнего рассказать вкратце, о чем повествует новая книга писателя, что роман его не может быть пересказан ни вкратце, ни по-немецки. Каков? А?

В этом ответе есть доля и нашего, французского, духа, – гордостью отозвались во мне ее звонкие «Каков?» и особенно «А?»

– Увы, – продолжила тогда Ирэна, – либермановщина не благоухает ароматом эскапады Толстого, напротив – она спешит, прям-спотыкается, поскорее занять свое место в безмозглom николаевском «фрунте», выровненном по прусской линейке, давно уже вышедшей из употребления в самой Германии.

Тем был исчерпан инициированный мною экскурс в индийские джунгли. Теперь же на стоящем перед ней стеклянном столике Ирэна нашла семечку подсолнечника, запутавшуюся в бахrome крошечной кисточки подставки под горячее, составленной из связанных нитями тонких щепок, и я наблюдал, как высокая женщина принялась разгрызать семечку, продвигаясь от острия ее к утолщению и хорошо ухоженными зубками неспешно раскалывая скорлупу. В точно определенный технологической последовательностью момент она, судя по всему, успешно поддела зернышко кончиком языка. Бледные губы ее уступили двум тонким пальцам превратившуюся в ненужный мусор пару пустых черно-белых створок неприязнительной растительной раковины.

Е. Теодор тем временем продолжал разглагольствовать:

– Переход на личности неконструктивен, он ни к чему хорошему не ведет, – примирительным тоном заверил он своего друга Инженера, – подвергать критике следует явления, не то мы рискуем опуститься до того плачевного уровня, до которого упал Фридрих Энгельс в его споре с Карлом Евгением Дюрингом.

Последняя фраза была, видимо, выстроена намеренно удлиненной, с полным указанием имен немецких политических философов, чтобы выиграть время. Одной рукой Е. Теодор мягко взял запястье Инженера, другой потянулся к бутылке с коньяком, глазами отыскивая Инженерову рюмку. Этот русский способ цивилизованного разрешения политических споров умилил меня, я поднял и свою рюмку, показывая Е. Теодору, что желаю присоединиться и служить свидетелем их примирения. Е. Теодор заглянул мне в глаза с благодарностью и почему-то назвал меня честным норвежцем, а декларативного характера обвинения в адрес либермана попытался обосновать, опасливо оглядываясь на Ирэну.

– Вот, например, – начал он перечисление, – избила пацанва в Иерусалиме паренька только за то, что он араб. Президент, премьер-министр, председатель Кнессета – все – осудили, первый и последний даже навестили избитого подростка в больнице, а либерман сказал, что не приветствует любое насилие, но добавил, что когда арабы избили в Хайфе двух еврейских солдат, то сообщение об этом задвинули на десятую страницу, выставили обычным хулиганством и никто не навелstil пострадавших.

– Понимаете, маркиз, – мирно заглянул он мне в глаза, но голос его уже негодуя закипал, – у него прямо таки особенная способность изгадить даже вполне верную и справедливую мысль. Так, он заявил еще, что мир уделяет гораздо большее внимание судебному приговору Pussy Riot, чем угрозам Ирана уничтожить еврейское государство. Господи, ну неужели нельзя держать Pussy Riot отдельно и иранскую угрозу отдельно?! Или вот третий, совсем недавний пример: футбольные болельщики всячески оскорбляли двух приглашенных в столичную команду игроков-чеченцев: кричали, в том числе, что те вступают в принудительные интимные отношения с ослицами.

Инженер болезненно поморщился при этих словах.

– Газеты, радио, телевидение, – продолжал Е. Теодор, – все, естественно, об этом – с отвращением, осуждением, все как полагается в таких случаях. А Либерман – тоже осудил, но тут же напустился на прессу, которая смешивает всех болельщиков в одну кучу, накаляет страсти и преувеличивает масштабы явления, возмутительно и лживо представляет маргинальную группу лицом всех болельщиков и проходит мимо того, что фанаты-арабы на недавнем матче во время исполнения гимна поднимали шум и осыпали наше государство бранью. Вот явление, достойное всеобщего осуждения и общественного внимания, – добавил в конце Либерман. И ведь сами же его сторонники в нашей русской прессе любовно используют этот гнусный и безотказный прием: автор выискивает левацкую статью поглупее и порадикальней, снабжает ее направляющими комментариями для совсем уж туповатых, а потом подмигивает "правильному" читателю: мол, знаем, знаем их, «антилигнетов», правозащитничков – все такие.

– Маркиз, – горячился Е. Теодор, – клянусь, я видел своими глазами – в телерепортаже и мерзкие выкрики евреев были, и дерьморечие арабских болельщиков. И ведь либермановские шпильки – в точности те же образ мысли и стилистика, придерживаясь которых русский «хоругвеносец» на каждую фразу о Холокосте неизменно реагирует с отвращением: «Опять евреи! Можно подумать они одни гибли в ту войну!» – и в продолжение подробно излагает обиды по поводу забытых жертв русского народа.

– Ну как можно мне, – адресовался он уже к Инженеру, – вытерпеть этого...

– Хоругвеносца еврейского! – вполне умеренно на сей раз отозвалась Ирэна.

Не знаю, как это удалось Е. Теодору, но левый глаз его, обращенный к Инженеру, выразил сожаление, а правый, лучше видный Ирэне, показалось мне, подмигнул ей поощрительно. Мне самому речь его показалась слишком эмоциональной и даже несколько женственной – мол, не люблю Либермана, хоть убей меня, хоть повесь меня к празднику Пурим как Амана. Почувствовав мое сдержанное отношение к своим речам, Е. Теодор оправдывающимся тоном стал пояснять мне:

– Даже ваш Жак Ширак, когда он этих ублюдков интифадных заключал в свои аристократические объятия, защищающие широкие длани простирал над их головами, и тот не был мне так неприятен. И кстати, лет двадцать пять тому назад, где-то у вас на юге Франции на еврейском кладбище выкопали умершего старика еврея, и выброшенный из могилы труп его проткнули зонтом. Все правительство Франции вышло на следующий день на демонстрацию протеста в ермолках. И даже Жак Ширак не сказал в тот же день или на следующий, что это единичное явление, а вот оккупация палестинских земель требует всеобщего осуждения и общественного внимания. Потому что, он хоть и современный Талейран, хоть «в шелковых чулках», но не...

– am? – помогла ему неукротимая Ирэна.

Е. Теодор посмотрел на нее укоризненно, но тут же, будто вспомнив о чем-то, возгласил с гордостью:

– Ирэна, между прочим, – замечательная детская поэтесса. Прочтешь последнее? – спросил он ее.

С помощью Google мы перевели ее стихотворение на французский, и тогда вслух прочел его уже я.

На зманкомчика

зманком

посмотрел

с подвохом:

– Почему

не спросишь ты,
что такое
плохо?

Если дядя,
сняв штаны,
прилепился к тете,
это значит,
мальчик мой,
что страна —
на взлете.

Если ж с дядею
другим он, сойдясь,
заохал,
то для Родины,
малыш,
это жуть как
плохо.

Если мальчик —
анархист,
деньги —
от Европы...
Не стесняйся
рифмовать
континент и
жопы.

Если маленький —
терпим,
обожает прения,
взрослым — Родину
предаст.
В этом нет
сомнения!

Если ж правду
рубит он дураку
и дуре,
про такого
говорят:
«Либерман!
В натуре!»

Мир с врагом
торгует он
на восточном
рынке?

Лучше
выпить яд ему
из молочной
крынки!

Ты поставь
себе на вид,
помни и ребенком:
колосится
пышиным геем —
росший

пидоренком.

Мальчик –
крепок и умен,
и решила кроха:
«Папа!
Стрейтом,
буду я,
а не левым
лохом».

Инженер с Е. Теодором аплодировали моей декламации, Ирэна же на протяжении чтения задумчиво теребила короткие пряди волос, чем помогала мне в попытке определить их естественный цвет. Но попытки эти не увенчались успехом. Когда я закончил, она улыбнулась мне, и в ее улыбке почудились мне грусть и сочувствие. Е. Теодор оптимистично заметил, что когда мальчик из стихотворения его подруги вырастет, отравленный стилем местной, а не русскоязычной прессы, он вряд ли, последовав традиции либермановской правдивости, выскажет родителю все, что на самом деле думает о его жизненной философии.

О многом мы еще говорили в этот вечер. Я сейчас попытался представить себе, как выглядели бы слышанные мною высказывания и комментарии Е. Теодора в Zman.com, будь они там пропущены цензурой и собраны в коллекцию.

Е. Теодор, 31.02.13 22:38

И всего-то было у Либермана три профессионала среди его партийных парламентариев: в дипломатии – Аялон; по турбизнесу – Мисежников; по арабскому вопросу – Михаэли. Всех отправил кием в дырявую лузу! Из этого можно вывести заключение о примате пропагандируемой им президентской формы правления над продвигаемым им принципом формирования правительства профессионалов. Отставленный дипломат заметил, кстати, что ему не на что обижаться – он удален по тем же правилам, по которым был кооптирован. Два других профессионала предпочли промолчать.

Е. Теодор, 31.02.13 22:41

Способность принимать свои негативные эмоции за положительные принципы стала психологическим фундаментом движения Либермана, печатающего шаг на марше. Правой! Правой! Ать-два! Колонна гневных единомышленников, у которых всегда на кого-нибудь душа горит. Так плачевно завершились для моих соотечественников двадцать лет освоения роли титульной нации!

После того, как мы обсудили статью в «Снобе»:

Е. Теодор, 31.02.13 22:50

Утверждение Клинтона, будто русские стали еще одной проблемой на Ближнем Востоке настолько примитивно, грустно, убого и банально, что справедливость его едва ли не приводит меня в бешенство.

Е. Теодор, 31.02.13 22:50

Когда читаю тексты в Zman.com (очень часто неподписанные их авторами) и особенно комментарии к ним, мне крайне трудно становится согласиться с утверждением, будто Либерман только «нашел подход к люмпенам разных мастей». У меня создалось и укрепляется впечатление, что он активно формирует люмпенское мировоззрение и придает его носителям уверенности в своей несомненной правоте. Эти люди почувствовали себя с ним во главе так же, как в 30-х чувствовали себя немчики, поющие «Tomorrow belong to me» в «Кабаре».

– Вы заметили, маркиз, – спросил Е. Теодор, – что зманкомовцы довольно редко в своих комментариях напрямую подставляют плечо Либерману или восхваляют его? Знаете почему?

– Почему?

– Потому что их поддержка передается, если можно так сказать, беспроволочным способом, wireless, модуляцией несущей волны единства душ. А на выборах – хлоп! Бюллетень в ящике, как тюлень на льдине!

Я вспомнил как «хитро улыбался в густые усы» всегда начинающий день с бритвы Инженер.

Е. Теодор, 31.02,13 23:07

Я ведь тоже русский, и будь я редактором Zmap или Izrus, и унаследуй от них тех же читателей, я бы, наверно, так же сосредоточился на том, чтобы навесить на оппонентов легко запоминающийся ярлык, чтобы рядовому пенсионеру нашему нетрудно было опознать идейного врага по твердо усвоенному стереотипу. Он ведь, наш человек, со школьной скамьи приучен к ясности: Герасим – хороший, барыня – плохая, Муму – жертва.

Е. Теодор, 31.02,13 23:14

И я ценю наш древний фольклор, только у меня от соприкосновения с ним температура не поднимается.

Е. Теодор, 31.02,13 23:16

Хотите, я вас анекдотом угощу? Только вчера рассказали на работе. «Звонок: Рабинович? Нет, Иванов. Телефон 1234567? Нет – 123456, но не 7, а 8. Надо же! Ошибка в седьмом знаке – и такая разница!» Но на самом деле – разница совсем незначительная. В седьмом знаке.

– Скажите, а французы любят анекдоты как русские? Хотите еще один? – задал Е. Теодор сразу два вопроса, и не ожидая моего ответа ни на один из них, продолжил. – Объявление: «Обществу слепых требуется секретарша приятная на ощупь». Под верхним невинным слоем этого анекдота я вижу, как зманкомовец ощупывает местную действительность, опираясь исключительно на те представления о жизни, которые у него сложились в России.

Е. Теодор, 31.02,13 23:17

Космополитический интернационализм – мечта чистых душ, но также индивидов и народов, попавших в подчиненное положение и не надеющихся или не желающих из него выбираться.

Е. Теодор, 31.02,13 23:19

Существует, маркиз, русское фразеологическое сращение – «мозги набекрень». Но мне кажется иногда, что даже вышибленные мозги какое-то время должны работать исправней зманкомовских. Это правда, что два еврея – три мнения, но когда оба еврея – патристически настроенные кретины, это такой ужас!

Е. Теодор, 31.02,13 23:40

Все высокомерие, весь расизм сосредоточены на стороне образованных, тонких людей. Может быть, он (Либерман) не лицемер, может быть, и правда для него арабы – пацаны из соседнего двора, с ними ему привычно идти стенка на стенку. Вот он и «буцкается» с ними на равных.

Е. Теодор, 31.02,13 23:40

Либерман – преимущественно в отношении внутренних арабов, а его окружение – еще и в отношении еврейских политических оппонентов, эксплуатируют старый русский рефлекс: внешний враг подождет, первоочередной задачей является научить массы ненавидеть и распознавать врагов внутренних: «левый» здесь – это правильный враг, должен усвоить либерманист, а «буржуй» в России и Jude в Германии были определены в качестве врагов ошибочно, а во втором случае – еще и отвратительно подло.

Е. Теодор, 31.02,13 23:45

В жертвах всех войн против нас, развязанных или спровоцированных арабами, мы виним именно арабов. И только в терроре, развязанном ими после Осло, зманкомовцы винят исключительно наших «леваков», будто именно у их вождей под стеклами на рабочих столах лежало единое расписание: сегодня посылаем самоубийцу с взрывчаткой в автобус номер 5 в Тель-Авиве, завтра – на прогулочную в Иерусалим.

Е. Теодор, 31.02,13 23:46

Продолжение. Жертвы войн, результатом ни одной из которых не стало тотальное отступление противника на Луну или Марс, мы полагаем оправданными. Немного более успешную (увы, это так!) попытку вовсе прекратить войны, мы называем преступлением. Воистину! Правом собственности на то, что когда-то называлось «женской логикой», то есть логикой с выборочным применением, сегодня эксклюзивно обладают наши патристические сограждане!

Е. Теодор, 31.02,13 24:21

Разнузданные речи не всегда приводят к разнузданным действиям, но обычно им предшествуют.

Е. Теодор, 31.02,13 24:25

Повальная либерманизация – самое печальное (после увлечения большевизмом), из того, что произошло с русскими евреями по собственной их вине. К черту тяжелую русскую серьезность,

занесенную сибирским ветром на Ближний Восток, где набежавшим облаком затемненное на мгновение Солнце есть тяжкая аномалия жизни. У черных призраков истории – черные сердца!

На момент этой сентенции пришелся максимум опьянения Е. Теодора. Отсюда – нарастающий пафос и привкус романтизма в его высказываниях. Я попытался рассеять черноту.

– Ну, не так уж все плохо обстоит, – сказал я, – ведь остались же зманкомовцы в стороне от участия в новейшей революции русского словоблудия.

– Какой? – встрепенулась Ирэна.

– В той, что знаменовала собою смену формации «нравственного посылы» эпохой «духовных скреп».

Все трое посмотрели на меня с недоумением, они были пьяны, и я по-русски махнул рукой – мол, не обращайтесь внимания, время позднее, на языке – туманности, но Е. Теодор напрягся и отреагировал, но вяло и пессимистично:

Е. Теодор, 31.02,13 24:27

Оставьте, была бы религия – последователи найдутся! Особенно, если соединить Тертуллиана с Шатобрианом, то есть «верую, ибо абсурдно» с «верую, ибо наблюдаю позитивное влияние нашей веры на нашего человека».

Закрыв тему, он вернулся к тому, что задевало его по-настоящему.

Е. Теодор, 32.02,13 00:30

Суровая маска Либермана, долженствующая строго соответствовать его политическому имиджу у зманкомовцев, напоминает мне не самого Сталина, а только его рабочий китель. Либерманизм – это френч т. Сталина. При Либермане наши люди не опустились (не дай бог!) до сталинских стандартов, но определенно упали ниже брежневских, потому что в брежневские времена ритуал еще требовал порой бубнить коммунистические молитвы, но проявлять при этом воодушевление считалось уже неприличным. Хрущевское задорное хамство, пожалуй, ближе всего рядовому зманкомовцу-либерманисту.

Последнее из приведенных заявлений Е. Теодора прозвучало после того, как все мы четверо немного протрезвели, когда Инженер включил орошение травы, все садовое освещение, и мы, дурачась, даже пробежали по разу-другому под искусственным дождем и перекликались громким, смеющимся, но все таки – шепотом, чтобы не разбудить в полпервого-ночи соседей Инженера. Обоснование высказанной им аналогии политического имиджа Либермана со стилем давно уже и довольно тихо и уединенно проживающего (не укажу точно, в какой именно области нематериального мира) Никиты Хрущева, Е. Теодор сформулировал следующим образом:

– В брежневский период, – вспоминал он, – работники в нашей конторе собирались в самой большой из комнат отдела в четверг утром на еженедельную политинформацию. В соответствии с установленной начальником отдела очередностью один или пару сотрудников должны были рассказать о новостях в мире. Сделать они должны были это спокойно и сдержанно. Политическая страстность не приветствовалась. То есть, отбарабанили положенное и разошлись по рабочим местам.

– Так? – Инженер был неожиданно призван в свидетели. Он мягко улыбнулся и согласно кивнул головой.

– Стиль Либермана, в самом деле, очень смахивает на хрущевский, – резонерствовал Е. Теодор, – с размахиванием башмаком в ООН, с громкими осуждениями на съездах. И вот если булгаковский профессор о своих современниках отзывался как о людях, которые, отстав в развитии от европейцев лет на 200, до сих пор еще не совсем уверенно застегивают свои собственные штаны, то большевики при всех их недостатках сократили разрыв лет до 100. И соответственно, переведя наших русских с брежневского календаря на хрущевский, Либерман, наоборот, – увеличил разрыв лет этак на двадцать.

Инженер нахмурился.

А что, если и в самом деле подарить ему живую, чистенькую овечку, всю в пушистых колечках, только что из ветеринарной бани? С медицинским удостоверением ее девственности и отсутствия у нее

заразных болезней. Хватит у него страсти, отваги и решимости дойти с ней до конца? Вряд ли.

Mon ami!

Пришлось разбить это письмо на два – уж очень долго длился русский «сабантуй».

Я попытался расспросить Е. Теодора о его собственном «самиздатовском» творчестве, о содержании и качестве которого не сумел составить представление со слов его приятеля – Инженера. Но он откликнулся на мои вопросы неохотно. Явно жеманничая, отказался признать себя писателем, сославшись на то, что он мало известен публике и процитировав кого-то, изрекшего, что писатель не тот, кто пишет, а тот, кого читают. Напыщенно, как это особенно удается именно русским, он заявил, что книга – дар и месть современникам и если дар непрошенный, а месть – нещадна, то книгу стоило сочинять.

О-кей! (Это словечко, так и не приклеившееся ко мне на Небесах, из-за общения с новыми знакомыми все же пополнило, оказывается, мой лексикон). Любопытным показалось мне признание этого агностика в том, что, не будучи фаталистом, он, тем не менее, с энтузиазмом берется за новый труд в день, когда торговый автомат сбрасывает ему по ошибке в обмен на одну монету – две шоколадки вместо причитающейся одной. По-русски характерен был и его ответ на вопрос о коммерческом аспекте его литературной деятельности: «Производи за деньги то, что у тебя готовы купить. То, что не покупают, – делай с удовольствием и не пытайся продать», – декларация эта, обращенная, видимо, к таким же как он пока непризнанным талантам, показалась мне вымученно высокомерной.

Затронули мы и другие темы – не так давно имело место переизбрание чернокожего президента Америки на второй срок. Инженер, как и полагается человеку техническому, привел цифры, которые запомнил из телерепортажей: за Обаму голосовали 93% афроамериканцев, 70% латинос, 68% евреев, 40% белых.

– It's the demography, stupid! – весело перелицевал Е. Теодор изречение клинтоновских времен, когда превыше всего ставили экономический фактор.

– А относительно русских избирателей известна статистика? – поинтересовался я.

– Нет, – ответил Инженер тоже со смехом, – но я догадываюсь – ноль целых, ноль десятых...

– В Америке – в точности, как здесь, – перебил его Е. Теодор, продолжая свою мысль, – у них афро-испанский альянс побеждает, а у нас русско-марокканский: Либерман со своим электоратом из снежных ашкеназов и арабы моисеевой веры с шляхетскими Иисусами Навинами во главе.

– Кстати, – обернулся он к зевающей Ирэне, – ты обратила внимание, что нападения русских комментаторов на «марокашек» почти совсем исчезли? Не поощряется! А ведь были трения в прошлом! Но нельзя – союзники! Русофобии, симметричной жидоедству российских патристических сайтов, – тоже почти не наблюдается, я уж этим и гордиться, было, начал, но потом подумал и понял – тоже не поощряется, есть понимание – глупо, опасно. Вернее – случаются срывы и первого и второго рода, но только в ответ на конкретный раздражитель. Думаешь – это политика сайта или самоцензура комментаторов?

– Не-е-т, – вяло отозвалась Ирэна, – не заводят мартышек зманкомовских, они и не заводятся сами.

Инженер, видимо, участвует в беседах на эту тему не в первый раз, потому знает, что разговор, течение которого как река упавшую в нее сухую ветку приняло и несет на поверхности своей тему демографических изменений, неизбежно перекинется на печальное будущее одряхлевшей Европы, захлестываемой волной миграции исламистских варваров. Он смотрит на меня (видя во мне сейчас, прежде всего, европейца, француза), и на лице его появляется знакомое мне выражение трагического сочувствия, какое бывает у русских на поминках, пока они еще не совсем пьяны.

– А вот в Европе возможен неожиданный сценарий, – поняв и приняв этот новый поворот разговора, принялся фантазировать Е. Теодор. – Подобно исходу евреев из России может начаться репатриация из Америки европейских народов в Старый свет. Тогда и нам перепадет, может быть, миллион-другой бывших jewish americans.

Нет, Господи, все-таки русские – это популяция параноиков и резонеров. И этот Е. Теодор – «левак», как отрекомендовал его мне инженер?! Если это – «левак», то уж «левак» – русский! Что поделаешь, Господи, с этими людьми?! Он ведь (как следует из вышеприведенных речей) не верит ни на грамм в единое царствие твое на земле! Да ведь я еще не рассказал тебе, как на мой вопрос, как же Западу обеспечить себя потребной ему рабочей силой, проектер этот победно и снисходительно бросил мне: «Вахтенным способом», – то есть, как на нефтяной вышке в море, – прибыл, отработал смену, уехал. Этого монстра, Е. Теодора, Господи, несомненно, породило безверие, недоступно его пониманию величие Америки, где по желанию твоему сближены народы. Он и по поводу голосования американских евреев иронизировал, он сказал еще, что Генри Киссинджер – самый смешной еврей в мире. И над «американскими друзьями» Маши Гессен насмехался, когда обсуждали ее статью, и так увлекся, что мне, будто их представителю, объявил торжественно, что г-н Либерман ему, Е. Теодору, в этом смысле – брат, и точка!

– Мы все немного, – но зманкомовцы, хоть немножко – но Либерман! У каждого русского, если его исследовать с помощью лупы, хоть один медвежий волосок на теле – а найдется! А вы как думали? – Е. Теодор, при возгласении сего парадоксального утверждения, решил даже немного выпатить грудь, отчего надулся его небольшой, определенно меньший, чем у Инженера, животик.

Вот так! Он не верит, Господи, в универсальную мощь любви! Как же не оглянется хотя бы вокруг себя, как не увидит, что простодушный инженер любит его – умствующего Е. Теодора не меньше, чем животных; сам он, велеречивый Е. Теодор, любит долговязую Ирэну; оплавленная, мокрая Ирэна любит продолговатые, как она сама, авиалайнеры; а я, маркиз Астольф Луи Леонор де Кюстин, люблю своего Бога и... русских. Да-да! Их! А особенно – русского царя Николая Первого и вождя зманкомовцев Авигдора Либермана. Да! Тех самых русских, которыми, заинтересовавшись в отрочестве как противоположным (или своим в моем случае) полом, продолжаешь интересоваться до самой глубокой старости, и к которым интерес не иссякает даже после перехода из юдоли земной в небесные выси и во время контрабандного обратного перехода границы, совершенного мною. Ведь что случилось с русскими, когда они стали зманкомовцами? Стоп! Тут задержусь на минуту. Да, пожалуй, действительно – не увлеченность национальной идеей привела их сюда в массу, но и не в колбасе одной дело. Когда они сорвались с места, в России не настолько еще, кстати, плохо было, чтобы решительно выворачивать корни. Обвинение в «колбасности» – незрелый плод, итог жестокого разочарования и оскорбленной надежды, обвинение честной, обманутой в лучших чувствах женщины: «Я его так любила, а он оказался такой подлец!» В действительности же – сошла лавина. Бывает в горах, кто-то не ранним морозным утром, как диктует опыт, а днем, в самый солнцепек, прошел, подрезал снежную доску, и она поползла. Частица увлекает частицу – и несется вихрем снежный поток! Но сойдя сюда лавиною (а вовсе не поднявшись, как любят здесь высокопарно выражаться, ведь поднимаются всегда поодиночке), они полюбили! Впервые в жизни! Со всею силою нерастроченной страсти! И любят они через гнев, через дурь, через злобу! Потому что не умеют иначе, не научены по-другому, не привыкли, не догадались сами...

И вот жаждут души зманкомовские неопасного, но добротного... «Эх! доннерветтеры! – стенают они. – Словом внятным понятия этого не обозначишь теперь из-за них!.. первая же буква «ф» – кислотой на языке... и можешь ездить сколько хочешь в Европу – нигде теперь этого «ф» не найдешь в товарном количестве, везде – либерасты празднуют, от Праги до Рейкьявика... даже Сингапур, совсем в другом конце света, где, бывало, штраф \$500 за малое отклонение от нормы и семь лет на нары – за среднее... что два пальца... – и тот, говорят, скурвился уже...»

А ведь я, Господи, кажется, научился думать по-зманкомовски! И здорово и забавно! Правда?

Странной показавшаяся поначалу мысль вдруг осенила меня: как не хватает в нашей компании самого господина либермана! Так подумал я, и внезапное озарение в тот же миг снизошло на меня: и политический стиль его, и упорное преследование им военной косточки – Эхуда Барака, и собственная его воинственность, не являются ли следствием латентной склонности к садомазохизму, не эта ли тайная наклонность привлекает к нему так много сторонников из русских? Не есть ли это – врожденное или благоприобретенное (какая разница?) свойство жителей «шестой части суши» вообще? «Страна рабов, страна господ» (по известному высказыванию поэта) разве не благоприятная среда для размножения садомазохистов? «Мундиры голубые» и «послушный им народ» – не это ли аксессуары и терминология садо и мазо? Или, оттолкнувшись от однословного определения сути российской жизни великим ее летописцем Карамзиным: «Воруют!» – разве неверно утверждать, что в стране немногих воров и бесчисленных обворованных всевластно царит дух Донасьена Альфонса Франсуа де Сада и Леопольда Риттера фон Захер-Мазоха? А эта жалоба другого поэта:

*«Люди холопского звания —
Сущие псы иногда:
Чем тяжелей наказания,
Тем им милей господа.»*

– это что? И разве новорожденные русские слова «дерьмократ» и «дерьмократия» может выдумать и употреблять с видимым удовольствием человек, не мечтающий топтать других и неготовый к тому, чтобы самому быть другими растоптанным?

Этим людям, если хочется выдавливать из себя раба, то не только его надо выдавливать, но и господина тоже, все садомазо, все вертикали тамошней жизни, всего Достоевского целиком. (Я вспомнил, Господи, нашу беседу о последнем, когда ты сказал, что поставленные им проблемы сотней лет ранее освещены были маркизом де Садом, и на твой вкус, сделано это было непринужденнее, и главное – маркиз не припел тебя, Господи, к нашим человеческим мерзостям, а потому и вышло у него без ханжеского раскаяния и рабского умиления. Он не выкручивал, сказал ты, как Достоевский самому себе семенные хранилища богобоязненными вопросами, не докучал верноподданническими щипками предвечный зад, а омерзительный, непреклонный пронесся бестрепетно и безоглядно, влекомый похотью и жестокостью, прямиком в безбожные тартарары, в ледяную преисподнюю. Отчего же слава Достоевского на Земле выше славы де Сада, спросил тебя я. Ты не ответил, но только добавил, что Достоевский – это де Сад для ханжей. «Я не Бог холуям!» – восклицал ты не раз в последнее время, подразумевая, конечно, что ты и не Бог гонителям и негодяям, но всегда казалось мне – это только пожелание, ты – Бог всем-всем на свете!)

Господь всеведущий, как ты думаешь, скажи: не натолкнулся ли я нечаянно на ошеломляющую разгадку многовекового секрета трансуральской души? Не садомазохистская ли суть ее рвется на волю, рождая озлобление и мрачность? Скажи об этом Е. Теодору – опять поморщится, мол, Урал не на Ближнем Востоке, наше дело – зманкомовцы. Ладно! Я между прочим, не случайно обмолвился и не по небрежности определил эту загадочную душу – как трансуральскую, потому что принадлежать она может и славянину, и семиту (как выясняется), а возможно – и монголоиду. Зманкомовцы, так зманкомовцы! Если сосредоточить внимание только на них, бросается однако тут же в глаза та особенность, что им, униженным тысячелетиями жизни среди других народов, которым дарована была последними исключительная цеховая привилегия мазо, теперь, по обретению независимости и национального первенства, доступно стало наслаждение запретным ранее садо. Ключ от запертой прежде кладовой, где хранятся пряные специи его (садо!), преподнесен зманкомовцам г-ном либерманом со товарищи на блюдецке с бело-голубой каемочкой. Не им ли (садо!) приправлены блюда, которыми питаются неприязненные чувства, испытываемые зманкомовцами к «левым», «арабцам», «говномесам», и не ретроградная ли привычка к мазо с другой стороны направляет обожающий их взгляд снизу вверх на самого господина либермана с его «президентской» формой правления, реализованной в

зманкомовской партии, в которой команду «профессионалов» держит крепкая десница его и дрессирует умелая шуйца? Страстная нынешняя увлеченность зманкомовцев политикой – не есть ли замена кровавому развлечению публичных казней с отрубанием голов и сажанием на кол, суррогат наслаждения, испытываемого во времена массовых репрессий, когда бездонный страх перед остановившимся у подъезда в ночи автомобилем мгновенно сменяется безмерным облегчением при стуке в дверь соседа? О, как отточены бывают от такой жизни чувства русских! На какие высоты духа, бывает, возносятся они из столь глубокой пропасти! Вот когда пылает ярче и ярче вырванное из груди сердце данко! Разве не видел я (и не один раз!) по телевизору в салоне Инженера, какой по-детски чистой бывает порой улыбка господина либермана?! Как умеют смеяться, какой добротой и искренностью лучатся его светлые глаза?!

Но как тяжок груз его тайны! С каким наслаждением мог бы сбросить он его с плеч, став тем, кто он есть на самом деле – просто одним из нас, бесхитростных, подавляющих свои инстинкты, ни на что не притязающих «извращенцев»! Мне представился светлоглазый, короткобородый р-ры-царь Л. с обнаженным торсом, но в широких и темных мехах, наброшенных на его покатые плечи. Несмотря на мех, ему зябко, и чтобы заставить кровь быстрее течь по стынувшим членам, он кнутом стегает разбегающихся и возвращающихся к нему Z-цев. Они визжат. Заплаканный инженер бежит за ними с коробкой пластмассовых палочек для чистки ушей, обернутых ватой на концах, он макает палочку одним концом в банку с йодистым антисептиком, смазывает красные рубцы на теле очередной жертвы р-ры-царя Л. Для одного пациента – одна сторона палочки, для другого – вторая. Затем выбрасывает палочку и достает новую. Разумная, гуманная и экономная предосторожность моего славного Инженера. Иногда из малинового цвета кожаной со многими блестящими пряжками и застежками сумки, перекинутой через его плечо, достает р-ры-царь Л. пластмассовый фаллос, плюет на него и загоняет в анус первого попавшегося под руку Z-ца, стонущего от боли и благодарности. Полноватый невысокий Е. Теодор и худая протяженная Ирэна стоят поодаль рядышком друг с другом, как усеченный пьедестал для двух победителей. На лице Е. Теодора – одно только любопытство, Ирэна – брезгливо сужает глаза. Мне, бесплотному маркизу, не находится места в этом видении.

Я вернулся к нити прерванного разговора и по поводу сказанного об американских евреях, Господи, думаю: не так-то легко будет выманить их сюда! Для этого последним должно быть привито хотя бы в двух поколениях европейское понятие чести. Национальной чести. Вес песчинки чести личной мал, но составленная из таких песчинок гора чести национальной высока и монументальна. Но включено ли ныне для них в это понятие что-нибудь сверх преодоления соблазна жульничать в бизнесе?

– Вы пока, не ожидая нашествия американских евреев, могли бы гарантировать себе демографическое преимущество созданием христианских автономий не на спорной территории вифлеемского кантона, а в находящемся под вашей юрисдикцией Назарете, например, и у Генисаретского озера, где священнодействовал Иоанн Креститель, пригласили бы туда миллион-другой сочувствующих строительству вашего национального дома христиан западного мира, – неожиданно даже для самого себя предложил я.

Инженер и Е. Теодор покосились на меня с подозрением. Нет, все-таки не зря поставил я в старой книге своей подряд и вместе эти три слова: «корыстная религия евреев». И ведь из бесед с Инженером я знаю, как дурно относится он к местному религиозному мейнстриму – ортодоксальному иудаизму, который в полном согласии со своим приятелем Е. Теодором почитает даже и не религиозной конфессией, а по всем признакам – скорее разветвленной и глубоко укоренившейся сектой. Ведь главные признаки сектантства – стремление отгородить своих членов от остального сообщества, создать условия их психологической и материальной зависимости от религиозных авторитетов, подчеркнутое именование «знанием» религиозных толкований в сочетании с пренебрежительным отношением к светским наукам (я уж не говорю о такой мелочи, как совершенно нелепая униформа и выращенные и взлелеянные волосные пружины на висках) – все эти признаки в изобилии присутствуют в сием столь особенном и обособленном духовно-философском течении.

Может быть, дело здесь как раз в ложно понятой «национальной чести», но Е. Теодор, не став отрицать очевидного – тесной связи христианства с западной культурой, усомнился в его первичности в этой связке. Он посоветовал мне на примере культуры христианских племен и народов Африки и Латинской Америки самостоятельно прийти к выводу – христианство ли сформировало западноевропейскую культуру, как полагают некоторые, или это историческое развитие последней наложило свой отпечаток на характер религии в жизни Старого Света. Не без доли ехидства он напомнил мне, что не кто иной, как я сам отзывался в свое время о русской религиозности как об окостенелой византийщине, и предложил мне сосчитать, сколько кирх в достигшей ныне своего пикового расцвета Германии ежегодно передается за ненадобностью мусульманам для отправления совсем иного культа.

Да! Все тот же Е. Теодор в этот вечер изложил мне еще свою идею, согласно которой Европа – континент Отецеств, и как преодолела она расстояние от католического нерасторжимого брака к современному законодательству о разводах, так путь ее лежит к своду разумных законов о депортациях. Без насилий и грабежа, без ущерба для достоинства депортируемых, – подчеркнул он таким напыщенным тоном, что Ирэна выдула ангельское кольцо дыма над его велемудрой головой, – по инициативе обеих или только одной стороны, со строгим соблюдением правил многоступенчатой юридической процедуры, как это было сделано, например, не так давно англичанами в отношении палестинских немцев. И хотя главная головная боль Европы ныне – представители исламской традиции, но как ни парадоксально и болезненно это для европейской коллективной совести, начинать сей процесс справедливо и правильно будет не с мусульман, а с евреев. Он сказал, что в технике, в электронной памяти, есть такое понятие – FIFO (first in, first out).

При всех моих симпатиях к Америке, заявил он, наше будущее вижу связанным, скорее всего, – с обновленной Европой наций. Я спросил у Е. Теодора, не кажется ли ему такая переменчивость в отношении к ближайшему другу и покровителю несколько странной для него, человека, который совсем недавно отчаянно оскорблял президента Ширака, сравнивая его с эталонным оппортунистом Талейраном, заявившим, что предательство – вопрос даты и что своевременное предательство – есть предвидение. Е. Теодор-Перигор ответил, что эта фраза – всего лишь типичный пример французского максимализма («или-или», заметил он), и что в реальной истории долго зреющие процессы могут привести к вполне естественной смене политического партнерства.

– может быть, – одарил он меня еще одним своим прогнозом, – нынешние прокаженные и зачумленные европейские движения разнообразных «Свобод» и Ле Пен династий, отделившись от своей первоначальной закваски – дебилов, нацистов и люмпенов, – остепенятся и станут мейнстримом Старого Света. В некотором смысле – наша небольшая держава, возможно, прокладывает для них маршруты их будущего, мы, может быть, лепим модель грядущей Европы.

Тут нет ни первенства, ни подражания, подумал я, это независимо общее евреев и русских свойство характера – страсть их мнить себя маяками Европы.

Хорош идеолог, не правда ли, Господи? Как только земля таких носит?! Помнишь ли, ведь это ты сказал мне однажды, что степень варварства человека измеряется упорством, с которым он преследует иррациональные цели. «Я предоставил в их распоряжение пытливый ум, пожертвовал даже верой в меня, почему же их по-прежнему заклинивает на абстракциях?» – спрашивал ты в волнении. Помнишь, я возражал тебе: «Но ведь в этом стремлении в духовную высь нередко проявлялись их величие и сила, – сказал я тебе, – разве не ты вдохнул в них веру и любовь к идеалам?» «Но это было только средство поднять их над животными инстинктами, – ответил ты горестно, – я не думал, что они до такой степени пристрастятся...» – и ты махнул рукой, точно был тот самый разочарованный в своих согражданах чеховский доктор.

Я спросил Е. Теодора – что же по-вашему, и за религиозные убеждения преследовать станут в Европе? Исповедуешь Ислам – вон?! Нет, отвечает, это невозможно, а вот если то или иное конкретное толкование религии подпадает под определение секты, тогда совсем другое дело, с сектами и их гуру – совсем другой разговор. Нет! Подумать только! Каков иезуит!

Пока я отвлекся, размышляя, мои собеседники, похоже, опять сцепились в споре о личности либермана. Способна ли вообще к существованию их дружба без этой громоздкой тени над ними? Инженер совестлив Е. Теодора, напоминая ему о выдающихся организационных способностях и хозяйственных заслугах господина либермана и подбираемых им соратников по партии. Пошла в ход со стороны Инженера аргументация положительного свойства – строящиеся по предназначениям либермана опреснительные установки, несущие водное изобилие всему региону. Уцепившись за водное изобилие, припомнил было Е. Теодор либермановские призывы бомбить Асуанскую плотину в Египте, отчего там должно было также наступить водное изобилие, но другого рода, но тут подвернулся ему в мыслях аргумент более общего характера и он победно провозгласил:

– А что, дон Карлеоне разве был плохой организатор? А каганович разве московское метро не построил? А в Тель-Авиве – до сих пор нет! Несмотря на наличие либермана в правительстве! Скажите, маркиз, был карлеоне хороший организатор, или не был? У вас прямая связь с Небесами, можете вы снестись, если вас это не слишком затруднит, с господином Марио Пьюзо, чтобы справиться о его на сей счет мнении?!

Любой политический спор между русскими непременно должен закончиться оскорблениями. И Е. Теодор светился яростью, как гнилой пенёк на болоте, и (как ты в моих снах порой, Господи) уже почти не выбирал выражений:

– Не переварить мне либермана! Никак! Не могу! Он пихает меня туда, откуда я выбрался! Не хочу! Хуже – он запихивает меня в задницу! (Любопытная ассоциация? С чего бы это?) А я не из жопы родился! Понятно? Не из жопы я! Не хочу в жопу! Чемпион по подниманию муты со дна! (Это все еще о либермане – Кюстин). От него донной тиной несет! Его идеи бинарны как железные качели, скрип – туда, визг – сюда! Прихотливы – как мораль русских былин! А сколько в нем здоровой медвежатины: одним махом – семерых поебахом! – Ирэна подняла бровь и ничего не добавила. – Кюстин! Я поверю в вашего Бога, если он пошлет семь лет обильных дождей, так чтобы семь лет либермановские опреснительные установки по уши стояли в болоте! Чтобы козлы-зманкомовцы удостоверились: не все просто, не все им – русские былины и либерман на копытастом коне и в пархатой кольчуге! Достал меня богатырь наш! Ей-богу, достал! Уже и так «русской улице» мозги усекали как минимум на две трети! Мало?! Сионизм – не есть репатриация евреев России плюс полное опреснение вод Средиземного моря!

Трудно ожидать от Е. Теодора простой человеческой благодарности Авигдору Либерману даже за полезные его дела. Вздорный он человек, Господи, как я погляжу. И вот прошу тебя, Всесильный, – нашли на Святую Землю лет семь засухи. Пусть так и не поверит в тебя Е. Теодор, но зато, может быть, снизойдет на него раскаяние в недобром его упорстве. Ведь это важнее, правда? Я решил отвлечь его от фигуры г-на Либермана, несправедливо, по моему мнению, им демонизируемой.

– Правильно ли я понимаю вас, полагаете ли вы, – спросил я Е. Теодора, – что Izrus.co.il и Zman.com капают конский возбудитель примитивного национализма и племенной групповщины русским пенсионерам в чай с лимоном?

– Ну, да, – отвечал он, – и с лимоном и без лимона!

– И действует?

– Вы же читали их отклики! – вместо Е. Теодора воскликнула Ирэна и с органично присущей ей, видимо, раскованностью добавила. – Пенсионеры от страсти хорями лысыми LCD экраны протыкают, пенсионерки в экстазе лэптопы целиком в вульвы запихивают!

Это замечание Ирэны снова отвлекло меня от политической направленности нашей дискуссии. Как все-таки протекает практическое соитие Ирэны с самолетом, думал я? В отсутствие Е. Теодора она, наверно, лежит на спине в кровати как египетская мумия в саркофаге и сквозь окно смотрит в небо. Руки ее прижаты к бедрам, пятка к пятке, колено к колену. Самолет проникает в нее как дух божий, целомудренно и мощно. Она закрывает глаза, на бледном лбу ее проступают бисеринки пота. Но зачатия не происходит. Самолет ближе, чем пароход или семитрейлер, к Небесам, но и он не обладает животворящей силой.

Последняя фраза Ирэны сделала Е. Теодора похожим на «Боинг» на взлетной полосе. Он не жестикулировал и не двигался, сидя на стуле,

как будто всю без остатка берег энергию, чтобы взлететь. «Этак у него есть шансы приземлиться, где нужно», – подумал я.

– И весь-то их конский возбудитель коллективных психозов, – поднимал он обороты, – европейский рецепт столетней давности! Перед Первой Мировой – ух, как сумели себя завести европейцы! На фронт! Добровольцами! Деревнями! Студенческими группами! Англичане! Немцы! Французы! Цвет человечества! Газы глотали, дивизиями шли на пулеметы, собственным мясом разбрызгивались под снарядами! Их вы хотите соблазнить прелестями праведной ярости?! Им вы хотите напомнить о здоровых человеческих инстинктах?! Им поставить в пример боевой дух кишиневского еврея? Ах вы неучи лапотные! Наглецы без страха и упрека! Чтобы немецкий рецидив погасить, как надрываться в том числе и вашим же предкам пришлось! Вы удивляетесь, зачем европейцы «здоровым инстинктам» горло зажали до посинения?! Даже, если перегнули палку! Несколько неудачных попыток воспроизвести здесь то устройство жизни, что у них уже семьдесят лет последних так исправно (тик-так) постукивает, вы называете глупостью и предательством! Вместо того чтобы европейские прививки либерастности и толерастности колоть арабам в задницы, вы хотите и нас от них избавить?! Это Зина Поселенка, что ли, – ваша Жанна д'Арк и Александр Македонский в одном героическом лице?

При упоминании о Зине Инженер нахмурился, будто и впрямь вызвал ее в своем воображении, но не на коне и не с подозрительной трубой, а за учительским столом, например, зудящей по поводу забытой Инженером тетради с домашним заданием.

– Хорошо еще, что голову дома не забыл, – пела она, – записывай, если не можешь запомнить, родителей своих проси, чтобы напоминали тебе. Пусть говорят: «Ученик! Ты не забыл тетрадки?»

Пьяный Инженер мотал головой, не в силах избавиться от мучительного кошмара.

– А может быть, ты просто не выполнил задание? В глаза мне смотри! На парте ничего не написано. Может быть, ты не забыл тетрадку, а нарочно ее выложил, потому что в ней ничего нет? А? Что ты на это скажешь? Я права? А? Права? А может быть, она там, в портфеле у тебя и лежит? Встань! Ну-ка, неси сюда портфель.

Вид негодующего Е. Теодора отвлек Инженера и привел его в чувство, а Е. Теодор продолжал яриться:

– Что есть обкатанный патриотической публикой и широко и с наслаждением ею используемый ярлык «левый»? «Левый» на зманкомовском жаргоне – это еретик и предатель, жаждущий отдать арабам нашу священную землю или еще более священные, чем вся земля, священные ее части. По цельности и простоте этот образ может конкурировать с: «юде» – что есть крючконосый еврей, портящий наивных, невинных германских девушек; или с понятием «буржуй» – что обозначает того, кто с жалости не знающей алчностью высасывает кровь из людей труда! Потребители этих заезженных стереотипов – великий и вечный интернационал кретинов, именуемый человечеством! Умственный триппер, казалось бы, окончательно залеченный на Западе за последние семьдесят лет, теперь возвращается к нам, расконсервированный после хранения на русском холоде, в складках необрезанной крайней плоти зманкомовцев.

Инженер посмотрел на Е. Теодора со смесью сомнения в правильности его идеи и благодарности за освобождение от мысленного нашествия Зины Поселенки, а Е. Теодор, кажется, забыл, что его обращенный на зманкомовцев гнев уже, вроде бы, иссяк, и Боингом зашел еще на один круг.

– Сброд невежд, одержимо воспроизводящий европейскую историческую дурь столетней давности. Современный западный стиль (даже со всеми его перегибами и заносами, о которых они там осведомлены не менее нас) – не прихоть, а результат приобретенного большими человеческими коллективами трагического опыта. И вот эти наши хамы машут знаменами своего вновь обретенного патриотизма у них перед носом, как трясет кулаком перед лектором на курсах ликбеза уральский рабочий советских 20-ых, узнавший об идее *perpetuum mobile* и обостренным классовым чутьем постигший, что двигатель такой вопреки отрицанию возможности его воплощения все-таки существует, вот только буржуазные спецы скрывают его от революционного пролетариата. Начала европейского фашизма, видите ли, стали для них откровением!

– Пидоры! – возгласил вдруг Е. Теодор, но тут же взглянул на меня и осекся, понурился, замолчал и даже перестал светиться.

Во взгляде, который Инженер бросил на Е. Теодора, ясно читался вопрос: «А сам ты, со своим либерализмом – не педераст ли?» – из-за чего Е. Теодор вспыхнул и заявил громогласно и радостно, поскольку мог теперь совершить обряд самоочищения, засвидетельствованный представителем Небес (мною), находящимся на Земле с неофициальным визитом в научных целях:

– Насколько я понимаю, гомосексуалист – это человек, родившийся в мужском теле с женским половым инстинктом. Только и всего. Но мне, перефразировавшему известную русскую максиму: «Лучше иметь дочь проститутку, чем сына – милиционера», – в: «Лучше отец – педераст, чем мать – сторонница Либермана», следует хоть однажды объясниться на сей счет откровенно: я очень чувствителен к красоте и стилю, и из-за проклятого высказывания Швейка о том, что все эстеты – педерасты, иногда спрашиваю себя, а все ли ты знаешь о себе, Е. Теодор? Но когда Ирэна, подобно маяку в ночи, ослепляет меня с расстояния в десятки метров, я говорю себе: нет, Е. Теодор, – нет! Ты – не гей! Когда же я заглядываю в самые мрачные уголки своей души, где залегли самые первобытные мои инстинкты, я нахожу там отчетливое стремление, и даже неутолимую жажду перебить всех мужчин и приблизить всех женщин.

Обласканный манифестом толерантности, провозглашенным сейчас Е. Теодором, я представил себе, как посланником Твоим вхожу в паб терпимости, сопровождаемый Ирэной, Иженером и Е. Теодором, стены внутри драпированы радужными полотнами, заведение сие охраняется строго, чтобы какой-нибудь окончательно свихнувшийся фанатик не бросил в него разрывную гранату. Я переступаю порог, а там, внутри – российский государь Николай Первый и современный деятель Авиодор Либерман, сидящие на высоких стульях у стойки, прекращают государственный спор о наилучших формах правления и оборачиваются ко мне с ласковыми улыбками. Ко мне! Только ко мне! А снаружи проникнувшие сознанием всеобщего единения и любви всех существ рода человеческого, всех рас, племен и сексуальных ориентаций, волнуются и рукоплещут нам зманкомовцы.

Мне стало обидно в этот момент за них, за так жестоко порицаемых Е. Теодором зманкомовцев, как хемингуэву американцу – за быка на испанской корриде. Как этот американец быку, пожелал я в это мгновение зманкомовцам победы над Е. Теодором. Ввязаться зманкомовцу в дуэль с ним на шпагах или рапирах высокоумного диспута нерасчетливо было бы и неразумно, и я решился от имени их пырнуть Е. Теодора складным ножиком в незащищенный пах, в слабое место всякого самопровозглашенного интеллектуала – в его самолюбие. Напрягшись, я воплотился, не сходя со стула, на котором сидел, в Зину Поселенку, и спросил его, будто отстучал на клавиатуре компьютера:

– А не кажется тебе, Е. Теодор, что у тебя синдром русско-еврейской самоненависти? Что ты, как сказал Вольтер, страдаешь от «презренной любви свинопаса к царевне», то есть, если тебе Вольтер не совсем понятен, – комплексом неполноценности по отношению к местным «старым элитам»?

– Это не Вольтер, а Жаботинский сказал о любви евреев к русской интеллигенции, – возмутился Е. Теодор.

– Не уваливай от ответа, Е. Теодор, – отвечал я, с удовольствием входя в роль Зины Поселенки, – ты ведь понял мой вопрос? Он ведь для тебя не слишком сложен?

Уже дремавшая на диване Ирэна по кошачьи приоткрыла длинную узкую щель одного глаза, прислушиваясь. Мне стало жаль Е. Теодора и стыдно за свой пинок ему спереди и ниже пояса. Если он сейчас спустит штаны, обнаружив тем самым, что от моего удара у него там огурец действительно стал зеленым, а помидоры красными, и примется дуть на них, то у него ничего из этого не получится – расстояние от губ до того, что ниже пояса, у него, как у всякого мужчины с брюшком, – слишком велико. И я, вернувшись в оболочку маркиза Кюстина, прихожу ему на помощь:

– Или вы, по Кончаловскому, – «светлая полоска», но на местном горизонте?

Ирэна зевнула, тоже очень по-кошачьи, но на человеческий манер отвернув голову, чтобы не утруждать себя необходимостью прикрыть зевот ладонью.

– Не хотите – не верьте, маркиз, но я никогда не допустила бы, чтобы над Теодором, – интимно сократила она его имя, – нависал кто-нибудь, кроме меня.

Ирэна подавила еще один зевок. Она, представилось мне, словно живым теплым кошачьим мехом разлеглась и не на диване Инженера, а на плечах Е. Теодора, а он, не касаясь, только смотрел на нее с обожанием.

Все мы, живые и мертвые, обожаем времена своей молодости. Как сказал этот профессор Булгаков-Преображенский – «отстали от европейцев на 200 лет»? 2013 – 200 = 1813. Мне было тогда 23. В этом тоже, наверно, часть секрета нынешних моих интереса и симпатии к русским. И в этих двоих, Ирэне и Е. Теодоре, есть что-то вольтеровское – тот же задор, те же скромные результаты. Вот только вольтеровского: «надо возделывать наш сад», – я от них не услышал. Зманкомовец не возделывается, должно быть, полагают они. Может быть, – они правы. Может быть, – правы. Может быть, – правы... Боже правый! Как же я раньше этого не заметил?! Ведь ногти Ирэны на руках и на ногах острижены обратными дугами, и каждый палец заканчивается рожками! Из-за того, наверно, что они не покрашены, – не заметил! Но теперь будто ледяные сосульки скользнули мне в брюки, ухватили мои гениталии, повисли на них и тянут книзу, и те уже, кажется, со стула свесились как плавленные часы Дали, а сосульки проклятые их все холодят и щекочут, и тянут... Уф! Прошло... Не глядеть больше! Это кто же делает ей такие маникюр с педикюром? Не иначе, как сам Е. Теодор. Господи, приснись ему, скажи, чтобы стриг как все – с выпуклым закруглением! А заодно уж – приснись и владельцам Zmap.com, пусть сменяют название сайта, чтобы письма мои смогли обрести историческую законченность! Не плохо бы еще и присоветовать им ввести авторизацию отзывов на сайте. Вот уж не верю, что спасительный инстинкт самосохранения и презренные сестры, осмотрительность и осторожность, переселят в зманкомовцах священную ярость, возьмут верх над выстраданной любовью к Отчизне и загонят их поодиночке в норы утерянной анонимности!

Усталые, протрезвевшие, мы сидели молча. Я размышлял об этой странной паре очень по-русски высокомерных и забавных голубков, Ирэне и Е. Теодоре, когда обнаружил, что уже некоторое время в другой комбинации составившаяся пара, Инженер и Е. Теодор, внимательно наблюдают за тем, как палец мой неосознанно, механически поглаживает схожее с нежным анусом начавшего мужать отрока нижнее углубление яблока, в котором топорщатся засохшие остатки фруктового цветка. Во взглядах их не было ни брезгливости, ни холода, одно отстраненное любопытство, но мне стало вдруг так грустно, так грустно, Господи!

Моп аті, завершая письма мои к тебе, не нумерую их намеренно, потому что они не являются последовательностью, цель которой – в конце подвести читающего к искусно навязанным выводам, да и насмотревшись в 30-х, 40-х с высоты Небес твоих на «Neuordnung» в Европе, я потерял всякий вкус ко всякому порядку. Мне достаточно наскучили уже, о величайший друг мой, и еврейские русские, и русские евреи! Проникнутый духом твоей всеохватной любви и прожив с этими людьми бок о бок в течение недлинного, но не столь уж и малого промежутка времени, я испытываю к ним искреннюю симпатию. Никто не смеет больше назвать меня русофобом. Но, Бог мой, общаясь с ними, я обнаружил, что пристрастия и идеалы их в отношении государственного устройства не претерпели с тех давних пор больших изменений. Почти так же, как и прежде, склонны они к всякого рода крайностям, так же готовы сорваться и понести, как когда-то понесли меня русские лошади, завидевшие персидского слона на дороге. Когда еще взгляды их изменятся? Ведь история мусахника Файвеля – скорее притча, чем быль. Обращаюсь к тебе ныне с просьбой, которую, возможно, давно уже ожидаешь услышать – ниспошли мне, Господи, сон, укажи, где начало того желоба или лестницы, по которым смогу я вернуться к тебе, прильнуть устами к роднику мудрости твоей, отдохнуть душою под сенью благодати, кротости твоей и терпения!

Я оглянулся на Ирэну, чтобы узнать, заметила ли и она вышедшую со мною неловкость с яблоком, не подняла ли она в холодном неприятии бровь, но увидел, что она заснула на диване, поджав ноги, которые укрыла от прохлады полосами своих разрезных шаровар. Ладонь правой руки охватывала закрытые ее глаза, левая лежала на диване, но

указательный палец ее втиснут был в щель между валиком дивана и сиденьем, как будто заякорив тело ее слабой, эфемерной связью, не прочнее той, которая и вообще-то соединяет обитателей Земли с их краткой жизнью на ней.